Дневник художника А. Н. Мокрицкого

ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА А. Н. МОКРИЦКОГО

ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА А·Н МОКРИЦКОГО

Издательство «Изобразительное искусство»
Москва. 1975

7С1
М74

*Составитель, автор вступительной статьи
и примечаний Н. Л. ПРИЙМАК*

Д $\frac{80101\text{-}0049}{024(01)\text{-}75}$ 63-75

«Дневник художника А. Н. Мокрицкого» представляет большой интерес для истории русской художественной культуры, для исследователей живописи, музыки, театра и литературы первой половины XIX века. Несмотря на сравнительно небольшой объем и довольно узкие хронологические рамки (записи сделаны в 1834 — 1840 годах), «Дневник» является щедрым источником сведений, особенно ценным, так как эпоха эта небогата мемуарным и эпистолярным наследием деятелей изобразительного искусства.

«Дневник» А. Н. Мокрицкого — своеобразная летопись событий, свидетелем которых был молодой художник, попавший, в силу ряда обстоятельств, в самую гущу столичной жизни. Не ставя себе иных целей, кроме желания закрепить на бумаге происходящее, с тем чтобы когда-нибудь «вспомнить прошедшее», Мокрицкий слегка сентиментально (в духе времени) и несколько провинциально-восторженно (в соответствии с воспитанием) педантично заносил в «Дневник» все, казавшееся ему достойным внимания. Непосредственность в изложении и оценке событий, непринужденность повествования — бесспорные достоинства этого документа, выгодно отличающие его от многих мемуаров, в том числе и от воспоминаний Мокрицкого о К. П. Брюллове и А. Г. Венецианове, созданных спустя многие годы.

Развитие русской национальной культуры первой половины XIX века было сложным и противоречивым. Идейной опорой уходящих в прошлое традиций стала в эти годы Академия художеств. Перевод Академии в 1829 году в ведение Министерства императорского двора поставил ее под непосредственное наблюдение Николая I, мнившего себя тонким знатоком и ценителем искусства. Вследствие этого, сохраняя значение первоклассной школы профессионального мастерства, Академия художеств постепенно лишалась роли ведущего творческого художественного центра страны. Поиски новых путей в искусстве шли вне и помимо Академии. Неоценима в эти годы была деятельность Венецианова и его многочисленных учеников. Творческие и педагогические принципы Венецианова,

обращавшие художников к внимательному изучению натуры, природы, легли в основу созданной им школы. Именно работы Венецианова и его последователей определили дальнейшее развитие русского искусства, подготовив выступление П. А. Федотова и позже передвижников. Огромную, хотя и противоречивую роль сыграло в этот период и творчество прославленного Брюллова.

Мокрицкий, будучи учеником Академии художеств, занимался у Венецианова, и записи в «Дневнике» свидетельствуют о дружеских связях с художником и его семьей. Затем автор «Дневника» провел четыре года вблизи Брюллова «как старательный ученик и восторженный почитатель «Великого Карла».

На страницах «Дневника» мы встречаем имена А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, П. А. Плетнева, А. В. Кольцова; близок автор к поэтам и писателям Н. В. Кукольнику, Е. П. Гребенке, В. Г. Бенедиктову. Он был знаком с П. П. Ершовым, Я. М. Неверовым, композитором М. И. Глинкой, певцами А. Я. Воробьевой и О. А. Петровым; пользовался покровительством конференц-секретаря Академии художеств В. И. Григоровича. Трудно перечислить всех молодых художников, с которыми дружил Мокрицкий,—здесь и Л. К. Плахов, и И. М. Сошенко, и И. К. Айвазовский. Особое место занимают в «Дневнике» страницы, посвященные истории освобождения Т. Г. Шевченко от крепостной неволи.

«Дневник» как бы переносит читателя в атмосферу первой трети XIX столетия, сохраняя в неприкосновенности мысли, чувства людей далекой от нас эпохи, помогает воссоздать в воображении их живые образы, характеры, идеалы; воскрешает строй жизни, быт, нравы, привычки. «Дневник» раскрывает перед нами внутренний мир художника, его стремления, мечты; позволяет глубже и вернее понять особенности мировоззрения его друзей и старших современников, постичь духовный облик молодого человека середины XIX столетия.

Аполлон Николаевич Мокрицкий родился 28 июля 1810 года на Украине в семействе скромного пирятинского почтмейстера Нико-

лая Алексеевича Мокрицкого[1]. Мать будущего художника, Ульяна Даниловна, увлекалась рисованием и художественным рукоделием, и от нее, по-видимому, воспринял он интерес и любовь к изобразительному искусству. Семья, хотя и дворянская, была небогата, однако детям стремились дать хорошее образование. В 1818 году Мокрицкого помещают в Полтавский дом воспитания бедных дворян, откуда он в январе 1824 года выпущен на «собственное попечение отца»[2]. Вскоре Мокрицкий был принят в недавно открытую гимназию высших наук, основанную в небольшом уездном городке Полтавской губернии Нежине на средства, завещанные екатерининским вельможей князем А. А. Безбородко. Нежинская гимназия высших наук в конце 20-х годов XIX века была одним из наиболее серьезных и хорошо поставленных высших учебных заведений в России. Особенное внимание уделялось преподаванию гуманитарных наук. Воспитанники увлекались литературой, историей и философией, но получали также прочные и обширные знания в области естественных наук, математики, старых и новых языков. Не были забыты в гимназии и изобразительные искусства. В 1820 году, по рекомендации почетного попечителя графа Кушелева-Безбородко, в нее был приглашен учителем рисования живописец К. С. Павлов. Он окончил в 1815 году петербургскую Академию художеств, получив аттестат 2-й степени «по живописи портретной». Безусловно, как выученик Академии, в которой он провел 17 лет[3], Павлов имел необходимые навыки в преподавании.

---

[1] Гос. архив Полтавской обл., ф. 801, оп. 1, д. 2283, л. 3 об. Однако в аттестате, выданном Мокрицкому от имп. Воспитательного дома Санкт-Петербургской ссудной казны, указана другая дата: 31 июля (ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, ед. 120, л. 10). Ту же дату приводит и Т. В. Алексеева в книге «Художники школы Венецианова». М., 1958, стр 164.

[2] Филиал Гос. архива Черниговской обл. в Нежине, ф. 377, оп. 1, д. 11, л. 67

[3] ЦГИА УССР в Киеве, ф. 939, д. 224, лл. 64 об.—65, 78 об., 81, 97, 132.

Первым директором гимназии был профессор В. Г. Кукольник, отец известного впоследствии поэта и журналиста Н. В. Кукольника, также окончившего Нежинскую гимназию. Старший брат Н. В. Кукольника Платон, имя которого не раз встречается в «Дневнике», некоторое время преподавал в той же гимназии.

Одновременно с Мокрицким в Нежине учились Н. В. Гоголь, его друзья А. С. Данилевский и Н. Я. Прокопович, будущий писатель Е. П. Гребенка и его братья, юрист П. Г. Редкин, К. М. Базили, ставший впоследствии дипломатом, художник-любитель граф С. П. де Бальмен. Дружественные связи, возникшие в годы пребывания в гимназии, многие нежинцы сохраняли всю жизнь.

Мокрицкий был известен среди гимназических товарищей своими художественными способностями. В письме братьев Е. П. и А. П. Гребенок к родителям из Нежина, от 14 сентября 1829 года, имеется фраза: «...покорнейше вас прошу прислать картину Мокрицкого, которую я забыл дома»[1]. К сожалению, это единственное упоминание о живописи Мокрицкого в конце 1820-х годов.

Окончив в 1830 году Нежинскую гимназию, Мокрицкий переехал в Петербург, желая заняться по примеру старшего брата, Александра, изучением медицины. Однако его постигла неудача на этом поприще. Недостаток денежных средств заставил юношу искать работу. В феврале 1831 года из Петербурга в Нежин поступил запрос об «обучавшемся в гимназии высших наук князя Безбородко студенте Аполлоне Мокрицком, утвержденном господином министром в сем звании 22 октября прошлого, 1830 года»[2], так как Мокрицкий желал поступить на службу в Департамент народного просвещения. С 1 апреля 1831 года он значится канцеляристом при Департаменте горных и соляных дел, а с 11 февраля по 22 сентября 1832 года — писарем при журналисте экспедиции Ссудной казны

---

[1] Гос. музей украинского изобразительного искусства УССР в Киеве.

[2] Филиал Гос. архива Черниговской обл. в Нежине, ф. 377, оп. 1, д. 124, л. 87.

Санкт-Петербургского опекунского совета [1]. Зарабатывая на жизнь, Мокрицкий сделал перевод с немецкого языка для «Литературной газеты» [2]. Следует отметить, что, несмотря на службу, уже в сентябре 1831 года Мокрицкий числился «посторонним учеником» Академии художеств [3]. К этому же времени относится, по-видимому, и знакомство с А. Г. Венециановым, ставшим его учителем в начале 1832 года. Мокрицкий попал к Венецианову, получив уже достаточную художественную подготовку в гимназии и Академии [4]. Однако Мокрицкий из-за материальных лишений, или «стесненных обстоятельств», как он писал впоследствии, был вынужден прервать свои занятия и в конце 1833 года уехать на родину [5].

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 120, л. 10.

[2] См.: Т. В. Алексеева. Художники школы Венецианова, стр. 164.

[3] Там же.

[4] В апреле 1832 года Мокрицкий в качестве «любителя живописи» получает билет для входа в Эрмитаж (Архив Гос. Эрмитажа, ф. 1, оп. II, д. 15, № 524). На обороте холста картины Мокрицкого «Галерея Эрмитажа» (1833, Гос. Эрмитаж) сохранилась надпись: *Писана с натуры 16-го мая 1832 года. Пр. ея имп. вел. 18-го Июля 1833 г.*, последние слова которой можно расшифровать: «Пр[еподнесена] ея имп. вел[ичеству] 18 июля 1833 г.» Как сообщает сам автор «Дневника», Венецианов, познакомив своих учеников с рисованием «с гипсов и других предметов», переводил их на писание «красками» несложных натюрмортов. «Ученика, ознакомившегося таким образом с красками, сажал Алексей Гаврилович в Эрмитаже или во дворце для написания перспективы... терпение его (ученика.— *Н. П.*) подкреплялось приятною надеждою, что если его картина будет удачно исполнена, то удостоится чести быть представленною государю-императору и, следовательно, художник будет щедро награжден» (Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников. М.— Л., 1931, стр. 70).

[5] 4 ноября 1833 года Н. А. Маркевич, украинский помещик и знакомый семьи Мокрицких, заносит в свои «Записки, отметки из корреспонденций, из денежных счетов и т. д.»: «Мокрицкий живет в Пирятине, в доме отца своего, почтмейстера» (ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 448, д. 48, л. 87).

Текст публикуемой рукописи и начинается с грустных для автора дней, когда он, зарабатывая деньги на второе путешествие в Петербург, пишет портреты окрестных помещиков[1]. Много работал Мокрицкий в имении Дегтяри, принадлежавшем богачу П. Г. Галагану Особый интерес представляет упоминание о написанной там Мокрицким «Полуперспективе гостиной», показывающей, что молодой художник твердо запомнил недолгие уроки Венецианова. Перечисление работ, исполненных в это время, и подробное их описание в «Дневнике», несомненно, ценны для исследователей.

30 ноября 1834 года, как свидетельствует запись в «Дневнике», Мокрицкий вновь приехал в Петербург, чтобы посвятить себя, теперь уже окончательно, занятиям живописью.

Большую роль в дальнейшей судьбе художника сыграло его близкое знакомство с всесильным, по отзывам современников, конференц-секретарем Академии В. И. Григоровичем: родители Григоровича, жившие в Пирятине, были дружны с семьей Мокрицкого. Григорович, несмотря на долгие годы службы в столице, не терял связей с родиной: «Я бываю также у Григоровича... двадцать лет его пребывания в Петербурге не могли изменить его малороссийского выговора Он человек с большими сведениями и служит мне ключом ко всему изящному, что только находится в Академии»,— писал в марте 1834 года нежинец Е. П. Гребенка другу[2]. Квартира Григоровича в Академии художеств в 30-х годах XIX века была средоточием художественной интеллигенции Петербурга, «чем-то вроде очень значительного и очень влиятельного художественного центра в Петербурге»[3]. Здесь собирались и маститые художники, и подающая надежды молодежь: вице-президент Академии худо-

---

[1] Сохранились свидетельства о исполнении Мокрицким портретов Н. А. Маркевича и членов его семьи (ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 448, д. 48, лл. 87, 95).

[2] ОР ИЛ АН УССР, ф. 65, д. 16, л. 1.

[3] В. В. Стасов. Статьи и заметки, не вошедшие в собрание сочинений, т. II. М., 1954, стр. 301.

жеств скульптор граф Ф. П. Толстой, профессор Петербургского университета П. А. Плетнев, поэт А. В. Кольцов, скульптор барон П. К. Клодт, А. Г. Венецианов, позже — К. П. Брюллов, рано умерший художник В. И. Штернберг, И. К. Айвазовский. Мокрицкий бывал в доме Григоровичей запросто, почти ежедневно, обсуждал с хозяином прочитанные книги, проблемы искусства. Его поощряли в занятиях живописью, пророча великое будущее.

В декабре 1835 года Мокрицкий получил 2-ю серебряную медаль за «Портрет Е. И. Пузино» и стал пенсионером Академии [1]. Несмотря на поддержку Академии и пособие от Общества поощрения художников, ему приходится писать портреты и давать уроки, чтобы заработать на жизнь. Судя по записям в «Дневнике» молодым художником за 1835 год было исполнено более 25 работ, среди которых преобладали портреты. В конце года он начал свой «Автопортрет».

Уже будучи в Академии, Мокрицкий не порывает связи и с первым своим учителем — Венециановым, постоянно пользуясь его советами, показывая ему работы, часто бывая в доме художника. Авторитет Венецианова для Мокрицкого в это время столь велик, что произведение учителя не меркнет в его глазах рядом с прославленной картиной Брюллова «Последний день Помпеи», привезенной из Италии в 1834 году: «...ходил я смотреть Брюллова! — пишет он 3 декабря 1834 года.— Расположенный этим гениальным произведением к высоким чувствованиям, я пошел смотреть другое, не менее великое по выполнению, но еще высшее по сюжету — «Саваофа» г. Венецианова» [2]. В отдельных фразах, в изобилии рассыпанных по «Дневнику», вырисовывается образ Венецианова — пожилого, доброжелательного, простого и приветливого в обращении человека. Живо передана атмосфера его радушного и хлебосольного дома, в ко-

---

[1] ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2094, л. 1.
[2] «Дневник художника А. Н. Мокрицкого», стр. 32—33.

тором художественная молодежь чувствовала себя уютно, как в родной семье. Через много лет Мокрицкий в «Воспоминании об А. Г. Венецианове и учениках его», написанном к десятилетию со дня смерти наставника, с благодарностью вспомнит, что Венецианов «уважал юное дарование ученика и, зная, что вдавливая его в чуждую ему форму, можно лишь измять его, испортить и, следовательно, изуродовать, никогда не был так самолюбив, чтоб желать целиком отразиться в другом таланте» [1]. Однако с течением времени терпимость и деликатность опытного мастера вызвали в самоуверенном по-юношески авторе «Дневника», как можно судить по записям, некоторую небрежность и даже пренебрежение к мнению Венецианова. И все же, если мы внимательно изучим характер и направление поисков Мокрицкого в искусстве, пользуясь весьма скудными сведениями и набросками-рисунками в «Дневнике», то убедимся, сколь велико было влияние на него творческого метода и взглядов Венецианова. Описывая день за днем работу над картинами «Разносчик», «Хижина Петра I в Саардаме», «Ярмарка» (все — 1836), Мокрицкий как бы раскрывает перед нами этапы работы учеников Венецианова, стремившихся вслед за учителем быть верными «натуре», передавать «материальное различие» предметов, пространство, перспективу. Несмотря на то что Мокрицкий стал впоследствии одним из «потерянных людей», как называл Венецианов тех из своих учеников, которые изменили его педагогическим принципам под обаянием славы, таланта и личности Брюллова, записи «Дневника», сохранив в неприкосновенности впечатления юноши от общения с Венециановым, добавляют новые краски к образу одного из своеобразнейших представителей русского искусства.

В конце мая 1836 года, после многолетнего пребывания за границей, в Петербург возвратился Брюллов. Вскоре благодаря поддерж-

---

[1] Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников, стр. 89.

ке Григоровича Мокрицкий становится учеником портретного и исторического класса Академии, руководимого Брюлловым.

Страницы «Дневника», относящиеся к этому периоду жизни Мокрицкого, особенно ценны и наиболее интересны, так как он не был просто одним из учеников довольно многочисленного по составу класса Брюллова, но жил с ним рядом, навещал его и ранним утром, и поздним вечером, сопровождал на прогулках, при визитах к друзьям, постоянно и заинтересованно наблюдал за работой великого художника.

Разделяя восторги современников, а творчеством Брюллова восхищались не только в России, но и в Европе, Мокрицкий обожествлял свой кумир. Это преклонение осталось у Мокрицкого на всю жизнь: «Время пребывания моего у Брюллова было счастливейшим в моей жизни. ...Каждый новый день я встречал с восторгом ...входил в его мастерскую, как в святилище»,— писал он в «Воспоминании о Брюллове» [1]. Склад характера автора, его восторженное отношение к учителю определили приподнятый, даже экзальтированный тон большинства записей о Брюллове в «Дневнике». И все же, несмотря на это, со страниц рукописи встает перед читателем образ Брюллова-человека: глубокого и по-детски непосредственного; увлекающегося, непостоянного — и способного, забывая о себе, трудиться над картиной до изнеможения, стремясь к недосягаемому идеалу; независимого в суждениях и поступках, гневливого, резкого — и отзывчивого, весело подшучивающего над близкими ему людьми. Особенный интерес представляют записи «Дневника», рассказывающие о педагогических взглядах и методах Брюллова. Естественно, что эта область была наиболее близка Мокрицкому в те годы. Труд Брюллова — педагога, художника, прошедшего академическую школу, стал этапом в истории русского искусства и Академии художеств. Главное достоинство его метода заключалось, как мы можем судить из записей Мокрицкого и свидетельств других современни-

---

[1] «Отечественные записки», 1855, т. 103, № 12, стр. 163.

ков, в настойчивой рекомендации ученикам приобщаться в своем творчестве к живой действительности. Он требовал внимательного изучения натуры, строения человеческого тела, будил интерес к тончайшим оттенкам душевных движений. Картины, написанные без натуры, Брюллов презрительно называл «отсебятиной». Это принесло художнику популярность и любовь молодежи, так как было созвучно общему направлению развития русской культуры 30-х—40-х годов XIX века.

«Дневник» Мокрицкого восстанавливает картину повседневной работы Брюллова-педагога. Высоко ценя творчество великих мастеров прошлого, Брюллов поощрял изучающих собрание Эрмитажа, при случае он прочитывал целую лекцию, объясняя достоинства и сравнивая между собою полотна Рубенса, Ван Дейка, Пуссена. Чрезвычайно полезным считал Брюллов и копирование учениками его собственных произведений. Часто эти копии писались одновременно с работой самого Брюллова над картиной, что особенно обогащало молодых художников, имевших возможность непосредственно наблюдать процесс творчества мастера, проникать в секреты его «кухни». Характерны в этом смысле записи Мокрицкого 1838 года о созданных «под диктовку» Брюллова копиях с «Портрета В. А. Жуковского», «Бахчисарайского фонтана» и об образе «Распятие». Даже «Портрет К. П. Брюллова», который писал Мокрицкий, шел под ту же «диктовку» портретируемого.

Брюллов, как свидетельствует автор «Дневника», был внимателен к работам учеников, систематически просматривал, изредка даже поправляя, классные академические рисунки. Этот живой показ много давал начинающим художникам. Брюллов заботился также о развитии их кругозора и художественного вкуса, рекомендовал чтение серьезных авторов — Овидия, Гомера, Данте, Гиббона. «Дневник» Мокрицкого сохранил мечты Брюллова об устройстве вечерних занятий для учеников своего класса в собственной мастерской, проекты о переселении на Украину из Петербурга и основании там школы живописи....

На страницах рукописи оживает среда, окружавшая Брюллова в

Петербурге,— общество литераторов, музыкантов, артистов, художников. Здесь и молодежь — И. К. Айвазовский, Ф. А. Моллер, и художники, более близкие Брюллову по возрасту, — А. И. Зауервейд, А. П. и Ф. П. Брюлловы, А. Г. Венецианов. Будучи с юношеских лет близко знаком с Н. В. Кукольником, Мокрицкий был своим человеком для «братии трех великих художников». Так называла себя компания, собиравшаяся на знаменитых «средах» Кукольника, постоянным участником которых был Брюллов. Осторожные замечания Мокрицкого, не одобрявшего эти собрания, проливают новый свет на их характер и роль в жизни Брюллова и Глинки.

Особенно ценно то, что в «Дневнике» имеются подробные описания работы Брюллова над рядом его произведений: портретом П. В. Кукольника, образом «Воскрешение божьей матери» и другими. Мокрицкому удалось создать яркую картину огромного напряжения творческих сил, с каким работал Брюллов.

Благодаря «Дневнику» мы имеем верную датировку полотен Брюллова, созданных в 1836—1839 годах. В нем упоминаются портреты балерины С. И. Самойловой, доктора В. И. Орлова, П. В. Кукольника, скульптора И. П. Витали, гр. О. П. Ферзен, бар. Е. Н. Меллер-Закомельской, кн. Е. П. Салтыковой, кн. А. К. Демидовой. Эти сведения уточняют уже установленные в искусствоведении даты. «Дневник» сообщает и о неосуществленных замыслах художника, такова, например, запись о предполагавшемся портрете певицы А. Я. Воробьевой.

«Дневник» проясняет детали освобождения Т. Г. Шевченко и роль автора в этом событии: ведь именно Мокрицкий в академические годы был близок с задушевным другом Шевченко — Сошенко и, повидимому, от него узнал о бедственном положении талантливого юноши крепостного. Обстоятельно изложена в «Дневнике» история создания Брюлловым портрета поэта Жуковского, предназначавшегося для розыгрыша в лотерее с целью получения денег для выкупа.

Публикуемая рукопись интересна с многих точек зрения: читая ее, мы вместе с автором присутствуем в классах Академии, встречаем-

ся с его товарищами художниками. Немало строк посвящено Мокрицким Сошенко, простому, доброму человеку. Записи, рассказывающие о Штернберге, с которым автора связывала тесная дружба, особенно ценны, так как документальные свидетельства о его жизни и творчестве довольно редки. О Плахове, подававшем в академические годы блестящие надежды, Мокрицким впоследствии были написаны красочные страницы[1]. Краткие записи в «Дневнике» сберегли яркие черточки, присущие неровному и впечатлительному характеру художника, говорящие о его эстетических вкусах и взглядах.

В «Дневнике» живо запечатлены стремления, привязанности, идеалы академической молодежи: споры о назначении и роли художника в обществе, оценки творчества мастеров прошлого, рассуждения о современном искусстве. Даже быт учеников Академии, их повседневные заботы, дела становятся нам яснее и ближе, когда мы знакомимся с рукописью.

Не менее интересны и содержательны сведения об украинских связях Мокрицкого. Выше уже говорилось о близости молодого художника к В. И. Григоровичу, Н. В. Кукольнику, о взаимоотношениях с семьей Галаган. В «Дневнике» часто упоминаются имена товарищей Мокрицкого по Нежинской гимназии высших наук, поселившихся в Петербурге или оставшихся на Украине: Е. П. Гребенки и его братьев, Н. Я. Прокоповича, А. Н. Бородина, П. Г. Редкина, К. М. Базили, сообщаются подробности об их жизни и деятельности, подчас по-новому освещающие тот или иной момент биографий. Не раз мы встречаемся на страницах рукописи с Р. И. Лукомским, ближайшим другом автора, мелким черниговским помещиком. Известен хранящийся в Киевском государственном музее Т. Г. Шевченко портрет Лукомского, исполненный Шевченко в 1843 году. Дружба Мокрицкого с Лукомским и Шевченко объясняет возникновение этого портрета.

---

[1] Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников, стр. 79—81.

Занятия Мокрицкого в Академии художеств шли довольно успешно. 2 октября 1838 года он был награжден большой серебряной медалью за картину «Святой Себастьян» и «Портрет, писанный с натуры»[1]. 24 сентября 1839 года ему была присуждена малая золотая медаль за картину «Римлянка, кормящая грудью отца»[2], упоминание об эскизе к которой, показанном Брюллову, есть в «Дневнике». Мокрицкий окончил Академию со званием «свободного художника», не получив поездки за границу.

Последние записи «Дневника» относятся к 1839—1840 годам. Они менее подробны. Женитьба Брюллова отдалила его от учеников, а разрыв с женой, принесший художнику много горя и оскорблений, толкнул его в компанию людей, от которых Мокрицкий был далек.

В конце 1839 года Мокрицкий вернулся в Пирятин, откуда 2 августа 1841 года на собственные средства, заработанные писанием портретов и полученные от лотереи, в которой была разыграна его конкурсная картина, отправился в Италию[3].

Живя в Италии, художник изучал памятники искусства прошлого, много писал с натуры, работал как портретист и пейзажист. В 1844 году Академией ему было выдано единовременное пособие, а в 1846 году «по уважению успехов Мокрицкого, оказанным в короткое время» назначено «как не имеющему никакого состояния, не в пример другим, содержание за границей на два года»[4]. Возвратившись на родину в 1849 году, Мокрицкий в сентябре того же года получил звание академика за «Портрет преосвященного Никанора, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского» и другие известные Академии работы»[5].

---

[1] Речь идет о портрете Ф. И. Эппингера (ЦГИА, д. 789, оп. 1, д. 2383, л. 139).
[2] ЦГИА, ф. 789, оп. 19, д. 45, л. 36.
[3] Там же, оп. 254/1270, д. 39, л. 7 об. Картина «Римлянка, кормящая грудью отца» была выдана Мокрицкому по его просьбе из Академии художеств «во уважение возникающего в нем таланта» (ЦГИА, ф. 789, оп. 2, д. 2450, л. 1).
[4] Там же, оп. 1, ч. II, д. 3027, лл. 2, 7.
[5] Там же, оп. 1, ч. II, д. 3498, л. 31.

С 1851 года Мокрицкий был принят на службу в московское Училище живописи и ваяния (впоследствии — Училище живописи, ваяния и зодчества) В делах Училища сохранилось письмо, в котором Григорович, старинный покровитель Мокрицкого, рекомендовал его как преподавателя вместо академика В. С. Добровольского, уволенного от занятий в Училище при Московском художественном обществе[1].

«Обязанность моя,— писал Мокрицкий в одном из отношений в Совет Московского художественного общества,— состояла в преподавании живописи в этюдном классе и рисования в натурном»[2]. Однако в 1861 году, по инициативе С. К. Зарянко, Мокрицкий был устранен от занятий в этюдном классе, что объяснялось принципиальными расхождениями между ними во взглядах на искусство и на методы обучения молодежи. С 1861 года — учил рисованию в классе «античных фигур», позже, из-за недостатка денежных средств, вынужден был исполнять даже должность смотрителя классов[3]. Кроме службы в Училище, Мокрицкий вел курс рисования в Константиновском межевом институте и во 2-й московской гимназии В Училище живописи и ваяния и в Строгановском училище он читал также курс «теории изящного», составленный «по запискам из эстетики Гегеля, Озерса... по Винкельману, Лессингу и Гете»[4]. Умер А. Н. Мокрицкий в Москве 26 февраля 1870 года.

Из обширного творческого наследия художника до наших дней дошло немного, хотя, судя по архивным документам, каталогам современных ему выставок и отчетам Совету Московского художественного общества, Мокрицкий работал весьма интенсивно. Несколько произведений художника, подписанных и датированных автором, хранятся в настоящее время в музеях Москвы, Ленинграда, Калинина, Калуги, Киева, Курска, Ярославля и в частных собраниях

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 120, лл. 1—1 об.
[2] ОР ГТГ, ф. 33, д. 39, л. 1.
[3] ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 120, лл. 21, 23, 33—43.
[4] Там же, д. 185, л. 137 об.

Все они относятся преимущественно к 1830—1850 годам и вследствие своей малочисленности не позволяют исчерпывающе судить о художественных позициях автора, о масштабе его дарования. Как художник Мокрицкий не оставил заметного следа в русском искусстве, но наличие этих работ опровергает ту несколько уничижительную характеристику, которую дал ему В. Г. Перов в рассказе «Наши учителя»[1]. Не удивительно, что Перову многие суждения и творческая практика Мокрицкого казались просто смешными: они были людьми разных поколений, различных взглядов на искусство, да и художниками полярных темпераментов и степени дарования.

Как педагог Мокрицкий принес, несомненно, много пользы. Его образованность, любовь и преданность искусству привлекали учеников. С некоторыми из них — И. И. Шишкиным, К. А. Трутовским, И. М. Прянишниковым — добрые отношения сохранились на долгие годы. Переехав в Петербург и поступив в Академию художеств, они продолжали обращаться к Мокрицкому за помощью и квалифицированным советом. Тот же Перов отмечал: «Ученики любили его слушать. Их увлекали его рассказы о великих мастерах, о живописных местностях и очаровательных картинах... Аполлон Николаевич вообще благотворно влиял на некоторых учеников...»[2]

Материалы «Дневника» А. Н. Мокрицкого не раз были использованы исследователями русского искусства первой половины XIX века, занимавшимися творчеством Брюллова, Венецианова, Шевченко, Глинки. Однако все эти публикации носили отрывочный характер, не выявляя всего объема сведений, содержащихся в рукописи.

---

[1] Перов писал: «Вообще Мокрицкий, по мнению многих, был человек умный и хороший, но имел два громадных недостатка. Первый, и самый важный, заключался в том, что, безумно любя искусство, он считал и самого себя недюжинным художником...» См.: В. Перов. Рассказы художника. М., 1960, стр. 98.

[2] Там же, стр. 98—99.

Сам Мокрицкий широко пользовался «Дневником» при работе над «Воспоминанием о Брюллове» и «Воспоминанием об А. Г. Венецианове и учениках его». Об этом свидетельствует не только содержание этих трудов, но и рукопись «Дневника», в которой сохранились карандашные отметки о выписках, уже сделанных автором, или же просто исправляющие стиль. В Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи, где хранится подлинник «Дневника», находятся также черновые варианты «Воспоминания о Брюллове» Мокрицкого. Сопоставление текста рукописи «Дневника» с этими черновиками и опубликованной статьей показывает, что автор весьма вольно обращался с источником, хотя и придал части «Воспоминания» форму дневниковых записей.

Он признавался: «Делая выписки из своего дн[евного] журнала, я опускаю многое, потому что оно касалось исключительно меня самого, и [от]того, не соблюдая порядка, помещаю отрывками некоторые места, определяющие его (т. е. К. П. Брюллова.— *Н. П.*) характер, выписывая их почти буквально, надеясь сохранить чрез то свежесть и истину рассказа» [1]. Неточности есть и в биографических сведениях, касающихся самого Мокрицкого: автор часто допускает грубейшие ошибки, смешивая события, неверно указывает время обучения у Венецианова и т. п. Перейдя к рассказу о занятиях под руководством Брюллова, Мокрицкий в «Воспоминании» часто совмещает под одной датой происходившее не только в разные месяцы, но и в разные годы; ставит числа произвольно. Неточен он и в изложении фактов: так, из «Дневника» мы знаем о посещении Эрмитажа с Шевченко, в «Воспоминании» под этой датой и теми же словами рассказывается об экскурсии в Эрмитаж с Брюлловым и т. д. Некоторые, будто бы «дневниковые» записи, приведенные в статье, вообще отсутствуют в «Дневнике» [2]. Он, по-видимо-

---

[1] ОР ГТГ, ф. 33, ед. хр. 29, л. 1.

[2] См. записи от 10 марта, 12 декабря [1837]; от 22 и 25 марта [1838] и другие.

му, по памяти воспроизводит (а срок прошел немалый) монологи Брюллова и его диалоги с учениками, отсутствующие в рукописи. В то же время именно этот раздел «Воспоминания» имеет принципиальное значение, так как касается взглядов Брюллова на искусство, методов его работы с учениками, его отношения к процессу художественного творчества. Все сказанное выше не означает, конечно, что Мокрицкий выдавал свои собственные идеи за взгляды Брюллова, но лишает в какой-то мере «Воспоминание о Брюллове» значения документального источника, увеличивая в то же время с этой точки зрения ценность «Дневника».

Существуют и другие разночтения между рукописью «Дневника», черновыми и опубликованными текстами «Воспоминания». Так, по записям в «Дневнике» трудно определить, с которого из братьев Кукольников, живших в ту пору в Петербурге, был в январе 1837 года написан Брюлловым портрет. В черновике «Воспоминания», и как нам представляется, правильно названо имя Пл. В. Кукольника. В печатном варианте той же работы Мокрицкого идет речь о портрете Н. В. Кукольника.

Отсутствует в рукописи «Дневника» и описание эпизода с Пушкиным, ставшим перед Брюлловым на колени с просьбой подарить ему акварель «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне». Эта сцена, как указывает Мокрицкий, произошла 21 января 1837 года, за несколько дней до трагической гибели поэта. Записи в «Дневнике» сделаны 17 и 31 января 1837 года, и характер расположения их на листе не позволяет предположить, что нам неизвестна какая-то бывшая в распоряжении автора страница. Едва ли Мокрицкий мог не упомянуть о таком событии, если даже «пожатие руки великого человека» (А. С. Пушкина), встреченного им на вечере у Плетнева, и его совет не жениться, чтобы не миновать Италии, были отмечены автором.

В «Воспоминании о Брюллове» Мокрицкий описывает, как рассматривал вместе с Брюлловым «тетрадочку с чертежами Рафаэля и Гвидо Рени» и сообщает мнение Брюллова о них. В «Дневнике» же значится, что альбом показывал Мокрицкому человек, имя которо-

го не названо в тексте и даже оставлено место, чтобы позже вписать его.

Что касается «Воспоминания об А. Г. Венецианове и учениках его» Мокрицкого — можно говорить лишь об общности тона высказываний автора о первом своем учителе и его педагогической «методе» с рукописью «Дневника». Многочисленные сведения о Венецианове, о его взаимоотношениях с деятелями русской культуры и художественной молодежью не нашли места в статье. В то же время, характерные детали семейного уклада Венециановых, сообщаемые Мокрицким в «Дневнике», позволяют сделать ряд интересных выводов и предположений. Так, например, не вызывает сомнения, что в девушке, играющей на клавикордах (отраженной в зеркале в картине Ф. М. Славянского «Кабинет А. Г. Венецианова», копия с картины А. В. Тыранова), художник изобразил младшую дочь Венецианова Фелицату, музыкальность и игру которой постоянно отмечает Мокрицкий.

Все это разнообразие и богатство фактических материалов, разбросанных по страницам рукописи, делает «Дневник» А. Н. Мокрицкого неоценимым источником сведений об эпохе 30-х годов XIX века, о творческой деятельности, жизни, быте, интересах современников автора.

«Дневник художника А. Н. Мокрицкого» поступил в собрание Государственной Третьяковской галереи в 1932 году вместе с архивом художника Н. А. Мартынова, бывшего в свое время учеником Мокрицкого в Училище живописи и ваяния. Рукопись сохранилась плохо. Часть страниц ее, по-видимому, утрачена, некоторые листы неудобны для чтения, почерк неразборчив, в тексте много поправок и зачеркнутых слов.

Естественно, что Мокрицкий придерживался правописания своего времени, употребляя другие, чем ныне, окончания, или слова, которые в настоящее время звучат иначе. Так как эти старинные обороты и слова не затемняют смысла его рассказа, они сохранены в издании: «менкен» вместо «манекен» и т. п. Грамматические ошибки, изредка встречающиеся в тексте, исправлены. Окончания недо-

писанных слов даны в прямых скобках. В сносках отмечены только те авторские поправки, которые имеют смысловое значение.

Немало страниц в рукописи занимают записи на немецком языке. Мокрицкий довольно свободно владел разговорной речью, но, излагая свои мысли, делал иногда грубые ошибки. Кроме того, он писал готическим шрифтом и скорописью, что объясняет наличие неразобранных мест. Страницы с немецким текстом воспроизводятся так, как они сохранились.

При внимательном знакомстве с рукописью установлено, что ряд страниц «Дневника» при инвентаризации в 1932 году помещен не на место. При подготовке рукописи к публикации была проведена работа по уточнению времени тех или иных записей: определились листы, которые относятся к 1834 году (что не учитывалось ранее), выявилось несколько страниц, заполненных автором в 1839 году. Был изменен порядок расположения листов в 1837 и 1838 годах. Это уничтожило смысловую путаницу в тексте, дало возможность расшифровать ранее непонятные имена, инициалы, объяснило факты, упоминавшиеся в «Дневнике», внесло ясность в поступки, знакомства и связи Мокрицкого в последующие годы, уточнило датировку его собственных произведений и некоторых работ Брюллова. Публикуемый текст несколько сокращен: изъяты записи, которые носят сугубо личный характер и мало интересны для современного читателя.

Н. Приймак

Дневник

1834–1840

1834 ГОД

[...] Мы обыкновенно дорожим расположением тех, которых мы предпочли другим и которых почитаем совершеннее самих себя. Эта мысль, кажется, неложная, тем более, как же не дорожить расположением той [1], которая как телесными, так и душевными прелестями далеко превосходит нас. Это чувство превосходства ничуть не унижает меня, напротив, я радуюсь и горжусь, отыскав в себе сторону, способность — ценить изящное, понимать его душою, пленяться и восхищаться им. Здесь-то явно чувствую я в себе что-то великое, чем одарен человек от щедрой преблагой природы. Этим самым я постигаю, что и я способен жить в мире невещественном, дышать, ощущать, видеть и слышать не одними лишь чувствами, чувствами грубыми, телесными. Нет, я живу вдвойне, и эта двойственная жизнь облекается для меня в лучшую форму, я согрет доныне неощущаемой теплотой.

23 февраля [...] Я люблю, люблю ее, и эта любовь примиряет меня с судьбою и со всем меня окружающим, и более, я сильнее горю любовью к создателю Вселенной, ибо он создал ту любовь, которая драгоценнее для меня всего в мире.[...]

23 февраля я писал с нее портрет..:

10 апреля, вечер. Полная луна, рисуясь в безоблачном эфире, глядит в окно моей комнаты. Растворя окно, я долго смотрел на нее. И как мне легко было на сердце, как спокойно оттого, что она меня любит. Я думал об ней и лишь мысленно переносился к той, которой присутствие в эти сладкие минуты удесятерило бы мое спокойствие, мой восторг, мое счастие, но она далеко от меня [...].

...Вчера я думал об ней, вспомня ее просьбу, чтобы я оставил ей портрет свой, принялся я писать и, руководимый любовью, я написал [2]. Сегодня, не оставляя ни на минуту мысли об ней, я написал портрет N[иколая] Андр[еевича] и написал так, как никогда не предполагал [3]. [...]

23 февраля я писал с нее портрет. Мы были вдвоем в комнате. Рисуя портрет, мы говорили то о сём, то о другом, разговор наш, по обыкновению, не заключал ничего важного. [...] Она встала, сказав: «Братец, сейчас сюда придут!» — и ушла. Глядя ей вслед, я только сказал про себя: «Ангел мой, сейчас я твой до гроба. У тебя два друга Ал[ександр] [4] и Аполлон». [...]

14 числа. Апр[*ель*]. Сегодня, то есть прошлую ночь, я видел во сне покойного папеньку [5], больного, лежащего на полу, на постели... [...]

15 апреля. Сегодня я окончил портрет N[иколая] Андр[еевича]. Целое утро занимался, после обеда гулял по саду. День был прекрасный, какого давно не бывало. Я чувствовал себя не очень здоровым, какая-то тяжесть во всем теле, вялость, и голова была, как чужая. Отправил верхового с письмом в Пирятин. [...]

16 апреля. Писал целый день свой портрет, кончил его, хотя и неудачно. Да нужды нет, по крайней мере — школа. Вечером, во время чая, получил письмо из дому и вслед за этим пошел пешком к Дмитрию Ивановичу [6], собрался в дорогу и лег спать. [...]

17 апреля. Поутру, в половине 8-го выехал из Туровки. По дороге заехал за братом Виктором в Яблоневку, с ним вместе поехали к пани [7]. Был в Прилуке у генер[ала] Гал[агана] [8]. Он, по обыкновению, был очень рад мне, там я пробыл 4 часа, к 7 час[ам] вечера прибыл в Стрельники.[...]

18 апреля. Целый день провел у Паши [9], написал свой портрет.

Страст[ной] четверг. *19* [*апреля*]. Выехал от Паши. Приехал с Виктором. У графа Бальм[ена]. По собственному желанию остался я у него на сутки с предложением написать с Сергея портрет [10]. Начав после обеда, написал голову.

20 [*апреля*]. У графа же кончал портрет, и, как нашли все, весьма удачно (in quarto). В шестом часу уехал из Линовицы, в 8 приехал домой, нашел дома все наше семейство вместе. Первый светлый праз[дник], что мы проводим вместе. [...]

10 сент[*ября*]. Рано поутру, напившись чаю у доброй старушки М. Яков[левны] [11], я на тройке почтовых приехал в Дегтяри. Не застал хозяев дома. Читал «Юр[ия] Милосл[авского]» [12] и, утомленный дорогой и чтением, заснул раньше ужина. Часу в 11-м приехали Г[алаганы]. Она по-прежнему встретила меня с радостью, рассказала о сговоре брата [13], была очень, очень мила, весела, смеялась много, и для меня ее смех имеет неизъяснимую прелесть. Прелестное существо. М-г также был очень мил. [...] Простота, добрая душа. С мыслью об вас я отпр[авился] в Жуковку.

11 сентябр[*я*]. Писал портрет Петра Григорьевича [14]. Из работы вижу, что, хотя виден сколько-нибудь успех, но пропущенный из виду рисунок правой щеки с глазом, непомерно большое расстояние между носом и подбородком показывают слабое знание рисунка, столь необходимое для картины, особливо для головы и проч[их] частей тела человеческого. Мало знания. Колорит близок к натуре, освещение вышло довольно выгодное, но слабо, бедно выполнено. В портрете видна робость и незрелость производителя. Некоторые части удовлетворительны, но общее мало меня радует, хотя сходством все довольны, но я — нет, ибо я не могу не видеть правого глаза, отставленного далеко от своего местечка и нарисованного не на линии. Глаза не смотрят на зрителя, между тем как намерение было таковое. Я недоволен лицом. Шляпа написана удовлетворительно, прочее платье, хотя с верным освещением, но натура не достигнута. Не знаю, как слажу с рукою. Ансамбль всего портрета приятен, тоны — также. Остается хоть в этом дать ему какое-либо достоинство. Вечером слушал я квартет. Некоторые пьесы сыграны были прекрасно [15] — «Адажио» и «Рондо» Моцарта, знакомые давно, перенесли меня мысленно в театры, где я часто имел

приятнейшие минуты в жизни[16]. Квартет же вообще напомнил мне жизнь у Фибинга[17]. Живо представились мне музыкальные вечера по средам и субботам, в которые я также не раз считал себя счастливейшим из юношей моих лет, находясь в кругу более избранного общества [...].

Несравненный мой «Торквато Тассо»[18] также не был забыт. Эрмитаж, и в нем Сальватор, Гвидо, Вандик, Корреджио и Рафаэль также были почтены мною достойно. Брюллов и Венецианов...[19]. Много, много кое-чего обращалось в памяти и на слова, много всего передумалось и перечувствовалось, всего не написать и не выразить. Чувств много, мало слов!

Ночью шел сильный дождь, освеживший землю, жаждавшую более месяца.

12 сентября. Ничего особенного не было. День и дневные занятия шли ровно. Я писал портрет[20]. Переменил драпри. Вечером приехал Р[одион] Иван[ович][21]. Говорили о том о сем. С[офья Александровна] была очень, очень любезна. Послал домой письмо.

13 [сентября]. Я окончил портрет, поправил ошибки, сколько мог. Вечером рисовал ее[22]. После чаю долго и много говорили с нею. Торкват[о Тассо], Софья Вишнев[ская][23], петергофская моя жизнь были предметом нашего разговора. Она слушала с вниманием. Квартет. После квартета я пошел читать в м[алую] гостиную. Она писала в кабинете письмо. Я был освещен лампою, она взглянула и рассматривала освещение. Играла мой вальс, и при том я сказал ей, что танцевать с нею есть истинное наслаждение. «У вас привольно жить любимцам Феба»,— сказал я ей, она мило улыбнулась: «Отчего?» Гм, милочка! Кажется, она понимает меня.

14 [сентября]. После чаю писал ее портрет. Мы сидели в уборной одни, живая беседа сопровожлала рисование. Портрет начал очищаться, части приходят в порядок. Вместо киновари употребил я в тело сурик с кармином, цвет вышел очень живо. Рисованье продолжалось до половины 2-го, в два обедали, после обеда я спал от половины 4-го до пол[овины] 6-го. Много!

Вечером, за чаем, случайно я нашел прелестную картину. Это стенка гостиной с картинами в золотых рамах, освещенная снизу лампой с матовым колпаком, подле стенки — диван, перед диваном — столичек, два кресла. Хочу написать эту миленькую вещь при вечернем освещении[24]. [...] Вечером, к вожделенной моей радости, прибыл из дальнего вояжа, из Лохвиц, Иван Николаич![25]

15 [*сентября*]. Начал я писать полуперспективу гостиной комнаты при вечернем освещении. Она, мой ангел, подмалевала мне стенку и несколько рамочек и, рисуя, была очень довольна. Ее это занимало, а меня восхищала близость такого милого существа и случай доставить ей малейшее удовольствие. Вечером я писал при свечах. Написал две рамочки окончательно [...].

19 [*сентября*]. [...] После завтрака уехали все кататься. Я пошел в сад, ходил по саду. День был прекрасный. Чистое лазоревое небо было испещрено пушистыми перламутровыми облаками, огромными, величественными группами, такими, какими я восхищался в картине Шётеля[26]. Любуясь и восхищаясь окрестностями, я взглянул нечаянно в глубь сада: площадка, уставленная огромными тополями, посредине стоит толстая вековая липа. С восторгом поспешил я туда. Когда я ступил на ту площадку и взглянул вверх, где над моею головою обрисованные живописною ротондою толпой проходили величественные облака, то меня обуяло какое-то неизъяснимо приятное чувство. Мне стало так легко на сердце, так легко, тогда как на нем лежала грусть привычная... Я снял шляпу и мысленно молился, молился с таким усердием и теплогою, что слезы невольно задрожали под ресницами. [...] Нет слов изобразить, нет силы выразить то чувство, коим проникнут был я в те незабвенные минуты [...].

Я пошел тотчас к себе в комнату. Пришедши, принялся было рисовать водяными красками пелеринку, но какая-то торопливость и нетерпение беспокоили меня. Мгновенно пришло мне на мысль писать ее портрет масляными красками. Холста не было, лоскуток холста оставался только. Я с досадою ухватился, нож

обрезал его, набил на дощечку, и, менее нежели в полчаса, похожий портретец был на холсте.

За обедом я глядел на нее пристально. Пришедши к себе в комнату, исправил кое-что. Вечером также, забредши в гостиную, между толпой и группами героев виста, я думал о портрете. Пригляделся еще раз, ушел в свою комнату и при свече стал писать. Робкая кисть ходила так быстро, что я едва мог успеть за нею. Мысленно держа в уме ее черты, я написал весь портрет... Она была очень мила в черном гродеберглене, в чепце с роз[овыми] лентами[...].

День целый прошел для меня в досаде. Неожиданный приезд княгини Арбольян[овой] с глупцом ее сыном [27] помешал мне писать ее портрет. Зато вечером, когда мы остались одни после чаю, я читал ей отрывок из «Торквато Тассо»! Прерывал часто чтение, заглядывал ей в глаза, в которых... и прежде этого, когда писал ее портрет в спальне. Она была в своем серо-гороховом платьице, в чепце с желтыми лентами в рюш и голуб[ой] пелеринке. [...]

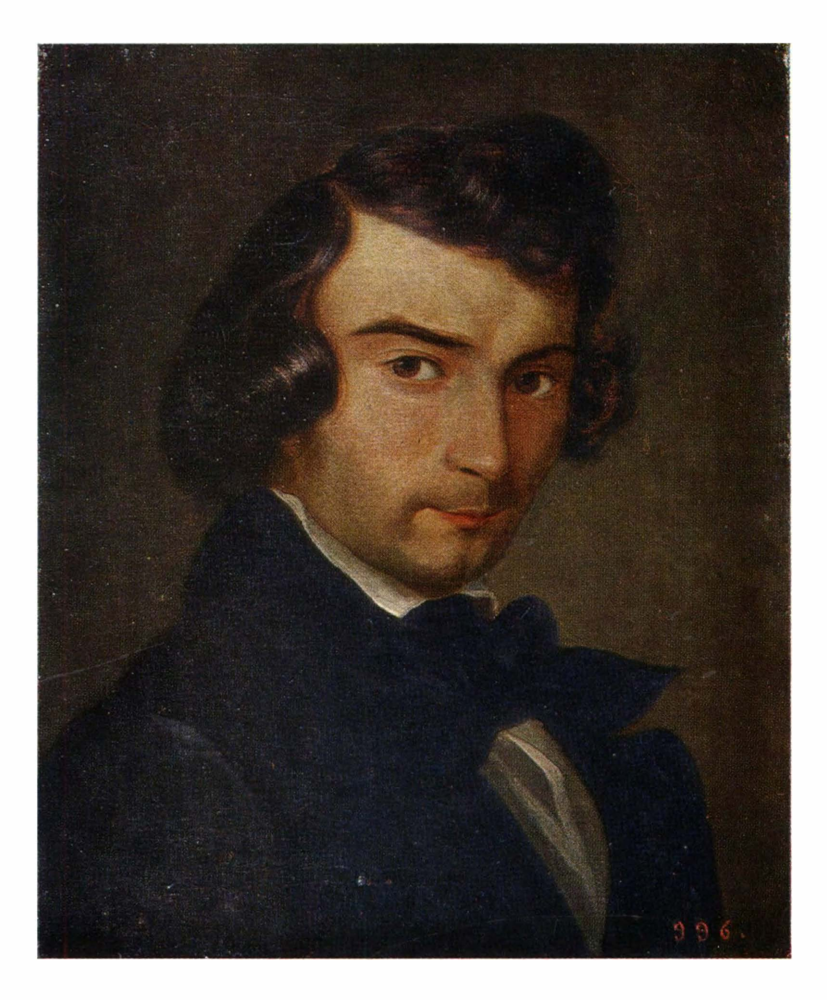
20 [сентября]. Формальный разъезд. Я писал в своей комнате, один, ее портрет. Перед обедом она меня не видала. Приходила ко мне с Настасьей Осип[овной] [28], сидела с четверть часа, позволяла смотреть на себя и, ушедши наверх, прислала мне яблоко. Вечером сидел я с ней в мал[ой] гостиной и читал пьесу «Любовь и смерть» [29], но недолго.[...]

22 [сентября].[...] Уже я более года в Малороссии, много имел я неприятных минут, и даже глубокая горечь посетила дом наш [30], но сколько же зато и сладчайших в жизни минут имел я в награду за временное неудовольствие или печаль, сколько приобрел я знакомства, и какого знакомства![...]

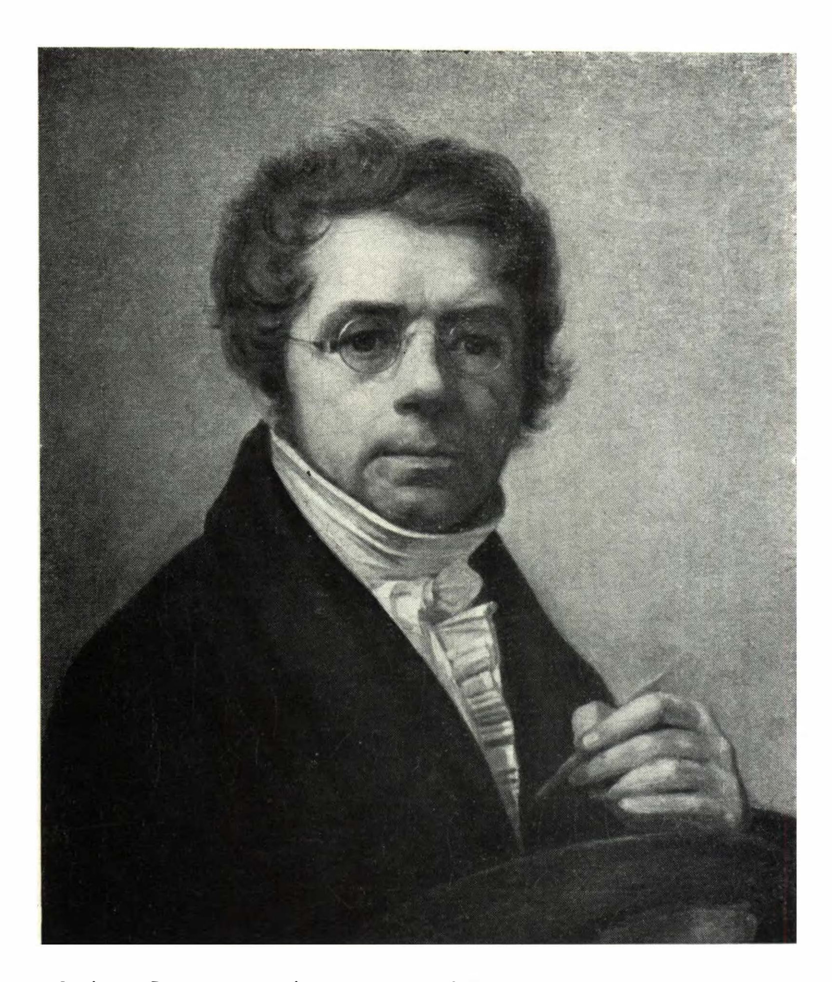
22 [сентября]. *Субб*[ота]. Утром написал ich das P[orträt] von W * [31]. Мать. [...] Nach Mit [tag] malte sie W., ich — ihr Porträt [32]. Des

---

* ... я портрет В. (*нем*).

1. А. Н. Мокрицкий. Автопортрет. 1835—1836

2. А. Г. Венецианов. Автопортрет. 1811

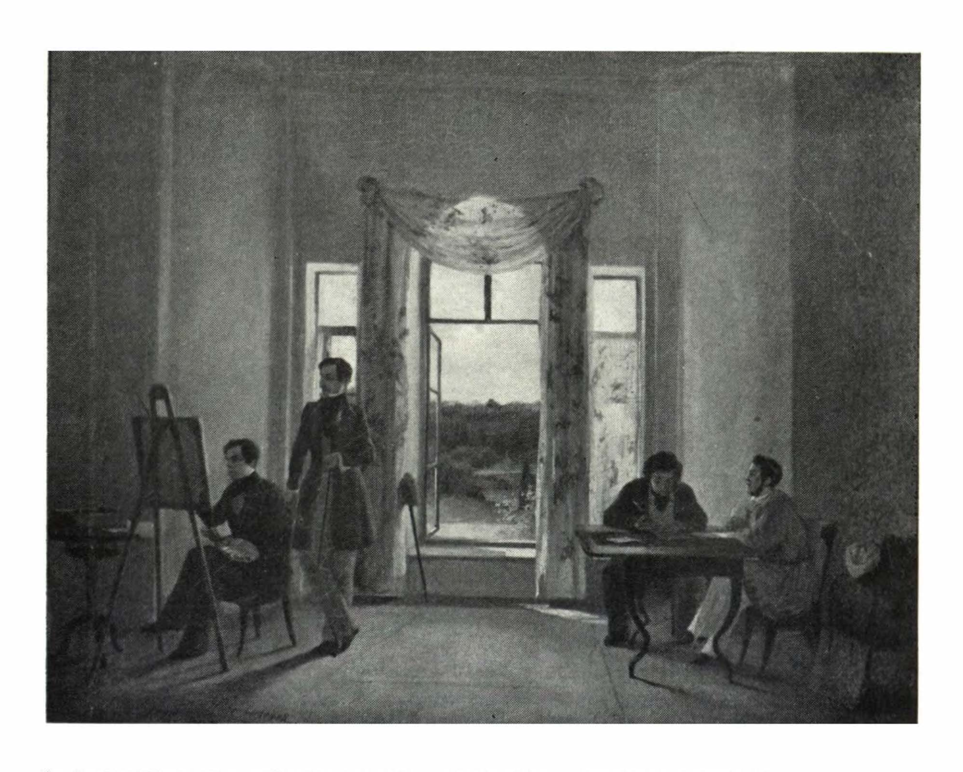
3 А. Н. Мокрицкий Портрет Е П. Гребенки. 1833

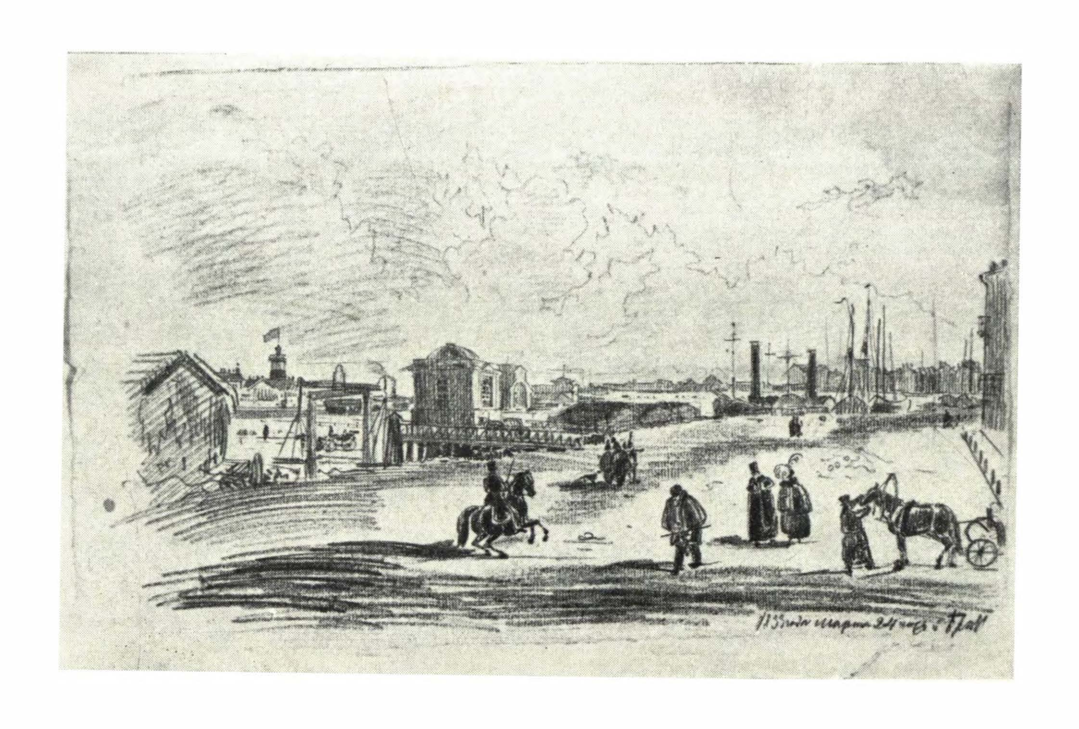
4. А. Н. Мокрицкий. Галерея Эрмитажа. 1833

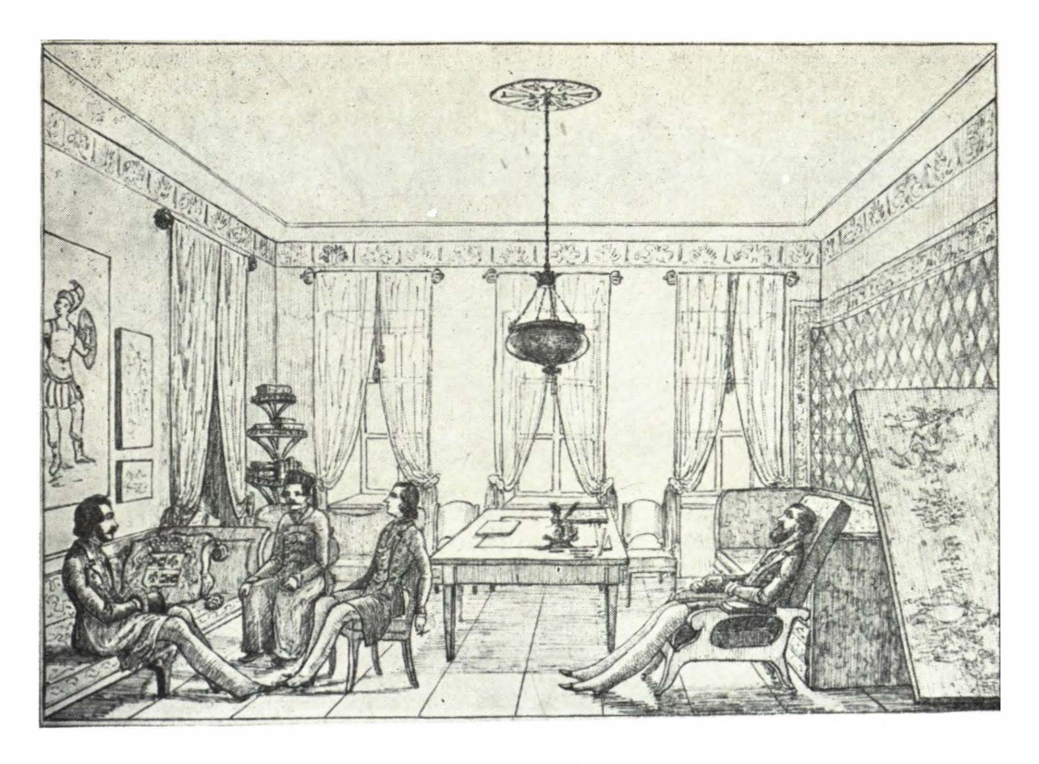
5. А. Н. Мокрицкий. Портрет Е. И. Пузино. 1835

6. В. И. Штернберг. В. Качановке, имении Г. С. Тарновского. 1838

7. И. П. Брюллов. Петербург. 1833

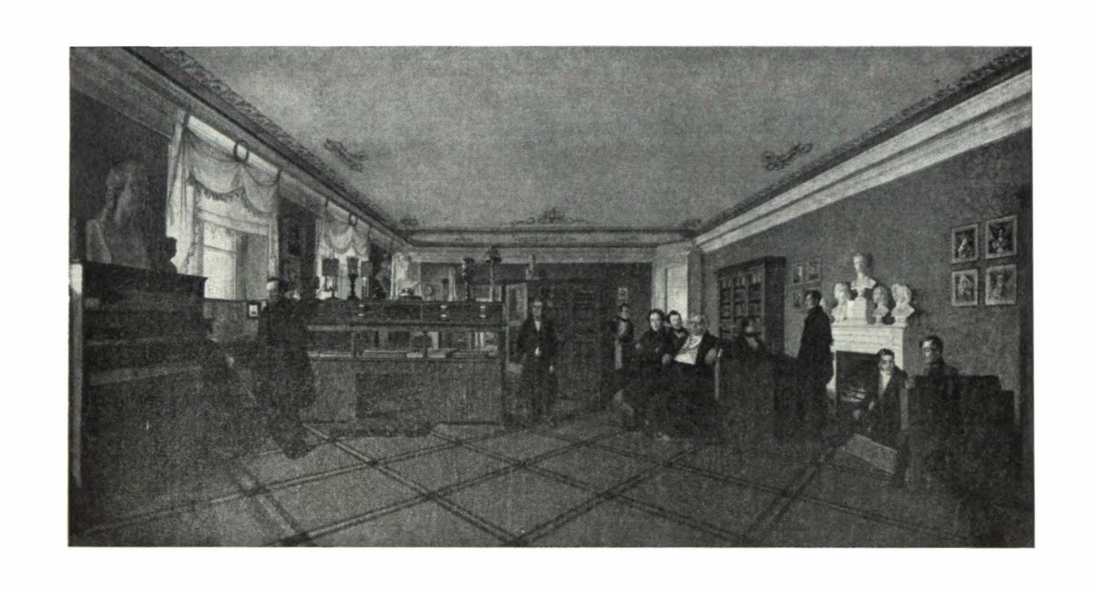
8. Я. П. де Бальмен. Комната в доме Т. Г. Вольховской. 1830-е годы

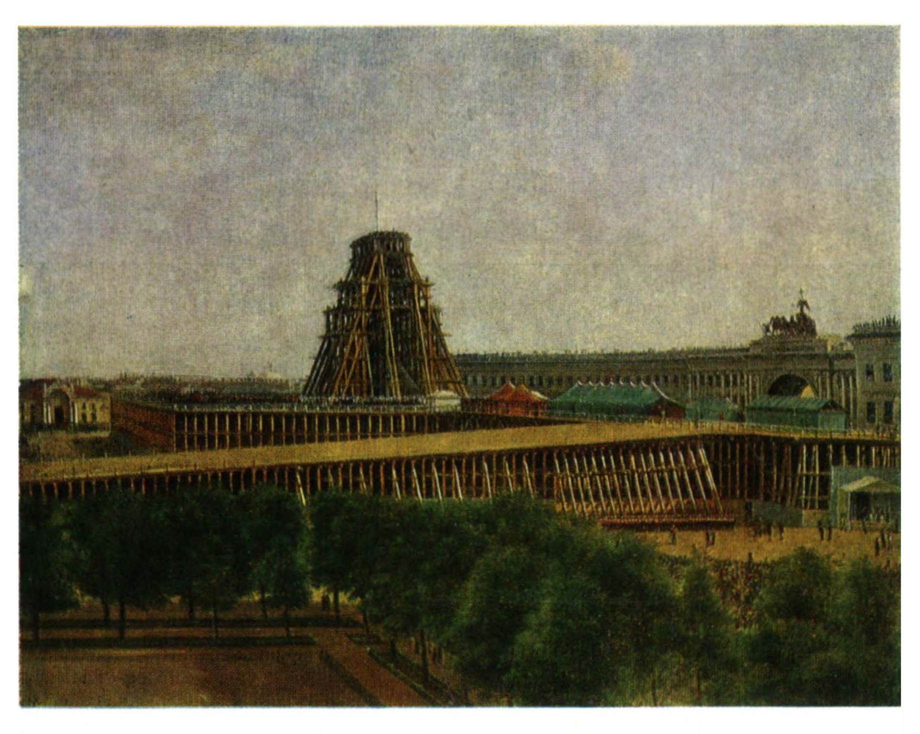
9. А. Г. Венецианов. Портрет Н. В Гоголя 1834

10. Т. Г. Шевченко. Портрет Р. И. Лукомского. 1843

11. Г. К. Михайлов. Субботнее собрание у В. А. Жуковского. (Коллективная работа совместно с другими учениками А. Г. Венецианова, в том числе А. Н. Мокрицким.) 1830-е годы

12. А. Г. Денисов. Подъем Александровской колонны. 1832

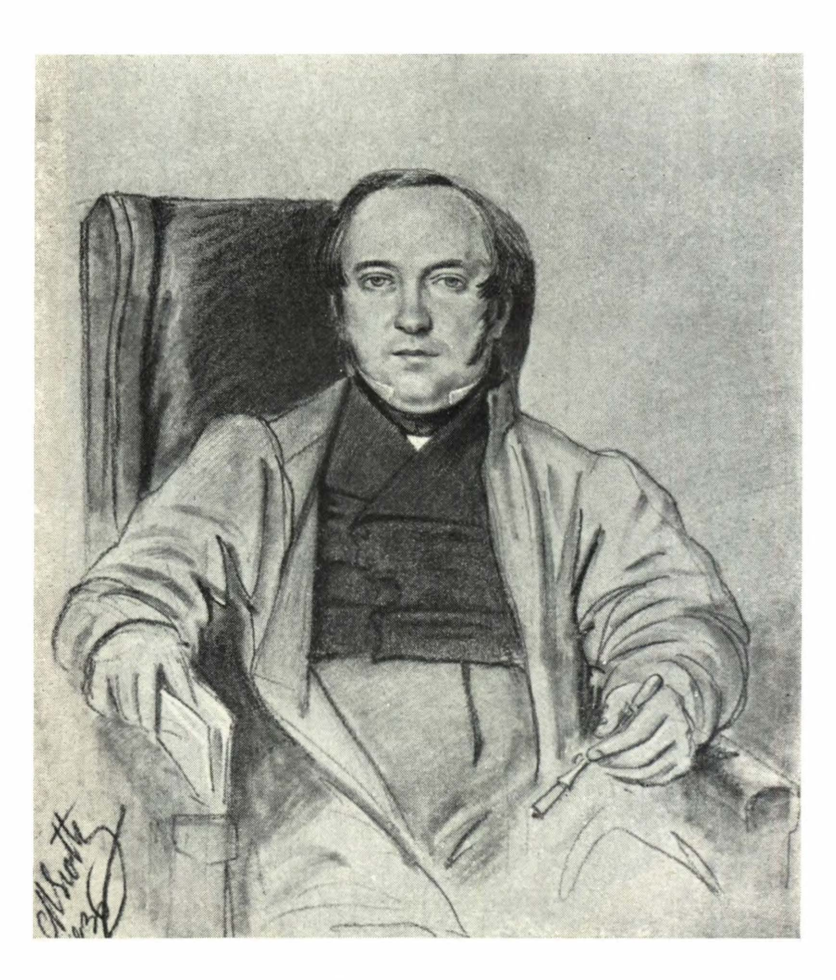
13. А. Г. Венецианов. Портрет А А и Ф А. Венециановых, дочерей художника. 1830-е годы

14. А. В. Тыранов. Портрет М. Т. Дементьева. 1835(?)

15. Г. К. Михайлов. Вторая античная галерея Академии художеств. 1835—1836

16. М. И. Скотти. Портрет В. И. Григоровича. 1836

Abends sprachen wir Verschiedenes mit R[одионом] Ив[ановичем], ich las, sie nähte[...].

23 [*сентября*]. Am Abend war sie in der Kirche, ich blickte zu ihr und malte ihr Portr[ät] ohne sie.[...]

24 [*сентября*].[...] Bald darauf fing ich wirklich an zu malen, und ich merke, der Anfang ist sehr glücklich. [...]

25 [*сентября*]. Hab ich im Traum gesehen. Es war, als wohne ich in Petersburg, komme nach Kraevsky, wo ich, Максимов[ич] und Шерж[инский] finde, und Maximowitsch sagt mir, daß bei ihm wohnte auch Kukolnik, der über aus Italien rückkehrt und sagt mir: der Mensch gefiel mir sehr. Кукольник hatte mit sich schöne Bilder gebracht, unter denen auch einige von Brülloff[...].

Von Morgen an bis... * Abend malte ich ihr Porträt und es geht sehr gut. Ich weiß nicht, wie [es] weiter gehen wird. Sie saß mit zu ein Diademe. Die Haare glatt gekämmt, war ganz die Freude die Ausführung des Porträt.[...] Gekleidet war sie in... ** mit dunkelbrauen Pelerin, kleinen Rüsche und blaues Tüchlein saß unter den Rüsch, die Haare wie auf dem Porträt mit.. *** Kammhaar.[...]

26 [*сентября*]. Geht noch alles vortrefflich. Ich malte ihr Porträt[...].

27 [*сентября*]. Auch. Malte und sehr günstig[...].

28 [*сентября*]. War ich schon ganz reisefertig, aber wegen der Mangels an Pferden, war ich genötigt noch ein Tag zu bleiben[...].

Den *29* [*сентября*] verlaß ich Dichtiarie [...] ****.

Октября 4. Четверг. День целый прошел в сборах в путь. Я ничего не писал. В вечеру, часов в шесть, выехал я из дому с Магеровским[33]. [...] Приехал я к дяде[34], он был чрезвычайно рад моему приезду. Напившись хорошего чаю, мы долго сидели вечером, говорили, по обыкновению, чрезвычайно долго. Пере-

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

** *Далее не разобрано одно слово.*

*** *Далее не разобрано одно слово.*

**** После полудня она рисовала В., я — ее портрет. Вечером говорили мы о разном с Р[одионом] Ив[ановичем]. Я читал, она шила [...].

брали много кое-чего, читали присягу наследника[35][...] и уснули только в первом часу. На другой день проснулись около восьми часов. Это в пятницу, 5 октября. Часу в 10-м приехал брат Александр с Амалией[36], я был уже на выезде. Спустя минут пять я уехал. Часа два, не больше, был в дороге. В час прибыл я в Мосевку. Застал Т[атьяну] Г[уставовну][37] одну. Поговорив со старухой кое о чем, после обеда пошел я в свою комнату, о многом думал, судил и рядил и положил в конце этого месяца ехать во что бы то ни стало в Питер. Дай бог, чтобы это сбылось. Ходил по саду. Вечером, к чаю приехал Глинка с женою, милою Софиею[38]. Как они оба были рады видеть меня. София было подняла меня [на смех], после чего мы с нею подружили снова, пили, ели и шалили. Да ведь мне же с ней не детей крестить. Вечером расстались мы друзьями. Не знаю, что дальше будет. [...]

---

23 [сентября]. Вечером она была в церкви, я взглянул на нее и писал ее портрет без нее. [...]
24 [сентября]. [...] Вскоре я действительно начал писать, и я замечаю, что начало очень счастливо. [...]
25 [сентября]. Я видел сон. Как будто бы я живу в Петербурге, зашел к Краевскому, у которого находились Максимов[ич] и Шерж[инский], и Максимович сказал мне, что у него живет также Кукольник, который вернулся из Италии. ...и добавил: человек мне очень нравится. Кукольник привез с собою прекрасные картины, среди которых несколько Брюллова [...]. С утра до... вечера я писал ее портрет, и все шло хорошо. Не знаю, как пойдет дальше. Она сидела в диадеме. Волосы гладко причесаны, я радостно работал над портретом. [...] Она была одета в ... с темно-коричневой пелериной, небольшим рюшем и между оборками — голубой платочек. Волосы, как на портрете... с гребнем.
26 [сентября]. Все пока идет превосходно. Я писал ее портрет [...].
27 [сентября]. То же. Писал и очень удачно [...].
28 [сентября]. Я был совершенно готов к путешествию, но из-за отсутствия лошадей был вынужден остаться еще на один день [...].
29 [сентября] покинул я Дегтяри [...] ***(нем.)***.

После 14 ноября.

14 ноября выехал из дому. В дороге от Пирятина до Петербурга ничего особенно замечательного не встречалось, только краткие пребывания в Нежине, в Борзне, в Калуге и в Москве, и приятные проведенные там минуты вознаграждали несколько за скучную, а иногда и нестерпимую езду на перекладных...

Под 1 декабря, вечером, часу в восьмом, прибыли мы, наконец, в Петербург. Добрый мой Семен Данилович [39] дал мне приют и радушным приемом показал прежнее ко мне хорошее расположение. На другой день поутру нашел я Ал[ександра] Крашенинникова, напросился к нему на квартиру, и вот теперь все еще у него [40].

В пя[тницу] 1 декабря. В субботу нашел я С[офью] А[лександровну] [41]. Sie war zu Hause. Als sie mich sah, freute sie sich, stellte mich der Ihren Vater [vor] [42], der Alte war mich sehr gut, aufladet mich zum Mittag.[...] Schon [später] der Abend kam ich zu Hause und ging sogleich zu Wenezianoff, traff nicht bloß mit seiner Familie, saß ich paar Stunden gar *.

2 декабря war ich bei ** Григорович, показывал ему свои работы, коими он и Варнек были очень довольны [43]. От него пошел я к Ал[ексею] Гав[риловичу], где и провел весь день до вечера.

3 [декабря], в понедельник — ходил я смотреть на Брюллова! [44] Расположенный этим гениальным произведением к высоким чувствованиям, я пошел смотреть другое, не менее великое по выполнению, но еще высшее по сюжету — «Саваофа» г. Венецианова. Вот каким только может художник изобразить отца повели-

---

* Она была дома. Когда она меня увидела, она обрадовалась, представила меня своему отцу, старик был весьма хорош со мною, пригласил меня на обед. [...] Уже (поздно) вечером я пришел домой и тут же пошел к Венециановым, застал не только его семью, посидел там пару часов *(нем.).*

** ...я был у *(нем.)*

теля Вселенной, премудрого художника. Художник, говорю, мыслящий и силящийся обнять, постигнуть и достойно изобразить величие и силу повелителя, всемогущество творца и благость и милосердие отца Вселенной. Иначе трудно и невозможно его представить. Без недостатков. По крайней мере, я не желаю другого образа бога, кроме этого бесстрастного и вместе с тем полного высокой жизни Саваофа. В образе божьей матери виден равным образом творец образа Саваофа [45]. В произведениях Тыранова, Тухаринова [46]. Столовая государя — много прекрасного: Рисс, Нотбек, Якобс и Крылов... Свидание с Рабусом [47].

4 [*декабря*], *во вторник*. Свидание с Плаховым [48], Брюллов. Обед у г. Казадаева, кам[ер]-юнк[ер] Политковский, m-me Кутайсова, первого сорта дама, Николай Степанович Огранович... [49] [...] Die Frage nach den Porträt [50] ärgerte mich * [...].

5 декабря. Пусто, невесело, казенно!

6 [*декабря*]. Закупивши мебель, отправился я к Гоголю [51]. Обедал у него, после обеда думал было идти в театр, смотреть «Руку Всев[ышнего]» [52], но, вспомня, что одному будет скучно, я переменил свое намерение и пошел к Васильчиковым [53], и не без удовольствия просуществовал более часа. Signore был очень мил, а donna Senatrix по-прежнему приняла меня с обычною приветливостью. Милые дети своею непритворною радостию вознаградили меня за действительное тайное ко мне внимание их скромного папа. Около семи часов, вечером, я был уже у себя в квартире, уже разделся и принялся было за чтение, как неожиданный приход Алексея Гавриловича отвлек меня от беседы с Бестужевым, который на своем фрегате «Надежда» нес меня к прекраснейшим картинам и сценам на море и на палубе корабля [54]. Алексей Гаврилович велел мне идти с ним к самовару и собравшемуся вокруг него семейству. Там был Федор [55]. Часа два пробалакали и разошлись.

---

* Вопросы о портрете злили меня (*нем.*).

7 [*декабря*]. У Ростовцева утро![56] [...]

8 [*декабря*]. Обедал я у Казадаева, там была мадам Глинка[57]. Она пригласила меня к себе и заказала портрет Софии Александровны. [...] От Казадаева пошел я к Гоголю, где виделся с Данилевским и Халчинским[58].

9 [*декабря*]. Поутру у Лагоды, у Ал. Маркевича[59]. Обедал у Казадаева.[...]

10 декабря. Ходил, ходил и ходил далеко, а бестолку. Был у Дан[илевского]. Вечером, спасибо, заглянул ко мне Алекс[андр]. Ihr Porträt[60] bleibt bei mir *.

Смотри 4 декабря.[...]

1835 ГОД

19 июля. Вот прошла целая почти неделя в скучном ожидании ответа от Вульферта[61], который, как кажется, оставил меня без внимания. Я со своей стороны также приготовил для него решительный отказ. В противном случае похоже будет на то, что я сам напрашиваюсь на его одолжение и что я ищу его, а не он меня. Баловать немца не должно. Завтра же еду к Казадаеву, делаю приготовления. Иду на урок, заезжаю к старику, вижусь с ним, провожаю его. На дворе сыро, дождик висит в готовности вторично спрыснуть пыльный Питер. Сажусь на дрожки, еду, зябну, боюсь накликать снова лихорадку, но джин Лареда[32] меня согревает. Уже я дома, переодетый, закуриваю трубку, засыпаю на диване сладким сном, сплю. Пробуждаюсь — передо мною Семен Данилович Шержинский. «Браво, усы! Поздравляю.

---

* Ее портрет остался у меня (*нем.*).

Дела Ваши?»— «Плохи!»— «Утешьтесь, есть люди, которые берутся поправить их. Приходите завтра к Петру Александровичу[63] обедать». — «Буду непременно». — «Сегодня дают «Фенеллу», я иду в театр»[64] — «И я с Вами, вот деньги, прошу и для меня билетец». — «Прощайте. Приходите же!» — «О, поверьте»! — «Это что у Вас? Ха-ха-ха! Прекрасная мысль: кошка глядит в лакированный сапог — в испуге, взъероша хвост, делает движение оборонительное. Морда чудесно нарисована. Славно, молодец француз!»

После обеда. Шестой [час] в исходе, пора идти к de Colla. «Ах, Тициан? Бесподобно, чудная голова» — картинка вершков 10 в длину и 8 — в ширину. На ней изображен юноша в черной шляпе с белыми перьями, в малиновой одежде, с фрезкою вокруг шеи. Наклонив голову, он глядит на зрителя, в руке у него цветочек. Какое выполнение натуры! Глаза — точно живые, свежесть лица, приятный окладец и крупные части — все это дышит жизнью. Драгоценное произведение![65]

Поговорив со мной о лампочке, повел он меня в зеркальную комнату, храм очарования и подлинно прелестная вещь. Много редких вещей показывал он мне, и везде механика: каждая безделушка содержит в себе музыку. Расставшись с ним после обещания в скором времени принесть ему рисунок, поспешил в театр. Фиарелло играл Гофман, Эльвиру — его жена. Играли бесподобно, музыка чаровала меня[66].

Кошечка моя насмешила многих, кто ни взглянет, так и зальется! Знакомство, разумеется, только партерное, с Эльканом[67], загадочным человеком, которого в одну и ту же [минуту] можно видеть в тридцати местах, включая туда бал, собрание по случаю NN, гулянье, спектакль, клуб — где угодно и когда угодно.

В 12 часов я, попадая на каждом шагу в лужи, прибыл на квартиру и, усталый, повергся на одр.

20 [*июля*]. Поутру, часов в 12, внезапный приезд г. Вульферта, на которого я был так сердит, чрезвычайно встревожил меня. Сердце забилось, кровь бросилась в голову и произвела сильную

боль, расстроившую меня на целый день. Вульферт примирился со мною, заказал также и свой портрет. Хорошо, я вымещу теперь свою досаду, получу с [него] порядком, и выжму из него 200 рублей (?).

Обедал у Ивана Тимофеевича[68]. От него пошел за братом[69], с ним зашел к Кандыбе[70]. Просидел там часов до 9. Пришедши домой, почитал немного и лег спать.

21 [*июля*]. Нарисовал фонарик для Гумилевского[71] и отправился на дачу к Плетневу. Его самого не было дома, с Шержинским пошел он гулять в Парголово. Посидев с его милою женою[72], пошел я к ним навстречу. Прекрасно провел время. После обеда ходили мы гулять по саду, день был прелестный. Часу в шестом уезжали наши хозяева на публичный бал на воды. Мы же, полакомясь клубникой, пошли гулять в Гражданку, версты четыре от Кушелевой деревни. Пришедши, напились чаю и в путь-дорогу, zu Fuß *. Пешком домой, каково? Верст десять, славная прогулка!

28 августа, в три часа пополуночи, в день моего рождения, спущен кор[абль] 84-пуше[чный] «Лефорт», а во Франции было посягательство на жизнь короля, по новому стилю, конечно[73].

1 августа. Да, август начался для меня благополучно уж по тому одному, что прекратилась лихорадка, часто мучившая меня в июле. Окончание портретов г. Вульферта также весьма важно в истории моей живописи.[...]

2 августа. Не дождавшись Вульферта, обещавшего принести мне благие дары, я ушел на урок к Галаган[74]. Встречен был неисправностью моих учеников, детей, охотно желающих рисовать и любящих это искусство, но нимало не поощряемых матерью, которая, желая искренно добра своим детям, своими косвенными и ложными понятиями о воспитании делает свои требования нелепыми и несносными для учащих. От нее пошел я к Казада-

---

* Пешком (*нем.*).

еву, узнать о Петре Александровиче[75]. На пути домой зашел на выставку Общества, посмотрел свою картину, дал ей повыгоднее местечко и ушел прямо домой[76].

Целый день я часто думал о домашних. В квартире застал Семена Даниловича и письмо из дому — две радости вдруг.[...] Еще одну приятную минуту забыл я поместить. Это минута, в которую прочел я из письма Софии Александровны к К[атерине] Вас[ильевне], что она получила мою картинку и собирается особенно меня благодарить.

Вечером принес мне деньги, 200 рублей, Константин Иванович[77]. Г. Вульферт, уехав, не простясь со мною лично, лишил меня еще одного удовольствия[...].

Письмо от Сергея из Данцига к Александру. Описывая бал, даваемый прусскими офицерами в день рождения короля, оп упомянул о Плахове, которого он видел там же на бале[78], у меня сердце затрепетало — не от зависти, а от ревности достигнуть счастия быть посланным в чужие края.

6 августа. Четвертого, то есть в воскресенье, был я у Плетнева. [...] За обедом были: Павел Петрович Максимов с братом Стефаном[79], Семен Данилович, парголовский путешественник (фамилии его не знаю) и Шенин[80]. После обеда пришел Пушкин, говорил со мною о живописи и при прощании сказал мне: «Не женитесь только, а Италии вам не миновать»[81].

5 [августа] в понедельник, проездил я напрасно на 5-ю версту на Петергофской дороге, к Казадаеву[...].

Der Tag vergeht. Nichts freundliches hat mich begegnet, außer, das ich in die Ermitage war, besah das schöne Gemälde von Krüger — wirklich ein Meisterstück diesen grossen Maler. Die Gruppen sind angenehm, die...* der Gesichter frappant und Ausführung überhebt meisterhaft. Die Töne... ** vollkommen. Die einzelne Figur des

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

** *Далее не разобрано одно слово.*

Feldmarschalls Paskewitsch wundervoll. Der ausgezeichnete Held steht mit Würde und Hohe [82].[...]

Des Abends war ich bei Baron Klodt [83]. [...] *.

7 [*августа*]. Ничего особенного до обеда. После обеда — у Шевича [84], нарисовал я ему портрет чумака **... потомка генерала [...]. В семь часов пошли мы с Александром на фрегат «О т в а ж н о с т ь» [85]. Первый раз в жизни был я на военном судне. Много нашел я любопытного, многое удивляло меня, но, признаюсь, ничто не заманивало меня к военной службе — ни даже быть на море в этом подвижном домике. Общество морских офицеров, как всегда, весьма приятно. Люди образованные, радушные и любезные в обращении.[...]

8 [*августа*]. Первое дело было собраться с силами и духом идти к Гаевскому. Нагрузив себя письмами, я отправился в путь[...]. Старик седой, с черными бровями и с белою звездою, вежливо принял меня, просил сесть, начал читать письма, по прочтении — обнадежил насчет определения брата к новой должности [86][...]. Довольный хоть этим, я отправился снова на «О т в а ж н о с т ь», где ждали меня офицеры, чтобы ехать с ними на недавно спущенный фрегат «А в р о р а» [87].[...]

15 августа. Аккуратно же я веду свой журнал: с 8-го по 15-е — ни строки![...] 9-го, помнится, вечером, отправился я на дачу к Казадаеву[...]. Разговаривали, наконец, как всему есть свой конец, и мы разошлись по каютам. Я остался один. Гостиная,

---

* День прошел. Ничего радостного мне не встретилось, кроме того, что я был в Эрмитаже, осматривал прекрасную картину Крюгера — действительно, это мастерское произведение большого художника. Группы приятны... лица поразительны, и исполнение необычайно искусно. Краски ... совершенны. Отдельная фигура фельдмаршала Паскевича — удивительна. Выдающийся герой стоит с достоинством и величаво. [...]
Вечером я был у барона Клодта. [...] (*нем.*).

** *Далее не разобрано одно слово.*

превращенная в спальню, имела какую-то особенную приятность. Затворенные наглухо ставни, свет восковой свечи на столе, две-три книги на нем же, пяльцы с бисерным вышиванием хозяйки, забытая ею шаль, небрежно кинутая на спинку стула, отодвинутое от стены кресло, положением своим напоминающее сидевшую на нем. Здесь же диван с чистою, мягкою постелью, покрытою белым широким одеялом с кисейной бахромою, зеркало, в котором все это отражалось[...].

9-го, 10-го и 11-го пробыл я на даче с недоконченным и дурно, неудачно начатым портретцем[88].

12-го писал я портрет Фенеллы[89].

13-го был на уроке и у Шевича, писал его портрет. Как кажется, будет толк.

Августа 19. 15-го, в субботу, в день выезда моего из Петербурга в Павловск, часу в первом, пошел я к Васил[ию] Иван[овичу]. Заведя речь о своих работах, намерениях и предприятиях, договорились под конец до поездки моей в Италию. Положено: в генваре нынешнего года перейти в натурный класс, заготовить эскиз для картины на медаль 2-ю или даже и на первую золотую; получить за натуру хоть 2-ю серебряную; написать четыре головы — Кукольника, Редкина, Гоголя и Базили[90] на одной холстине, заняв их чтением, выполнить как можно лучше — к сентябрю. Кончить к июню или июлю (чихнуть два раза), в июле ехать в Малороссию. Явиться к сентябрю, представить картину, получить медаль и быть назначенным к отправке за границу[91]. Довольно этого!

От Вас[илия] Иван[овича] пошел я к Ладурнеру[92], понес ему картину. Он похвалил голову Вульферта. Понес я их на выставку, где они представительствуют за кандидата в счастливцы[93].

Билет взят, после обеда отправляюсь в контору дилижансов, опаздываю, догоняю дилижанс за заставой и еду в Павловск. В десять минут десятого прибыли мы в Царское Село.[...] Den anderen Morgen, nämlich den 20-te, gegen 8. Uhr fuhren wir aus Pawlowsk.[...] Kommen wir nach Zarskoe Selo. Der Wagen hielt

still bei den Park und wir gingen es zu besehen.[...] Unter Merkwürdigkeiten verschiedener Arts ist Plafon von Шебуев großen Aufmerksamheit wert, es ist ein Meisterstück in dieser Art in Malerei [94].[...] *

Пишу портрет Прокоповичевой [95], собираюсь писать мадам Пузино [96]. Хожу в Античную галерею с 12 сентября.

17 сентября. День именин С[офьи] А[лександровны]. Год времени прошел незаметно. В памяти только то, что в этот день я был счастлив. Вскоре после этого оставил я Малороссию, приехал в Петербург, определил брата, написал 12 головок, и только. Сегодня в 9 часов поутру пошел я на урок к Гал[аган], увидел у нее мадам Фишер [97], приехавшую из Малороссии. Поспорил с К[атериной] Вас[ильевной] и чуть не разбранился с нею навсегда. [Причиной] нелепые придирки ее к сыну насчет его нерадивого рисования. Мы помирились. Я пошел к старику Казадаеву, поздравил его с днем ангела С[офьи] А[лександровны], получил от него приглашение к madame Глинке — писать с нее портрет [98]. Зашел к Крафту [99], купил кистей и отправился к Григоровичу. Застал там Кукольника, обедал у него с Данилевским (Алекс[андром]) и Крашенин[никовым]. После обеда мы были потревожены внезапной смертью графини Толстой [100]. [...] Поехал к Краевскому за билетом на Роберта — напрасно [101]. По приезде домой встревожен был похищением портрета Плахова, накричал на Андрея [102] [...], послал за картиной. Пришла Фенелла... принесли портрет. Неисправное поправлено вторичным повторением. Убыли.[...]

---

* На следующий день, а именно, 20-го, около 8 часов выехали мы из Павловска. [...] Прибыли в Царское Село. Карета остановилась подле парка, и мы пошли его осматривать. [...] Среди достопримечательностей разного рода особенно достоин внимания плафон работы Шебуева, это мастерское произведение в этом роде живописи. [...] *(нем.)*.

18 сентября. Утро. От 9 до 11 — в Античной галерее [103]. Мой «Германик» шел весьма неудачно. Никак не могу понять отношение торса к ногам в рассуждении ширины. В 12 — у Пузино, начал весьма удачно. Не знаю, что будет дальше. На пути к обеду по случаю отъезда Редкина [104] встретился с Либичем [105], который возвестил мне, что по случаю смерти графини кейф отменяется. Обедал дома вдвоем с Алексеевым [106]. Вечером был у Тыранова, у Плетнева, у Данилевского, пили, пели и курили, простились с Редкиным. Господа Шержинские, особливо Николай [107], были в чрез[вычайной] претензии за опьянение Плахова. У Плетнева было очень весело.[...]

25 [сентября] переехал в 7-ю линию.

Ровно восемь дней спустя, *26 сентября*, в день столь для меня памятный, пишу в своей памятной книжке.[...] Можно ли быть покойным, когда для глупейшего дела — искания квартиры — я должен был потерять неделю времени,[...] тогда как галерея и начатый портрет ждут меня не дождутся. О как мне жаль, что я не могу еще о сю пору предаться с полным влечением моему искусству, что я для дневного пропитания должен терять драгоценное время и в мои уже лета, в 25 лет, когда уж и другие были самобытными художниками. Нужда, нужда...[...]

28 сентябр[*я*].[...] Портрет мой у Пузино идет удачно, жалею только, что положение несколько fas.[...] Вечер провел у Гоголя, ничего порядочного в продолжение целого дня не встретил. Ничто, кроме живописи, не радует меня. Нужда, нужда, скоро ли ты меня оставишь?

1 октября положено у нас праздновать, и праздник этот ознаменовать не каким-нибудь добрым делом, а банкетом, где, кроме яств и напитков, ничего не употребляется. Такова наша молодежь! Собрались мы — я, Кукольник, двое Данилевских, Гоголь, двое Прокоп[овичей], Пащенко, Данченко, Лукашевич [108] и Базили. И что же? Ели, пили, шумели, и только. Веселости особенной не было, да и могла ли она быть? Разнохарактерность собравшихся во имя Нежинской гимназии не позволяла состояться

банкету как следовало. За обедом соединяло нас лишь одно вино, после обеда все разбрелись куда попало.[...] Я, присутствовавший там без платы, не должен быть неблагодарным, спасибо им, особливо моему доброму Нестору[...].

1 октября. Портрет Пузино идет удачно.

2 октября. Утро — у Пузино, вечером — в классе и у Григоровича.[...]

8 октября. День по урокам, вечер у Клодта, где был Алек[сей] Гавр[илович] Венецианов. Много говорили о живописи и вообще об изящных искусствах. Спорили, спорили и, наконец, разошлись часу в 11-м.

9 [*октября*] Встал бодр и свеж, wie Neugeborene, las und schrieb den Brief an Р[одиону] Иван[овичу] Лукомск[ому]. Gegen 12 Uhr ging ich zu Pousino, malte dort das Kleid, um vier Uhr ging nach Hause. Schön war das Wetter.[...] Ich ging Schritt für Schritt und mir war so wohl, was kann mich trüben? Meine Kunst geht vorwärts, die Menschen lieben mich, an Freunden mangelt mich auch nicht zu lieben *.[...]

Вечером был я у Плетнева. Много было гостей, много. Собрались все литераторы и ученые, люди молодые, но старые по познаниям [109]. Был там один молодой человек, как кажется, недавно кончивший курс в университете и чуть ли не кандидат. Случайно зашла речь о летах, на вопрос, сколько ему лет, отвечал он, смешавшись, — 19?.. С виду кажется он старее. В 19 лет и стыдится не знать всего, что открыл ум человеческий! Трудно теперь человеку, много требуют от него, спешим мы необыкновенно и куда? В могилу.[...]

---

* ...как новорожденный, читал и писал письмо Р[одиону] Иван[овичу] Лукомск[ому]. Около 12 часов я пошел к Пузино, писал там платье и в четыре часа пошел домой. Погода была прекрасная. [...] Я шел шаг за шагом, и мне было так хорошо, зачем мне печалиться? Мое искусство идет вперед, люди любят меня, друзей у меня тоже достаточно. [...] ***(нем.)***

10 октября. Утро — у Пузино, писал платье. От нее пошел к А. Ф., застал у нее Федотова. Ей, по-видимому, было весьма приятно мое внимание к ее желаниям: я принес ей Батюшкова сочинения, и она обещала читать их со вниманием [110]. Пригласила меня в театр смотреть какую-то новую пьесу.[...] Nach Mittag — in die Klasse, bei Plachoff und Schersinsky — brachte ich ganzen Abends *.

11 октября. Утро провел пребезалаберно, только и доброго делал, что дал два урока. Вечером, часа полтора был в классе, из класса пошел в театр. Вместо «Нормы» играли «Три султанши» и «Сильфиду» [111]. Первая пьеса препустая, только Асенкова в роли Роксаны из женщин и была мила. О Брянском и Сосницком и говорить нечего — таланты. Зато Пейсар в «Сильфиде» была очаровательна, чудная женщина!! [112] А. Ф. была также очень мила. Из театра зашел ко мне Федотов.[...]

12, 13, 14 октября прошли без особенно важных случаев. Последнее замечательно для меня тем, что я ходил с Венециановым во дворец смотреть Брюллова «Итальянское утро» и «Полдень», находящиеся в будуаре императрицы. Десять минут, не более, мог я оставаться в этом покойчике, освященном присутствием гениального творения нашего Брюллова. Чудные произведения, какая прелесть! Сколько натуры, и какой натуры! Видно, что эта красота созрела под небом Италии, в стране, любимой солнцем [113]. Есть там и другие прекрасные работки.

15 [*октября*]. Nichts besonderes, außer daß ich bei Grigorowitsch war und wie gewöhnlich von Verschiedenem mit ihm sprach. Je mehr ich ihn kennen lerne, desto mehr убеждаюсь, was das für ein herrlicher Mensch ist und was für Kenntnisse er besitzt, besonders, was die schöne Künste anbetrifft. Jedes Mal, daß ich von ihm komme, bringe ich eine neue Idee, oder eine neue Gedanken

---

* После обеда — в классе, у Плахова и Шержинского — провел я весь вечер *(нем.)*.

mit, wie glücklich bin ich, das ich doch einen habe der Fibings Stelle mir vertritt *.

16 [*октября*]. Порядок дня: за чаем читал я Шатобриана [114], потом пошел к Пузино. Написал блонды вокруг шеи, кончил шею, стол и кой что еще. Пришедши домой в три часа, пообедал, ruhte ein Weilchen aus und ging nach Academia **, из Академии пошел к Селецкому [115]. Не застав никого дома, поспешил домой, eine süßte Erwartung dort, Fenella zu treffen ***[...]. Читал отрывок из Клопштоковой «Мессиады» [116], некоторые творения Пушкина[...]

17 *октября*. Утро у Пузино, вечер — у Селецкого. Между прочими разговорами узнал я, что в Малороссии чрезвычайно недовольны моими работами и обвиняют меня, зачем я так дурно писал. Но мог ли я писать лучше, не умея? Еще всего смешнее, что там думают, что я влюблен в С. Г. Вишневскую, и что же, сообщая мне за новость, что она выходит замуж за какого-то Писарева, примечают, какое действие произведет на меня такое известие [117].

20 [*октября*]. День целый просидел я дома с кадетом [118]. Поутру зашел ко мне Алексей Гаврилович с Алексеевым [119], смотрел койкакие мои работы, делал весьма полезные замечания. Выкурил трубку и ушел, взяв с меня честное слово быть у него вечером. Погода была ужасная, мокро, холодно, ветрено и целый день шел ливнем дождь. Мы с братом сидели одни дома, читали, беседовали, приводили на память прошедшее, и в этом разговоре я следил за чувствами своего Петра. Он сильно чувствует, чего

---

* Ничего особенного, кроме того, что я был у Григоровича и, как обычно, о многом с ним говорил. Чем больше я узнаю его, тем более убеждаюсь, что за превосходный это человек, какими знаниями он владеет, особенно в области прекрасных искусств. Каждый раз, когда я ухожу от него, я уношу новые идеи или новые мысли, как я счастлив, что мне одному предоставлено место Фибинга *(нем.)*.

** Успокоился немного и пошел в Академию *(нем.)*.

*** В сладкой надежде застать там Фенеллу *(нем.)*.

лишился он, простившись с домом. И какая разница между тогдашним его ласковым положением и теперешним строгим, в котором он находится в ежовых рукавицах Пущина [120]. Он, нечувствительно для него самого, переменяет свой строптивый нрав в тихий, ровный, кроткий характер[...]. Вечером я был у Алек[сея] Гаврил[овича]. К концу зашла речь о медалях, я бесился, выходил из себя и утешал их своими восторгами при мысли и разговоре об Италии, строил планы, утверждая, что через десять лет буду профессором Росс[ийской] Академии художеств и прочее. Разошлись в 12 часов.

21 октября.[...] Я чертил кое-что с Рафаэля, собрался идти в Античную галерею, но попал в мастерскую к Клодту. Побыв там с полчаса, я пошел с ним к Орловскому, видел там много прекрасных статуй, и нахожу, что Орловский человек с талантом и чувством. В его произведениях видна добрая, нежная душа его [121].

Взявши у Пузино портрет, отнес его к Венецианову. Старик был очень доволен работою, но как уже было поздно, я спешил в класс, то отложил до следующего утра. Утро то было 22 октября. Как обыкновенно, шатался сперва по урокам[...]. От Шевича пошел я домой, да, побывал я у Черлицкого [122], у Вульферта и у Селецкого. Возвращаясь с уроков, я повстречал Гр[игория] Степ[ановича] Тарновского [123], раскланялись мы с ним ziemlich freundlich *, и я пошел далее, взглянуть, благополучно ли мой Бульба доставил туда портрет Анны Федоровны, и потом на извозчике покатил к Венецианову. Обедал там. После обеда он критиковал мой портрет очень строго, делал весьма дельные замечания, советовал рисовать и проч[ее]. Оттуда пошел я в класс, рисовал «Бойца» и, как нашел Григорович, очень удачно. После класса пошел к Григоровичу, где был и Венецианов. В[асилий] Иванович встретил меня с возгласом: «Да здравствует

---

* Довольно дружелюбно (*нем.*).

будущий наш знаменитый художник!» Много сказано! Не легко оправдать сказанное, но постараюсь угнать свою живопись далеко. Сказать это заставил портрет м[адам] Пузино, в котором, выключая погрешность в рисунке, нашел он много хорошего и, подтвердя о необходимости рисовать, говорил, чтобы я берег то, чего у многих лучших художников недоставало — верность глаза и способность видеть натуру в отношении колорита. Велел многое исправить и показать Академии — ? «Ну, Академия Вас похвалит!»?? Вперед, вперед, моя история. Важна практика, когда с нею теория. Итак, нужно рисовать и рисовать много. Хорошо! Я пообещал ему быть даже и неплохим рисовальщиком.[...]

23 октября. Утром я носил к Григор[овичу] начатую головку Шевича, и он заметил погрешность в рисунке левого глаза. Потом смотрел на портрет Пузино: велел поискать подле левого глаза и вообще пройти со вниманием левую сторону, а также освещенную сторону шеи и виднее обозначить левую ключицу. Исправить рисунок возле большого пальца, выполнить палец указательный, пройдя всю кисточку теплым колорцем. Прочее же все одобрил чрезвычайно. От него пошел я в галерею, где и пробыл от 12 до 4 часов. После обеда был в классе. После класса провел остальное время вечера у Крашенинниковых до 12 часов.[...]

24 октября примечательно для меня тем, что Плахов, пришедши со мною из класса, сидел у меня до ночи. Мы пили с ним чай, беседовали о живописи и о другом, а устав, наконец, взмахивать ресницами, положили конец дню в моем кабинете. Я — на полу, а Плахов — на коротеньком диване, стенки которого далеко его ноги не доставали.

25 [октября]. Ничего особенного не случилось, выключая, что я писал у Шевича, был вечером у Краевского и у Шержинского[...].

27 окт[ября]. Утро — в хождении по квартирам, обедал. Вечер — у Венецианова, где были Федор, Сергей [124] и ... *.

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

4 ноября. [...] Вчера был я с братом у Селецкого, не застав его дома, отправился к Казадаеву, обед, вечером был у Венецианова. [...]

5 ноября выдался чудный денек. Утром первое дело было поехать к Гаевскому, не застал его в канцелярии. Отправился я к Галагановой, дал там урок и пошел к Глинке. Артист принял меня с должным... * Говорили мы с ним сперва о портрете, потом о картине Брюллова. Ушел я от него с надеждой писать портрет его жены [125]. Застав Гаевского, я получил от него решительный ответ, что мест нет. Пошел к Селецкому, его прием показал мне, что уже исчезла прежняя привязанность и дружба к нашему семейству, и мы сами потеряли его[...]. Был у Васильчик[овых], с А[лександрой] И[вановной] не видался, Марья Ив[ановна] [126], как прежде, так добра и осталась, с тем же ко мне расположением. От нее пошел я домой, но, зашед к Шержинскому, остался у него обедать. До 9 часов сидел я у него. Спорили, спорили, и спорам конца нет. Мое сравнение Кл[ода] Лор[рена] с Тиц[ианом] Пол[я] Пот[тера] с Вандик[ом], ван Гельста с Рейсдалем, и Грёза с Жозефом Верне. [...]

6 ноября. Кроме классных занятий, ничего не сделал хорошего. Перенес еще картину «Портрет Пузино» к Григоровичу, он был чрезвычайно доволен. После внимательного рассматривания сказал: «Тут есть много, много драгоценнейших частей». Говоря это, он указал на освещенную часть лица и на шею.[...] Читал повесть Павлова, приятным слогом написана, да и сюжет взят прямо с натуры, очень верно и ловко обрисованы. Вообще много живости и светскости в слоге автора [127].

7 ноября. Утро целое сидел я дома и рисовал анатомию головы (череп). После обеда был в классе, из класса зазвал к себе доброго человека — Сошенко [128]. Малый, кажется, добрый, с дарованием и с прекрасными чувствами, еще не тронутыми скоблем света. Я приглашаю его жить с собою, он пришелся мне по

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

душе, и с первого раза, [когда] увиде[л] его в Эрмитаже, он понравился мне.

8 ноября. Утро таскался я по урокам. Вечером был в классе, после класса заходил к Григоровичу и от него, зашедши к Плахову, пригласил его к себе на чай. До 11 часов просидел я с этим прекрасным человеком, одаренным от природы огромным запасом чувств, способным взлелеять талант, резко проявляющийся в нем. О, будет из него великий художник! Уже теперь он весь — искусство. Много великих моментов проявления изящного в природе передаст он, сохранит для потомков, много прелестных и высоких картин природы повторит он на холстине своей гениальной кистью. Уважаю я этого человека...[129]

9 ноября. Поутру, в ожидании Мартьянова[130], просидел я дома.[...] Пошел к Гоголю. Свидание с Симановским после пятилетней разлуки чрезвычайно меня обрадовало. У Гоголя по-прежнему было шумно и скучно[131].

10 ноября. Утром был у Селецкого, он обошелся со мной чрез[вычайно] ласково.[...] Григорович своими похвалами, вообще много говоря в пользу мою, восстановил прежнее ласковое [его] расположение ко мне. От него пошли мы с братом к Виктору Андреев[ичу][132], взяли его с собой обедать. После обеда, посидев до вечера, мы простились с Петром, а сами, оставшись, дочитали «Ятаган»[133]. По прочтении пошли к Венецианову, в 9 часов. Там был Анастасевич[134]. Этот почтенный старик нечувствительно раскрыл перед нами огромный свой запас сведений. О многом говорил он[...], Анастасевича сменил я и, хотя рассказ мой не был учен и менее занимателен, по крайней мере, достиг своей цели: помирали со смеху и, утирая глаза, проворковали нехотя «Прощайте».[...]

11 ноября. [...] Пришедши домой, рисовал свой портрет и просидел за ним до половины 1-го ночи.

12 ноября. Был на уроках, у Кукольника, вечером в классе. После класса был у Вульферта[...].

13 [*ноября*]. Был у Плетнева, провел время преприятно.

14 [ноября]. Утро просидел дома, вечером был в классе и оттуда зашел к Григоровичу.

15 [ноября]. Был на уроках, у Кукольника, у Краевского, где слушал со вниманием рассказ русского вояжера Уткина [135], возвратившегося из вояжа.

16 [ноября]. Читал письмо Георга Занда. Много прекрасного и поучительного нашел в его сочинении и, наконец, прочитал собственные свои мысли насчет жизни художника. Как прекрасно разобрал он состояние души его. Он говорит, что нужда сковывает его, но не гасит в нем добродетели артиста, благородства, которое состоит в том, что он не всегда желает сделать столько, сколько может, не гонится за барышом и не поторопится лишь бы с рук [сбыть], как делает ремесленник [136].

Ноябрь 17-е. Поутру был у меня Сошенко. Он пришел по моему приглашению к чаю. Напившись чаю, мы собрались было писать мой портрет, но приход Свечина [137] помешал нам. Потолковав об его портрете, я чертил эскиз с натуры. К обеду приехал Кукольник, но поздно, он не успел уже видеть моих работ. С полчасика пробыл он у меня и уехал. Остались мы двое с братом и с нами Вишневский [138]. Вечером, простившись с братом, пошел я к Венецианову. Много кричал, шумел и, признаюсь, жалею на свой характер, что не могу удержаться, чтобы не высказать, что чувствую, разве только оттого, что говоришь с человеком добрым и умным, который извинит молодость, пылкость, видит в этом доброе начало.

18 ноября. Очень для меня примечательно, во-первых, тем, что я сделал непростительную глупость, повезши к Панаеву свои картины для представления их к[нязю] Волконскому [139]. Панаев раскритиковал их в пух. Что же было бы еще, если бы я да показал их князю: портрет А[нны]. Федоров[ны] понравился ему чрезвычайно; m-m[e] Пузино разругал он как темную вещь. Хвалил в ней блонды, ленты и платье, об лице же отозвался чрезвычайно неделикатно и даже обидно для женского самолюбия. «Прохор» понравился ему, за что я предложил ему обладание им. «Жида»

разругал как каналию, об «Левенце»[140] отозвался также не очень лестно, словом, уничтожил меня совершенно, говоря, что в работах моих дурной манер. От него пошел я к м[адам] Галаган и писал портрет мисс Потс[141], и довольно. Был в классе, из класса зашел к Вас[илию] Иван[овичу], рассказал ему все, что было. Он как напустился на меня, так я только молчал, потом поздравил меня с принятием в Академию[142]. О! Сообщил я ему свое намерение писать кучера наследника для поднесения ему в Новый год. Пошел трезвонить, да как! В заключение предложил мне написать лучше Петра Великого в Саардаме. Рисовал Александр Брюллов с натуры[143], и мне велел он скопировать перспективу в *... прикомпоновать фигурку Петра и принадлежности, объясняющие занятия его в Саардаме. По благополучном окончании — представить наследнику, обещая из того верный успех. Что ни говори, а Григорович — разумный человек, и счастье мое, что я имею такого руководителя. [...]

20 *ноября*. [...] Вчера убил я утро на портретец м[исс] Потс, бросил его и попросил позволения писать масляными красками, которые мне знакомее, нежели акварель.

После обеда пошел с Ал[ексеем] Гавр[иловичем] к Варнеку. Вечером были у меня: Гудима, Гребенка[144] и Виктор Андр[еевич], который остался ночевать [...]. Поутру [...] я отправился к м[адам] Галаган [...]. Мать с детьми была в церкви, а я, пользуясь их отсутствием, усадил мисс Потс и принялся работать. К обеду успел я подмалевать головку. Смотря по первому сеансу, можно надеяться на успех. Замечаю, что портрет Пузино написал я с пользой. После большой головы маленькая идет успешнее. Даже скажу, что одна большая голова подготовит на пять маленьких, а что после головы в натуру величиною — не страшно с маленькою, тогда как обратная посылка не удается. [...]

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

21 [*ноября*]. Вставши поутру рано, выбрался из дому поздно, так что к половине лишь 11-го приехал к Галаганше. Портретец мой еще не удовлетворяет меня и, хотя находят чрезвычайное сходство, но это меня не тешит: рисунок, рисунок связывает меня по рукам и ногам. Беда мне, да и только! [...]

23 [*ноября*]. Утро провел я за портретом м[и]сс Потс. Приглашен был писать еще один портретец у Андреевой [145], не знаю еще, сбудется ли предположенное, а нужны бы деньги к празднику. Вечером был я у Григоровича, много слышал от него полезного. И подлинно, чем далее, то вижу в нем чрезвычайные сведения в искусствах. Как хорошо он их понимает! Он дал мне рисунок хижины Петра в Саардаме. [...]

25 [*ноября*]. Поутру писал портретец Андреевой. Начало было довольно удачное. Начинает проглядывать сходство [...]. Вечером был я у Варнека, просидели с Ал[ексеем] Гавр[иловичем] часочка два, говорили о живописи, и много полезного услышал я из разговоров таких опытных художников. [...]

27, [2]*8,* [2]*9, 30... 1 декабря.* Писал я у Андреевой. Сегодня, то есть 1, окончил портретец, кроме некоторых мелочей. И вот целую неделю из одолжения прописал с полным усердием, угождая всем причудам за 50 р[ублей]!!

29 [*ноября*] [...]. Вечер у Венециановых.

2 [*декабря*]. Утро сидел дома и чертил «Хижину в Саардаме», вечер — в Академии. [...]

3 [*декабря*] [...]. Кончил портретец у Андреевой, был в Академии. Вечером до половины 1-го чертил «Хижину в Саардаме» и кончил. Получил от Григоровича 100 рубл[ей], выданных из Общества. Спасибо. Это весьма кстати, ибо безденежье много причиняет мне забот и тревожит меня [...]. 150 рублей получены сегодня [146]. Хлеб для меня заживу опять на месяц барином, дело!

4 [*декабря*]. Утро прописал я за «Хижиной», идет хорошо. Не знаю, не споткнется ли на пороге, где не один уж сломал себе шею. [...] Вечером был в классе. Рассердился на Воробьева [147], который

сплеча перемарал мой рисунок Пета так, что моего и не видно. Глупая метода, пора взяться за ум и не перечерчивать сызнова рисунка ученика, а просто указать ему на погрешности в рисунке, которые он, по внимательном рассмотрении и изучении анатомии антика, сам исправит только с большею для себя пользою. Из класса пошел к Плетневу, долго просидел я у него, до половины 1-го. [...] Потом, когда все разошлись, Петр Александрович позвал меня и Семена Даниловича в кабинет, где мы, за цигарками, беседовали об искусствах и художниках. Умный, добрый и образованный человек Плетнев, много прекрасного и верного сказал насчет предмета нашего разговора. [...]

5 [*декабря*]. Целый день просидел дома, писал «Хижину». Часу в 5-м отправился за братом в корпус, по дороге зашел к Кандыбе, смотрел его работки, в которых нашел большой успех противу прежнего. [...]

6 [*декабря*]. Целый день просидел дома, мало сделал хорошего, разве только то, что с помощью Сошенко кончил портретец Родиона Ивановича. [...]

8 дек[*абря*]. Приятно и с пользой провел я сегодняшний день. С утра до трех часов писал я свою «Хижину» и, при всей тщательности, успел только пройти дощатый потолок. Такова линейная перспектива! Занятие мое сопровождаемо было чтением. Брат Петя читал мне повесть Гоголя «Тарас Бульба» и «Старосветских помещиков»[148]. [...] В половине 9-го, простившись с братом, отправился я к Алексею Гавриловичу Венецианову. Там застал я Краевского, с которым давно не видался, Трескина, Стеньковича с женою, Неверова и Стефаниду Ивановну, да еще нашего брата-художника Зеленцова[149]. Пробалакали вечер и разошлись [...].

9 декабря. Сегодня целое утро просидел я за «Хижиной». После обеда пришли ко мне Гребенка и Гудима...* [...] Чертил анатомию.

---

* *В тексте два рисунка пером.*

10 [*декабря*]. День урочный и, между прочим, был у Кукольника. Заходил к Виктору Андреевичу. [...].

11 декабря. Давно уже не был я так недоволен сам собой, как сегодня. Во-первых, вставши поутру рано, я оделся и, не пивши чаю, побежал к Виктору Андреевичу, располагая [...] пойти в Эрмитаж, посмотреть картину Танера[150]. Сидор и Рыбин заупрямились, не показали, говорят, что нужно па это позволение Лабенского[151]. Знавши, что за сокровище Лабенский, я не стал его тревожить. Прошелся по Эрмитажу, смотрел Вандика, Рубенса, Тициана, Мурильо, Доменикино и с грустным чувством побрел домой, [...] принялся за «Хижину», работа шла очень успешно, как будто нарочно, чтобы еще более раздразнить меня, что я потерял утро.

Из класса вызван я был Венециановым, часочек только порисовал, зато дома от восьми до половины 12-го чертил Рафаэля и анатомию. Время летит, а еще сколько нужно учиться! Едва ли я достигну счастья сделаться хорошим художником, а жаль будет, если не успею насладиться плодами трудов. [...]

15 декабря. [...] Восхищался я, читая размышления Тика об искусствах и художниках. Эта книжка принесла мне такое удовольствие, какое я ощущал только при поучительных повествованиях Шатобриана о переворотах и при чтении весьма немногих назидательных творений. Читать о жизни художников, каковы были Рафаэль, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Франческо Франчио, Альбрехт Дюрер и другие,— было для меня истинное наслаждение. Жизнь их светская и художественная есть великий урок для любящего искусства[152] [...].

16 декабря. Вчера не дописал я предположенного. Память часто мне изменяет и еще более вводит меня в неоплатные долги касательно обязанностей по отношению к людям, которых я искренно уважаю, люблю и чувствую доброе их ко мне расположение. Много я забываю, и вот поэтому я хочу записать свое намерение и прямую цель для того, чтобы со временем поверить себя и увидеть, сколько время и обстоятельства сильнее над нашими

лучшими желаниями, и в какой мере они делают нас равнодушными к желаниям и целям, прежде предполагаемым. Вот мое желание: достигнуть в живописи значительного успеха и основать школу в Малороссии, именно в Пирятине[153], если обстоятельства тому будут благоприятствовать, жениться и устроить свою жизнь для пользы отечеству, и именно в Малороссии. В Пирятине найти для себя счастие в семействе и утешение в успехах золотого юношества. [...] Пусть буду лучше прост, но добр, беден, но честен и независтлив [...].

Сегодня я занимался дома. [...] Из класса пошел к Шержинскому, там был Плахов. Я примирился с ним, хоть после захождения солнца. Но я не виноват, что в Петербурге так рано заходит солнце, раньше же видеться с ним не мог. [...] Горько мне еще пока, тяжело пробиваться, даже необходимое не все есть. Впрочем, бог милостив.

17 дек[абря]. День урочный, заходил к Кукольнику. [...] Из класса пошел я к Клодту. Наиприятнейшим образом провел несколько часов и, не щадя этих добрых людей, казнил, терзал их своими рассказами. [...]

19 декабря. Вчера поутру, напившись чаю, собравшись с духом идти по такому ужасному холоду, я, с недоконченной «Хижиной», отправился к Григоровичу. Когда я объявил ему о препятствиях насчет фигуры Петра, то он советовал оставить до теплых дней и проч[ее]. На дворе метель была страшная, и я рад был, что добился до теплой хаты. [...] Мы уселись, начали толковать о сем о том, из разговора о рассуждениях Тика о художествах завязалась у нас длинная материя — любимая моего доброго Василия Ивановича. Я сообщил ему читанное, и он во многом был согласен с Тиком, радовался о столкновении своих мыслей об том предмете с мыслями знаменитого автора. Много хорошего говорил он об искусствах и я, признаюсь, с искренним сожалением упрекнул его — зачем он не пишет об искусствах?! Задел я его за живое этим вопросом, или лучше требованием, но к большому сожалению увидел я, что обстоя-

тельства жизни, обязанности по службе, неудовольствия и нападки наших критиков останавливают и подавляют это желание. А жаль, ибо, если бы мог кто-либо подарить русских сочинением, то именно этот благонамеренный и многосведущий по этой части человек[154]. Хотя неохотно, однако же соглашаюсь, что обстоятельства и пошлые критики людей, не смыслящих и дерзко выдающих себя за знатоков и судей искусства, могут поколебать часто твердое и благое намерение написать что-либо о любимом предмете. Наши литераторы и критики не терпят никакого процесса или развития идеи. Им подавай готовое, целое и совершенное. В противном случае задавят и убьют развивающееся дарование своими нелепыми и обидными критиками. Не имея истинной любви к таланту, они, видя его слабые попытки, не поддержат его и не поощрят его силы длительным одобрением и похвалою, а тотчас неопытность его принимают за бездарность, с пошлыми выходками против слабостей и несовершенств оскорбляют и заставляют новый талант, не доверяя своим силам или просто избегая больших неприятностей, удалиться со сцены. Еще бы ничего, если бы в таком роде страдало одно творение, а то ведь нет, сама личность его разделяет равную участь. Его не спасет здесь доброта душевная, желание быть полезным или просто принести удовольствие читателю, его честность, благородство и другие похвальные качества. Это не искупит его от насмешек и даже некоторого презрения. Каково же это сносить человеку, пользующемуся постоянным уважением и любовию знающих его достоинства. Он согрешил и сделал преступление, если сразу не ошеломит читателя своею ученостью или силою творческого воображения. Поощрять талант труднее, нежели наслаждаться зрелыми плодами его. Но у нас, к несчастью, первое не в большой моде, а плоды мы вкушаем, не спрашивая, естественным ли ходом они созрели или вынужденным, в оранжереях. Для нас лишь бы зрелые были они, последнее даже как-то обыкновеннее у нас, оттого, что мало имеем терпения. Зато насилованные плоды и лишены той прелести

запаха и вкуса, как созревшие под благотворным влиянием солнца в стране для них родной.

Сегодня писал я свой портрет в присутствии Кандыбы. [...]

21 [*декабря*]. [...] Сильный угар причинил мне страшную головную боль. Это, однако же, не помешало мне пройти вторым разом свой портрет. При нестерпимой боли писал до сумерек. Промечал одни только пятна и прокладывал ими рисунок. Общее найдено, что скажет отделка частей?

Вечер провел я у Дементьева, и при лунном свете и морозе в 17 градусов с братом прошли мы домой.

Сегодня поутру, только что принялся я за краски, чтобы продолжать писание своего портрета, как пожар в дерев[янном] флигеле сильно встревожил меня. [...] Я писал покойно, вечером я рисовал ант[ичную] фигуру для экзамена. [...]

23 *декабря*. Начал тем, что я пошел к Григоровичу узнать от него об экзамене, когда и к какому часу нужно приготовиться с рисунком и картиной. От него пошел я в Академию, что-то особенное влекло меня обойти галерею и взглянуть иа творения великих людей. Многое приковывало мое внимание, я останавливался подле картин, статуй и эстампов, вбирал в себя красоты и при таком обозрении ощущал различные впечатления, производимые на меня сюжетами и степенью выполнения мысли и намерения художников. Сравнивал достоинства одних с другими, и каждому порознь уделял особенное внимание и признательность. В первый раз остановился я перед произведением Угрюмова и увидел массу достоинств прекрасного таланта. Состав картины, рисунок, выражения лиц и приличные движения фигур составляют половину достоинств знаменитого Угрюмова, горячо чувствующего предмет свой и обильного воображением. Краски также весьма приятны. Воздушная перспектива, кажется, не везде соблюдена, но этот недостаток, если не ошибаюсь, примечается и в лучших творениях древних, и чуть ли не новая школа обратила на него большое внимание в картинах исторических. Мне кажется, что воздушная перспектива в картин[ах] исторических начала со-

ставлять главное, или, лучше скажу, усовершенствована в новейшие времена. Следовательно, недостаток оной в картинах почтенного и памяти достойного Угрюмова был общим, как для русских, так и иностранных художников, даже, может быть, его времени [155].

24 декабр[*я*]. День чрезвычайно важный в моей жизни. Сегодня третной экзамен [156]. Много прекрасных опытов было выставлено. Толпы зрителей переходили от картины к картине, судили, рядили, замечали достоинства и недостатки по-своему. Это чрезвычайно интересно, видеть молодых художников, судящих о молодых произведениях товарищей по искусству. И я выставил свою Пузину и слышал отзывы снисходительных зрителей.

Много было хороших вещей: эскиз Скотти, изображающий Минина и граждан московских, приносящих свои имущества на жертву Отечеству, «Портрет Серебрякова» Каширина, «Суд Христа у Пилата» Пробста, «Семейство за чайным столиком» Зайцева, «Голова девочки» Зарянки, «Торговка» Михайлова и многие другие [157]. Во всех их видел я, что моей не выдержать своего характера, закрыться и уйти. С этими мыслями я ушел к Григоровичу, где был представлен инспектору [158], как своему начальнику, поздравлен, и, только утешенный тем, что я принят инспектором, я равнодушно думал об обманутой надежде получить медаль за Пузину. Пришедши домой, я рассказал о виденном брату и Кандыбе, сказал и о своем горе и сел за работу. Писал свой портрет, кое-что исправил в нем и уже успокоился, что не получу медали, как после обеда В[асилий] Ив[анович] присылает за мной человека. Я, не понимая приказа, пошел ни о чем не думая, пробежала, признаться, догадка в голове, но ветер выгонял все мои мысли и догадки. «Поздравляю вас,— было первое слово Григоровича.— Совет в одно слово присудил вам 2-ю серебряную медаль! [159]»[...]

25 дек[*абря*]. [...] Одевшись, пошел к инспектору поздравил его с праздником, от него зашел к Клодту, бранился с ним, защищая Рафаэля, которого достоинств он не признает, говоря, что

головы его мертвы, и прочие нелепости. Жаль, что человек, занимающийся сам искусством и с большим успехом, так односторонен в суждениях и не признателен таланту, какого еще природа не повторила в творениях божьих. Будучи сам лишь строгим копировщиком натуры, что составляет главное его достоинство, Клодт не допускает идеалов и вдохновений художнику, требуя от него лишь слепого подражания натуре, облекая в формы свой идеал. Если в головах Рафаэля не видит он жизни, то напрасно он будет находить у других. Впрочем, для него, может быть, недоступны чувствования более сокровенные и не для каждого ясно видимые. В выражении лица чувства страстей сильных ощутительнее для него, но ведь для этого немного надобно: каждый отличит смех от плача, да и для художника легче изобразить эти чувства, нежели чувства молитвы, благоговения, раскаяния, удивления, внутреннего трепета, участия, отвращения, гордости, восторга и тому подобные. Для этого нужно более, нежели копирование спокойных предметов и каких-либо слабых движений.

От Клодта пошел я к Пузино, и от Пузино к Луизе Леонтьевне [160], где и обедал с Иван[ом] Тимофеевичем [161]. Возвращаясь домой, я зашел к Венецианову. [...]

26 декабря. [...] К чаю подоспел Сошенко, порассказал мне кое-что, я оделся и вышел из дому идолопоклонничать [162]. Началось с бесполезного путешествия ко дворцу. Я хотел поздравить с праздником Марию Вас[ильевну] Коссовскую и побывать у великих князей [163], но присутствие там государя и императрицы с семейством попрепятствовали мне. Итак, я пошатался, распустя по воле глаза, по дворцу, был в Эрмитаже, рассмотрел несколько картин и отправился к Казадаеву. С полчаса промытарил я у старика и отправился к Тарновскому. Богач принял меня весьма вежливо и оставил обедать. За обедом и после обеда толковали о том о сем, спорили, но как спор наш похож был на войну флота с кавалерией, то и кончился ничем. [...]

27 [*декабря*]. Посещение инспектора. [...] Обедал у меня Гудима, а вечер просидел я у Григоровича, где был и ген[ерал] Сапожников [164].

28 декабря. 28 декабря оставил я частную вольную квартиру. Желал бы, чтобы это была последняя до поездки в Италию, и перебрался в Академию. Первую ночь спал чрезвычайно дурно: Кудинов вздумал давать серенаду в 3 часа ночи [165]. [...]

31 декабря. [...] Я встречаю Новый год как следует: здоров, и доволен, и непокоен насчет многого и многого. [...]

1836 ГОД

2 генваря. [...] День начался тем, что, поздравивши инспектора с Новым годом, отправился в почтамтскую церковь к обедне, где я истинно наслаждался чувством благоговения. [...] Кроме того душевного удовольствия, имел я еще другое, рассматривая прекрасные изображения разных святых сюжетов: св. муч[еницы] Екатерины, «Возвещение ангелов пастухам о рождестве Христовом», кажется, Павла Веронезе, «Рожд[ение] Спас[а]» Альбр[ехта] Дюрера и еще одна головка, похожая на Тициановых, приковала к себе мое внимание и лелеяла его чистейшим наслаждением [166] [...].

Погода была прекрасная, немного ветрено, но тепло. Зашел к Вас[илию] Иван[овичу] поздравить с праздником, но не нашел его дома. Был потом у Шебуева, у Венецианова и, возвращаясь, зашел еще раз к Вас[илию] И[вановичу]. [...] Часу в 8-м пошел на вечер к Вас[илию] Ивановичу. Гостиные были уже полны. [...] Изредка раздавались звуки фортепьяно и опять умолкали [167]. [...] Маленькая кучка стояла возле стола, рассматривая внимательно рисунок К. Брюллова «Портрет моряка Корнилова», и разбирала достоинства мастера [168]. Одни восхищались чудесным дарова-

нием, другие требовали тщательной отделки как главного в искусствах изображения. Каждый по-своему был прав и не прав, и все вместе были заняты приятно. Во всем обществе царствовало удовольствие и веселие [...].

2 генваря. [...] Писал свой портрет [169]. Вечер провел у Крашенинниковых и Шержинского.

3 генв[аря]. Поутру отправился к Галаганше. Урока не было по причине болезни сына [170]. От нее пошел я к Башилову [171]. [...] вечер провел у Краевского. Там было довольно молодежи, был и Гоголь, всякую всячину рассказывал, множество анекдотов, очень замысловатых [172] [...].

4 генваря. Поутру писал мисс Потс, обедал у Башилова, где дал и урок.

5 генваря. Урок у Башилова [...], вечер провел у Венецианова.

6 генваря. Поутру писал мисс Потс, обедал у m-me Galagan, где было много гостей. [...]

7 генваря. [...] От 10 до часу писал я м[исс] Потс. Мышки походили по портрету и испестрили фигурку, не щадя даже лица, узорчатыми пятнышками. Я кое-где посмыл, но оттого потерпело лицо, писанное вчера. Рисунок, рисунок задерживает меня, вяжет по рукам и ногам. Миленький портретец был бы, так горе же мое, что плохо нарисован [...]. После обеда [...] пошел в класс, нарисовал фигуру Германика, слава богу, идет лучше прежнего.

После класса пошел к Григоровичу, пил чай, играл в шахматы в первый раз. Потом мы стали говорить о различных сюжетах. Много прекрасного слышал я от него насчет древних великих художников и, между прочим, заимствовал от него составленное им самим определение красоты челов[еческого] тела. Он говорит: «Красота бывает тогда, когда части или формы достигают совершенного развития сообразно своему назначению». Такое определение весьма верно, когда присоединить к нему необходимое условие — гармонию в расположении оных и отношении одной к другой.

Еще рассказал он один забавный анекдот про сенатора... * однажды спросили его, зачем он не прочитывает подписываемых бумаг, он ответил: «П р о б о в а л, д а х у ж е».

8 генваря. День сей ознаменован одним ужасным происшествием: в час пополуночи зарезана сестра профессора Академии, архитектора Константина Тона. Убийца — молодой человек лет 18, итальянец Кампини, бывший ученик его. Умертвив несчастную жертву безрассудной своей любви, также найден был подле нее полумертвым. Он нанес себе рану по горлу, но не смертельную. Он остался пока жив, может быть, для того, чтобы в этом мире принять достойное наказание за злодеяние [173].

Поутру писал я мисс Потс. Исправив несколько рисунок, я прописал вторично шею, тело удовлетворяет, да чуть ли в анатомии не наврал. [...] Был в классе, после класса пошел к Клодту. Просидел у него вечер, не скажу, чтобы приятно, оттого, думаю, что недоволен был своим поведением. Зачем я не могу вести себя в гостях, как другие: я тотчас забываю, что я не между своими, даю волю своим чувствам и говорю от сердца и души, а этого ведь не любят многие. Люди не простят откровенности, они смеются, да еще прямо в глаза, считая меня таким глупым, что я то не пойму. Это печалит меня и заставляет вести себя осторожнее. [...]

9 генваря. Писал портрет м[и]сс Потс. Был в классе, вечер провел у Дементьевых. У них познакомился я с Рымаренком [174], соучеником Михайлы Тимофеевича, приехавшим сюда из Москвы. Молодой человек мне очень понравился, может быть, оттого более, что хорошо рисует и, как кажется, имеет прекрасные способности к живописи. Мне понравилось его суждение насчет Александровской колонны, и, как видно, оно есть отголосок общего мнения Москвы. Он говорит: во-первых, жаль, что вековой памятник Александру от имени России поставлен иностранцем, а

---

* *Далее не разобрано два слова.*

не русским. Как будто у нее нет своих зодчих! Во-вторых, жалеет он об том, что на колонне не означено имени Яковлева, который первый подал мысль о колонне, вырубил и доставил в Петербург и даже еще, видя непрочность лесов, советовал скрепить их железом, что и сделано, тогда как имя зодчего Монферрана, вместе с именем Александра Благословенного, достигнет позднейшего потомства. В-третьих, что равным образом справедливо, жалеет он, что ничего не значащие орнаменты пьедестала заступают место изображений незабвенных происшествий из войны [18]12-го, 13-го, 14-го годов, а именно, указывает он на сражение при Бородине, переход через Березину, вступление в Париж и Мир Европы. Если у нас не нашлись бы художники изваять картины, то превосходные медали графа Толстого в квадратной форме могли бы служить к украшению памятника благодетелю России и Европы[175].

Спасибо москвичам, у них в крови течет искренняя любовь к Отечеству и ко всему русскому. Да и когда Москва добровольно изменяла своему патриотизму?

10 генваря. Писал портрет м[и]сс Потс. Чуть было не случилось беды с моим портретом: глазок был неверно нарисован, я, желая переписать его сызнова, выскоблил. И что же — три часа кряду писал и едва-едва мог привести его в согласие с другим. [...] До 4 часов просидел за эскизом «Ярмарка». [...] Угар и вчерашняя глупость произвели ужасную головную боль.

11 генвар[я]. Это не остановило меня идти писать портрет. И, к удивлению, несмотря на головную боль, писал я очень удачно. Головка расцвела как маков цвет, явились сходство и миловидность. [...]

12 генваря. Сегодня, не взирая на ужаснейшую погоду, слякоть и дождь с ветром, отправился я на урок к Башилову. Зашел сперва к Семену Даниловичу, посидел у него полчаса и пустился на всех парусах к Таврическому саду. До 3 часов пробыл у Башилова, оттуда пошел я к Плетневу, обедал там и после обеда забрался к дамам в будуарчик и ну рисовать их портреты.

Три портреца за вечер: первый вышел не так удачен; второй — с дочечки г-на Плетнева[176] — лучше; третий — с гувернантки, Марии Яковлевны — вышел удачнее всех, милое движение и приятное сходство. В 11 часов разошлись мы и втроем, с Семеном и Николаем Даниловичами на одних санях прибыли благополучно каждый восвояси.

13 генвар[*я*]. Поутру писал портрет мисс Потс, сделал волосы и прошел все лицо. Много нахожу сходства, но все еще мало приятной жизни в портрете. Колорит весьма близок к натуре, части порознь удовлетворяют, а вместе взятые не составляют физиономии целого. Мисс была сегодня очень мила, в ее лице и в манере есть много сходства с Амалией. Эта англичанка, блондинка с голубыми глазами, а та — русская немочка, рожденная под теплым небом Малороссии,— брюнетка, с черными, как ночь, глазами. В окладе лица и в форме рта большое сходство, фигура также напоминает что-то знакомое [...].

Вечером, после класса, пришел ко мне Плахов в своем фантастическом костюме[177]. Каширин и Сошенко. Мы пили чай, говорили о живописи, о художниках, читали Тика и кончили догадками насчет смерти сестры Тона.

Когда они ушли, я чертил свою «Ярмарку». [...]

14 генваря. Поутру, как водится уже несколько дней сряду, я писал портрет м[ис]с Эмилии [Фоминичны], или, что я говорю, был на уроках. [...] Вечером, пришедши из класса, чертил «Рынок».

15 генваря. Писал портрет. Все идет очень удачно, пока не знаю, чем кончится. В классе встретился с художником Будкиным[178], зазвал его к себе. [...] Он пошел домой, я — к Плетневу. Там застал я Пушкина, Грановского, Арсеньева и Теплякова[179]. Пушкин сперва не узнал меня, потом, вглядевшись пристальнее, пожал мне приветливо руку и тем порадовал меня. Как бы то ни было, пожатие руки гениального человека приятно. Я порисовал немного, поисправил портретцы, рисованные в воскресенье. Вот уже несколько дней сряду я исполняю правило Ти-

циана, который высказал: nulla dies sine linia *, дай бог, чтобы это продолжалось всегда, тогда не буду жаловаться на рисунок, который так меня затрудняет.

На дворе сильный морской ветер, на Неве поднят мост, ветер усиливается, и на Адмиралтействе выброшены фонари. [...]

16 генв[*аря*]. Целый день просидел дома, чертил «Рынок» для Николая Даниловича Шержиского.

17 генв[*аря*]. Урочный день. Поутру был у Ник[олая] Даниловича, снес ему рисунок, и он был весьма доволен. Вечером, после класса, пошел к Григоровичу, долго просидел у него. Он показывал мне множество прекрасных эстампов, гравированных первейшими мастерами за сто и более лет тому назад. К слову рассказал он прекрасный анекдот про Рафаэля. Когда тот написал для одного монастыря за условленную цену, 90 скуди, то монахи, не будучи вполне довольны работою и потому желая купить картину ту дешевле, пригласили Микеланджело оценить произведение. Сей, будучи соперником божественного Рафаэля, рассматривая картину, сказал, обводя пальцем колено: «Смотрите, одно колено стоит 90 скуди, а все прочее имеете даром!»

Получил письмо от дяди Василия Александровича.

18 генваря. Писал портрет м[исс] П[отс], прошел платье и кое-где исправил рисунок, но все-таки, о сю пору неверен. Дал урок у Башилова. [...]

19 генваря. Воскресный день, но я не избавлен от труда и забот: должен тащиться к Таврическому саду на урок к Башилову. [...] А тут еще недостаток в деньгах, что даже не на что хлеба купить. [...]

Вечером был у Алексея Гавриловича. Скучаю, очень скучаю — чем? А всем.

20 генв[*аря*]. Поутру писал м[исс] П[отс]. Мало что осталось кончить. Был в классе, из класса пошел к барону Клодту, где был Константин Иванович[180]. [...]

---

* Ни одного дня без черточки (*лат.*).

21 г[*енваря*]. Писал портр[ет] и давал урок. Был в классе. [...].

22 г[*енваря*]. Писал портр[ет], был в классе и после класса у Плетнева.

23 г[*енваря*]. Писал портр[ет], почти кончил. Копаясь подле головки, чуть было не испортил, да вовремя оставил и взял его к себе домой. Поработаю еще денечек у себя на квартире, а то ведь там не дают кончить, развлекут внимание и неуместными и нелепыми замечаниями будут надоедать.

После класса был у меня Плахов и Вишневецкий [181]. Посидев с ними, я отправился к Алексею Гавриловичу Венецианову. Сегодня день рождения Фелицаты.

25 [*генваря*]. [...] Поутру, или, лучше сказать, с утра до вечера писал я портретец м[исс] П[отс]. После обеда проездил напрасно к Башилову, дети у него заболели корью. [...]

26 генв[*аря*]. Много дней насчитал я уже в новом году, да много ли дела наделал? В страничках только отмечал дни, что были, да прошли. Вот о сю пору пачкаюсь с портретцем м[и]сс П[о]тс: маленький, да затейливый. Не скоро с ним сладишь, особливо с моей кропотливостью. Целый день сегодня прописал, а посмотришь — ничего путного не сделал. Начну ли я когда-нибудь трудиться? Не далось мне это искусство, все как бы полегче что. Сердит я на себя [...]. Нет, Аполлон, подумай и присмотри за собой построже... [...]

27 генваря. Много ли пользы извлек я из вчерашних рассуждений, увидим. Утро писал я последнее — портр[ет] м[и]сс [Потс] и кончил. Слава богу! Часу в третьем пришел ко мне Семен Данилович, потом Иван Тимофеевич и Плахов. Последний обедал со мной, после обеда я пошел прогуляться. [...] Зашел к Тыранову. [...]. Я пошел в класс, с удовольствием рисовал своего бойца, но, не зная анатомии, бился над изобр[ажением] мудреного торса. Пришедши из класса, застал у себя Плахова. Он сидел уже на диване и курил трубку: проворный малый. [...] После чаю прочел я своему пламенному товарищу повесть Брамбеуса «Любовь и смерть», и она так сильно подействовала на

воображение художника, что он боялся идти домой и просился переночевать у меня — и вот он уже забылся сном, а я опаздываю над своим журналом. [...]

29 генвар[*я*]. Желание доставить удовольствие милой м[и]сс П[отс], а также для собственного удовлетворения, я придумал еще прибавить к портретцу рабочий столик и для этого достал у супруги инспектора прекрасную мебель. Но за это одолжение должен буду написать с нее портрет, так пришлось к слову. [...] Итак, целое утро прописал я столичек, наврал много и завтра только думаю совершенно кончить. Уж так и быть, еще денечек пожертвую для милой британочки.

После класса чертил кости с анатомии. Нарисовал профилек Плахова, довольно удачно. Как я рад, что опять привязал к себе этого неугомонного художника.

30 генваря. Поутру кончил я портретец мисс Эмилии, понес его к инспекторше. Она очень довольна была, просила и впредь адресоваться в случае нужды в чем-либо. И Василий Иванович был им очень доволен, особливо нашел он, что бюстик ее написан всего милее. Ох, не тешит меня, что мило, хотелось бы хорошо. Буду ли я так счастлив когда, что сам буду глядеть на свое произведение с удовольствием, то есть чтобы оно удовлетворяло меня именно столько, чтобы сколько я предполагал. Чтобы мысль и намерение вполне удовлетворяли.

30 число генваря 1836 года ознаменовано для меня чрезвычайным известием. В[асилий] И[ванович] сообщил мне об открытии, сделанном Гершелем на Луне. Сей великий муж воспользовался усовершенствованием микроскопа и приноровил оный к своему телескопу, превосходящему Дерптский в несколько раз, и объявив свою мысль и намерение королю, просил его помочь ему средствами и отправился на мыс Доброй Надежды под видом наблюдения прохождения Меркурия. Там он приступил к наблюдению Луны и, о счастие, изумлен был увидеть на ней горы, воды, животных и растения. С благоговейным трепетом пал он ниц! Он увидел существа совершенно человеческого вида. О чудо,

они не ходят, как мы, но летают посредством тонких перепонок, идущих от рук к ногам (соединяющих ноги с руками). Этих чудных существ видел он слетавших со скалы в воду, где они, поплавав, выходили и садились на зеленый луг. и, вероятно, беседовали, что показывали они движениями рук и голов, сопровождающими обыкновенно разговор. Наружная оболочка не усмотрена, еще не определена, какого она вида, но по некоторым признакам, облечены они в перья или шерсть, но не нагие. Другие животные также были замечены, и все они двуногие. Животные, похожие на наших бобров, длиннее наших. У них дома правильные и покрыты тщательно. По дыму, выходящему из них, они должны отапливаться [182].

2 февраля. [...] Сегодня началась масленая ужасным происшествием: сгорел Леманов балаган во время самого представления. Множество несчастных жертв устлали обгорелыми трупами своими позорище. Завтра узнаем об этом подробнее [183].

Утро провел я у Башилова, вечер у Алексея Гавриловича. Там был и Виктор Андреевич, который и ночует у меня.

3 февраля. Утро прорисовал я в классе. С каким удовольствием провел я время с Аполлино, рисуя, наслаждался красотами форм его, повторяя их в душе своей, и слабыми силами старался изобразить их на бумаге. Вечером, после класса, был у меня Ал[ександр] Крашенинников, сообщил некоторые подробности о вчерашнем приключении. [...] После того, оставшись с Плаховым, мы читали о художествах [...].

4 февраля. День урочный. [...] После класса и после чаю провел вечер у Шержинского весьма приятно. Там была кадриль художников: Плахов, Тыранов, Вишневецкий и я [..].

5 февраля. Поутру рисовал я своего Аполлино [...]. Вечером, после класса, пошел к Плетневу. Там был Никитенко с женой [184], Гоголь, Краевский, Семен Данилович *, Прокопович и Тепляков. Последний много рассказывал про свой вояж в Грецию и,

---

* *Далее зачеркнуто:* Краевский.

между прочим, много анекдотов, довольно смешных. [...]

6 февр[*аля*]. [...] Поутру собрался рисовать в классе, но нестерпимый холод не давал мне ничем заняться. Итак, часов пять бродил я по галереям, рассматривал картины и статуи. [...]

Феврал[*я*]. *7*. День начал я поездкой к Кукольнику. Он желает, чтобы я написал портрет его братьев [185]. Был у Григоровича [...]

Февраля 18. Десять или более дней не писал я в моем журнале [...]. Насколько помню, то, кроме удовольствия видеть Сашу [186], все прочее меня чрезвычайно беспокоило [...]. Но все это суетное, человеческое. [...] Я здоров, главное шло своим чередом: я начал портрет Кукольника довольно удачно, дела мои по урокам обделались по моему желанию, то есть вышло само собой, что я оставляю без сожаления это пустое занятие и буду заниматься по желанию. Сегодня на уроке у Галаганши предпоследний раз, у Шевича — тоже близко к концу.

19 февр[*аля*]. Поутру отправились мы к графине [187]. [...]. Графиня приняла нас весьма ласково, поговорив с нами, послала смотреть картины. И подлинно, много прекрасных вещей увидел я у нее. Потом, оборотясь ко мне, спрашивала, где я нахожусь, и узнав, что в Ак[адемии] ху[дожеств], обещала поволочиться за Олениным [188] и просить его не оставлять меня своим вниманием. Подписала письмо к Гаевскому, приказала мне принести свои работы и простилась с нами. Пошли мы, обласканные ее сият[ельством], [...] я зашел к Кукольнику. От него побрели мы в Мед[ицинский] деп[артамент], оттуда — домой. [...]

20 февраля. Я у Кукольника, брат — у Тарасова [189]. Моя работа шла успешно, брат же попусту проходился. [...]

21 февраля — 26-го. 21? Нет, пять дней сряду я ни строки не отметил в своем журнале. В это время мы побывали в концерте и у графини, я писал своего Кукольника. Не знаю, каков будет конец, начал же порядочно. Вчера был я у Клодта, брат у графини на вечере. Утро же прописал я Кукольника. Сегодня поутру писал я Валмусова [190]. Иван Иванович Булич [191] и Сем[ен]

Дан[илович] Шерж[инский] были у меня поутру. Вечером же после класса и урока у Греча[192] пошли мы с Александром к Сем[ену] Дан[иловичу], где был Плахов и Вишневецкий. [...]

28 фе[враля]. Вчера за усталостию я поленился писать в своем журнале. Отчего ж я так устал? А вот отчего: с утра до вечера писал я Кукольника и кончил. Братья его и жена[193] очень довольны портретом. Я же, откровенно говоря, мало сам доволен, хотя вижу в нем лучшую из своих работ на счет выполнения натуры. Но еще далеко до цели, есть части плохие, и привязка частей мало меня удовлетворяет. [...]

Сегодня писал я Валмусова, [...] был в классе. После класса с Кашириным ушел к Тыранову. Он пишет портрет Плетнева. И вот из любопытства видеть так много хвалимый портрет я отправился к нему. И действительно, много хорошего в нем, но я не вполне доволен им. Во-первых — это не Плетнев, во-вторых — широк, плотен и чересчур мягок, пухляв[194]. Мы много говорили, да мало пользы извлекли, сколько вижу. Самолюбие и самонадеянность не дают им ходу, они отвергают, что должно учиться и что древние картины могут руководить. На них можно смотреть от скуки, говорят они. Жалкие люди!

29 февра[ля]. [...] Был в Эрмитаже, у Ладурнера[195], обедал дома. После обеда напал на одного пламенного художника, который сказал, что Мурильо — [...]. Л[авр] Кузьм[ич] П л а х о в. Я со временем спрошу его опять, авось он переменит свое мнение насчет великих людей, признает свое ничтожество перед ними. [...]

1 марта. Утро в Эрмитаже и у Таннера. Прелестная его живопись очень понравилась Саше, мне же он показался слишком манерен. Видно в нем большое дарование, но путь его не ведет к истине, примечаемой у Клода Лоррена и Вернета. Много милого, как у француза, но правды и школы не видно. Вода и воздух — очень прозрачны, это правда, но однообразие в повторении одного и того же в разных картинах показывает: не столько уважает натуру, сколько принятый манер, способный нравиться.

Из Эрмитажа пошел я на урок к Башилову. После обеда отправился домой и по дороге завернул к Тарн[овскому] за книгой. Его не было дома, однако же я пробрался в покои, хотел взять книгу и пошел в зал. В сумерках я не распознал лица женщины, медленно шедшей мне навстречу. Это была Эмилия Васильевна Тарновская. Как она обрадовалась, увидев меня. Мне самому было чрезвычайно приятно увидеть ее оправившейся после болезни, причиненной печалью о потере матери [196]. Мы пошли в гостиную, сели на диван и говорили с час. [...] Она, бедняжка, так была рада видеть своего земляка и человека, знавшего ее родных [...].

[...] Еще я забыл, что в Эрмитаже сошлись мы с великими князьями [197]. [...]

2 *марта.* В понедельник преприятно провел я время в классе — рисовал Фауна. Вторник, 3-го, писал Валмусова. 4-го, среда. Утро, чертил Рафаэля, вечером был в классе. После класса — у Григоровича.

5 *марта.* Писал и кончил Валмусова. Получил от Кукольника 100 рублей [198]. [...] Был у Плюшара, любовался его прекрасными портретами [199]. [...]

7 *марта.* Поутру писал Сашу. Переписал голову, начатую еще в Малороссии. Потом отправился к Плюшару, показывал ему Пузино. Он был так добр, что сделал мне справедливое замечание и потом, взявши кисть, притер ручку *... кистью и привел ее в прекрасный тон. Его работы прекрасны, а советы полезны. [...]

9 *марта.* Вчера было воскресенье. День начался с того, что мы с Александром отправились в Румянцевский музеум смотреть статую Кановы. Статуя «Гения Мира» — изящество форм, постановка и нежное выражение мысли с тонкостию обработки составляют достоинство этого прекрасного произведения Кановы

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

В правой руке держит он масличную ветвь, бронзовую золоченую, а в левой — жезл с коронкою [200].

Из музеума пошел я к Тарновскому, пробыл там полчаса, Эмилии не видал. Учил у Башилова. [...] У меня был Виктор Андреевич. Сегодня поутру писал Сашу, сделал эскиз Петра Велик[ого], рисовал в классе. Вечером был у Алексея Гавриловича, обедал у Григоровича. [...]

12 [*марта*]. [...] Утро провел я в Г[осударевой] галерее и у Пузино. В галерею ходил поклоняться великим творениям гениев. У Пузино взял «Джулио Мости». [...] Я один остался читать своего «Джулио Мости». Восхищался. Доминикано пленил меня своей непорочностью развивающегося гения [201]. [...]

13 марта. Чтение было прервано приходом Муравьева. Как-то на вечере у Гребенки познакомился я с ним и еще с двумя образованными молодыми людьми: Ершовым и Бенедиктовым, два поэта — новое явление 34-го и 35-го годов [202]. Муравьев пригласил меня к себе на вечер, обещал доставить гостям своим удовольствие прекрасного рода — угостить их музыкой. В 8 часов вечера отправились мы с Гребенкой и застали там m-e Simon [203], известного гитариста и артиста-слепца, он слеп от рождения. Общество состояло из трех дам, родственниц хозяина, помянутых артистов и нас двух. Душою общества был Симон. Этот божий человек неутомимо занимал нас игрой то на арфе, то на клавикордах, то на гитаре. Пел, трубил, барабанил, бил в тубик, словом, представлял собою живой оркестр военной, театральной и духовной музыки (церковной). [...] До трех часов пробыли мы у Муравьева. Последняя беседа была об искусствах. [...]

14 марта. Сперва вчерашний день хоть вкратце опишу. [...] Кое-что помарал в картинке, представляющей хижину Петра в Саардаме [...], читал «Джулио Мости» [...]. Принимался за портрет Саши, но приход Семена Даниловича помешал мне продолжать начатое. Я писал безуспешно, нагадил и потом все смарал. Вечером был у Григоровича, у Гребенки, у Дементьева. [...].

16 март[а]. Вчера был день рождения и именин моего крестника Александра [204]. День начался приготовлением к писанию Петра. Я начертил фигуру мелом, понес его к Вас[илию] Ивановичу. Он побранил меня порядочно за торопливость мою начать писать, не вырисовав хорошенько. Я пришел домой, и ну выискивать погрешности, поправлять. Бился, таким образом, часа три. День был пасмурный, дождь и снег с ветром целое утро валились с неба. В комнате темно, фигура не ладится, писать не позволяют. Бросил я работу. [...] После обеда вскоре пришел к нам Гудима, Гребенка и Филипсон [205]. Итак, вокруг самовара образовалась группочка довольно тесная и по помещению и по чувствам. [...]

16 март[а]. Сегодня же, пописав Сашу, отправился я к Григоровичу, получил разрешение писать Петра. Пошел в галерею, промерз там за Германиком часа с полтора. [...]

17 марта. Утро целое прописал головку Петра, [...]. После класса был у Венецианова. Поздно вечером от него возвратился. [...]

18 марта. Поутру писал Петра с натурщика Федора. Сей милый муж служил болваном сюртука для шкиперского костюма оного великого мужа. [...]

21 марта. [...]. Поутру был я в классе, повесил своего Германика на снурок, потом пошел к Кукольнику, взял у него портрет и, принесши домой, показал его Василию Ивановичу. [...] Василий Иванович похвалил, побранил и кое-что посулил насчет житья-бытья моего. Было говорено, хоть вскользь, о помещении меня подле Брюллова [206]. Кабы то сбылось! Потом был у меня Алексей Гаврилович, и тот нашел, за что побранить. Нашел во мне какое-то ревалите с Вандиком. Ишь ты! Да жаль, что невпопад. У меня так и оба на уме, пусть себе, что хотят — говорят, а я от своего не откажусь. И чужих слушаю и своего разума держусь; [...].

23 марта. Вчерашний день, то есть 22 марта, тронулась Нева. Это было около 3 часов. Мы с Сашей были дома, я писал его портрет. Обедали у Венецианова, после обеда ходили смотреть Неву

Вечер провел я у Венецианова же. Сегодня [...] писал брату, вечер провел у Клодта. [...]

26 [*марта*]. [...] Вечер провел у Гоголя. Сегодня у нас книжный день, я получил две книги в подарок, одну от Муравьева, другую — от Гребенки, купил «Час благоговения» и «Песнь о Колоколе»[207]. [...].

8 *апреля.* Саша уехал из Петербурга. Это было в среду, в 10 часов

17 *апреля.* 9 дней прошло, и я ни слова не внес в свой журнал. [...] простуда промучила меня целую неделю, но во время болезни я кончил своего Петра, хоть тяжело было писать. [...] кончил 15 числа, 16-го отнес к Жуковскому[208]. Сделал он некоторые замечания насчет перспективы, однако же взялся представить наследнику. Сегодня решится судьба моя, примет — хорошо, не примет — сбудем ее в другие руки. Такой сюжет не застоится. Утро просидел я в галерее. [...] Вечером был у Краевского, а propos *, хотя и не к слову: вчера, у Крашенинникова, познакомился я с Кольцовым, новым поэтом, подающим большие нам надежды. [...] [209].

27 *мая. Среда.* 24 числа началась для меня новая жизнь: я переехал на дачу, т[о] е[сть] в квартиру Вас[илия] Ивановича Григоровича. Как я благодарен этому добрейшему человеку! Позволив жить в своей квартире, он на целое лето избавил меня от несносного положения, в каком я находился на своей. Здесь же, напротив, я имею все выгоды: прекрасную комнату, меблированн[ую] лучшим образом, снабженную многими хорошими образцами по части живописи и скульптуры. Вид из моего окна — против сфинксов, свету — лава, тишина, спокойствие, удобство, одним словом, все располагает и способствует к порядку идей и мыслей. Занятие мое идет успешно. Я встаю рано, целый день проходит в деле самом приятном: читаю, рисую, пишу, гляжу на эстампы — времени как будто прибавилось, успеваешь за-

* Кстати *(франц.)*.

няться многим[210]. Спасибо Василию Ивановичу! Эта неделя прошла с наибольшим успехом: я кончил портретец Свечина, пописал немного своего «Разносчика», нарисовал на камне Кольцова[211] и только хочется написать Глинку, кончить «Разносчика», а потом примусь за приготовление к сентябрю. Думаю написать детей Греча, четыре головки, и, может быть, м[ис]с Муррей, видаю ее частенько, милочку. А также думаю написать Кукольника и Базили, не знаю, как удастся, если не разъедутся по дачам, то постараюсь уломать их.

Вчера был я у Бенедиктова. Полюбил душевно я этого человека, с прекрасным сердцем и возвышенной душою. Молодой человек Ершов и Григорьев[212] были у него, но недолго.

Сегодня я имел удовольствие видеть нашего великого Брюллова, жаль, что мельком. Впрочем, хорошего понемногу, особливо на первый раз. Выходя из ворот Академии, я повстречал двух мужчин, закутанных в плащи. Физиономия одного меня чрезвычайно заинтересовала. Я воротился и спросил у подворотника: «Кто эти господа?» И он, в один такт с моим сердцем, отвечал: «Это А. Брюллов с братом, приехавшим из Италии»[213].

28 мая. Поутру был у Тюнева в литографии. От него пошел к Глинке, написал головку. Отправился к Будкину, но, не застав его дома, с досадою воротился домой. [...]

Вечером был у Крашенинникова, у Виктора Андреевича. Не застав их дома, отправился к Гоголю. Человек восемь гостей. Есипов[214] занимал нас своими рассказами про вояж в чужих краях. [...]

31 мая. Вчера, 30 мая проводил я, или, лучше скажу, простился со Свечиным, который отправился за границу, в Зальцбруннен. [...] Пришел домой, написал в картинку виноград. [...] Рано проснулись мы сегодня, [...] я, пошатавшись по галереям, присел поработать в картинке — довольно уже! Кончил, кажется, хотя коегде и надо бы пописать еще. [...]

4 июня. 2 числа вечером были у меня Бенедиктов, Гребенка, Виктор Андреевич и Плахов.

Vor Mittag erfuhr ich unerwartet, daß Plachoff nach Ausland reist. Ich ging zu ihm, er begegnete mich freundschaftlich, drückte mir die Hand und bewegt erzählte mir, wie es unverhofft geschah. Ein reicher Mann,— sagte er,— liegt ihm durch Precot seinen Wunsch eraußern, das er ihn nach Ausland schicke, das er, wenn er will, kann Morgen schon mit ersten Dampfmaschine absegeln, ein unerwarteter Zufall, der mich mit ihm trennt, rührte mich tief[215], ich konnte mich kaum von Tränen erhalten. Plachoff war auch sehr gerührt. Plötzlich brach er aus, nährte sich zu mir und umarmte mich, wir hielten uns fest einander in Arme geschlossen. Und süßten Tränen der Freundschaft unterbrachen unsere Worte, die frei aus dem Herzen kamen. Zwei Brüder könnten nicht inniger weinen, wie wir in diesen Augenblick. Nie hab ich solche süße Tränen geweint. Nur in den Augenblick erfuhr ich, wie ich ihm liebe und wie schwer war die Trennung mit ihm. Gebe Gott, daß auf ewig wir so ein Brüdern bleiben, wie zu der seligen Stunde! [...]

10 июня. Diese Tage hatte ich viele angenehme Stunden gehabt. Zweimal war ich im Katarinhoff bei Kireeff. Dieser gute Mann machte mir den Vorschlag, seine Frau zeichnen zu lernen. Seine Schwägerin, eine recht hübsche Person, eine brünette mit blauen Augen, hat vieles von Вера Вишневская, aber Züge sind feiner, als der jüngeren. Hübsch [gebaut] und ihr ganzes Wesen ist überhaupt sehr delicat man verspricht mir sie malen zu lassen[216][...] Alles, was in diesen Tagen mit mir geschah, war mit einem Gedanken begleitet, nähmlich, mit dem Wunsch Miss Murrey zu malen. Zwei Jahre hagte ich diesen Wunsch[...]. Da ich auf jedem Ort und Stelle nach ihr dachte und von ihr oft sprach, so außerte ich Mal meinen Wunsch vor M-me Gretsch[217], sagte ich, aber das es keine Möglichkeit wäre, es zu erlangen und: «Warum, — fragte sie teilnehmend,— in diesem Fall kann ich ihnen meinen Beistand versprechen». Ich stand vor ihr, wie von Donner geschlagen, solche Glück hab ich mir nie träumen können! Nach einigen Tagen kam ich zu ihr wieder, und... muste meine Freude aus ihrem Mund

hören «Es ist erlaubt. Ich gratuliere Ihnen, A. H.!» Ich fasste mich zusammen, verbarg meine rasende Freude.[...] Den 8-ten ging ich zu Ihr. Machte meine Bekanntschaft und sah also aus in Augen, die, die ich blos im Vorbeigehen nicht ohne Schau erblicken dürfte.

14 июня. Den 9, 10, 11 und heute, die 14.— war ich bei miss Мvppeй. ihre Schönheit entwickelt sich mehr und mehr von meiner Augen. die Arbeit geht langsam, aber nicht ohne Vorschritt. Den 12. malte ich die Kinder [218] bei Gretsch...

Den 11-ten Juni war bei uns ein großes Fest fur Brülloff [219]. Der Große wurde wie einer Pracht und Triumpf empfangen. Das Zeremonial fing sich so: die Mitglieder der Academie [ver] sammelten sich in dem runden Saal, wo Kaiser...* zu Pferd steht, als Brülloff in Begleitung des Presidenten in den Saal kam, so empfing ihn Grigorowitsch mit einer kurzer Rede**,

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

** Перед обедом узнал я неожиданно, что Плахов едет за границу. Я отправился к нему, он привстливо встретил меня, пожал мне руку и начал рассказывать, как это неожиданно случилось. Один богатый человек, сказал он, выразил ему свое желание послать его за границу, что он, если он хочет, может уехать уже завтра, с первым пароходом. Неожиданный случай, который меня с ним разлучает, глубоко опечалил меня, я едва мог удержаться от слез. Плахов также был очень опечален. Вдруг он расплакался, подошел ко мне, обнял меня. Мы заключили друг друга в крепкие объятия И сладкие слезы дружбы подчеркнули наши слова, которые свободно лились из сердец. Два брата не могли бы искреннее плакать, чем мы в этот момент. Никогда я не плакал такими сладкими слезами. Только в это мгновение я узнал, как я его люблю и как тяжела мне разлука с ним. Дай боже, чтобы мы навсегда остались друг для друга тем же, что в этот святой миг! [...]
10 июня. В этот день у меня было много приятного. Во второй раз был я в Екатерининском дворце у Киреева. Этот добрый человек сделал мне предложение учить его жену рисованию. Его невестка, довольно симпатичная, брюнетка с голубыми глазами, в ней много от Веры Вишневской, но черты тоньше, чем у более молоденькой.

содержание которой было цель, для коей собрались сюда члены После приветствия подходили к Брюллову старшие из них и с распростертыми объятиями поручали себя его дружбе. Я, вошедши сюда не по праву, взглянул на него и тотчас удалился в Античную галерею, где были собраны воспитанники. Когда вошел он в галерею, заиграла музыка (пенсионер Кудинов), начали петь куплеты, соч[инение] воспит[анника] Норева [220]. Я не сводил с него глаз и с жадностью ловил его взгляды. Он стоял неподвижно, наклонив немного свою прекрасную голову. В глазах у него блистал тихий восторг, и торжественная улыбка, оковавшая его уста, придавала лицу его невыразимую приятность. Он пожинал заслуженные лавры! По окончании пения куплетов громкое «Ура! Да здравствует Брюллов!» сопровождали его до залы, где был приготовлен завтрак. Здесь встретила его военная музыка. Тор-

---

Прекрасно сложена, вообще же ее облик очень утончен, мне обещали позволить ее написать. [...] Все, что случилось со мной в эти дни, сопровождалось мыслью написать мисс Муррей. Два года томлюсь я этим желанием [...]. Так как я в любом месте всегда думал о ней и часто говорил о ней, то высказал я свое желание m-me Греч, добавив, что не имею никакого пути его осуществить и: «Почему? — сказала она участливо,— в таком случае я могу вам помочь!» Я стоял перед нею, как громом пораженный, о таком счастье я мог только мечтать. Через несколько дней я снова пришел к ней, и... услышал радостную весть из ее уст: «Это устроено. Я поздравляю вас, А. Н.!» Я сдержался, скрыл свою огромную радость. [...] 8-го я пошел к ней. Мое знакомство. Я видел ее, ту, которую я видел только мельком.
14 июня. 9, 10, 11 и сегодня, 14 — был у мисс Муррей, ее красота кажется мне все совершеннее, работа идет медленно, однако не без успеха.
12-го писал детей Греч, 11 июня у нас был большой праздник в честь Брюллова. Великий был принят с триумфом и великолепием. Церемония началась так: члены Академии собрались в круглом зале, где стоит конная статуя царя. Когда Брюллов в сопровождении президента вошел в зал, к нему обратился Григорович с короткой речью *(нем.)*.

жественный марш потрясал стены здания, бывшего колыбелью его таланта. Сели за обеденный стол, музыка не умолкала.[...] Брюллов предложил тосты за своих наставников: Иванова, Шебуева и Егорова [221]. Василий Иванович Григорович прочитал высочайше утвержденное предложение членов Академии учредить общество, или, лучше сказать, подписку в пользу вдов и сирот художников. Все приняли это с восторгом, и новый тост за здравие учредителей был принят единодушно. Тотчас же после стола начали подписку, и в одно мгновение белые страницы книги были испещрены именами благотворителей. Брюллов подписал картиной! [222]

Не успел он положить перо, как присутствующие схватили его на руки, подняли высоко и с громким «Ура!» понесли к «Помпее». Поставивши на ноги, передавали его друг другу в объятия. Шум, хохот, звуки музыки — все это сливалось в очаровательную гармонию. Недоставало только венка, но и эта счастливая мысль блеснула в уме профессора Иванова, его наставника, он сплел венок из мирт, лавров и других цветов, к неожиданной радости всех — возложил ему на голову. Эта уместная шутка имеет прекрасное значение: прикосновением живого венка предсказано обладание венком бессмертия. (Но Брюллов, сняв со своей головы венок, надел его на голову Иванова, сказавши: «Вот кому следует венок!»)

2. День торжества Брюллова был и для меня не менее торжественный: в оный положено прекрасное основание будущей судьбе моей. Вот как это было. Я был личным свидетелем этого праздника. Не простое любопытство привело и меня в зал, где я, не будучи членом Ак[адемии], присутствовать не мог. Непреодолимое желание, напряжение всех чувств влекли меня против воли к человеку, которого ждала моя душа, взволнованная немым восторгом при взгляде на исполинское творение. Образ того человека, так величественно глядящий в картине, неотступно пребывал со мною. В чертах лица, одетых глубокою мыслию, во взоре, так смело и горделиво вперенном на разрушение

природы, читал я возвышенную душу и чистое сердце, и при таком таланте? О, жалкий тот человек, кто не разделил со мною чувств моих!

Тысячи путей ведут к одной цели — славе. Науки и художества занимают здесь главное место. Люди, опередившие нас в этом стремлении, неоспоримо имеют [право] на наше особенное уважение, тем более те, которые от всещедрой природы одарены быстрым полетом, тем блестящим дарованием, что мы называем гениальностью.

Я занимаюсь живописью, люблю мое искусство выше всего в мире, высоко чту память великих мужей, явивших чудеса в искусстве, поклоняюсь их бессмертным творениям и с благоговейным трепетом прохожу мимо хранилищ их — отчего? Почему я так высоко их уважаю — не знаю. Не мое дело и знать это.

Пораженный картиною «Последний день Помпеи», я жаждал видеть творца оной, но здесь было не простое любопытство, нет. Мне сердце указывало наставника: вот он, Великий, посмотри, какой в нем дух, какие чувства — сказало и заключило в себе благородный образ его. Часто приходил я к картине вопрошать, скоро ли приедет творец ее, но она теми же ужасами и воплями отвечала мне невнятные слова.

Наконец, прибыл он, и звук славы потрясает колыбель его таланта!

Я не был покоен, целое утро того дня не мог я ничем заняться. Мне было и весело, и скучно, думал об нем, но не мог постоянно иметь его в мыслях. Молчал, проходил без внимания мимо останавливающих меня, одним словом, чрезвычайно неловким чувствовал себя я весь этот день.

Когда начался праздник, я с сжатым сердцем стоял и смотрел рассеянно в зале. Когда вошел он, я взглянул на него пристально, узнал и полюбил. Кровь быстро пробежала по жилам, сердце забилось сильнее, и на глаза навернулись слезы!

Товарищ юный, если ты не разделял со мною чувств моих и хладнокровно смотрел на него, подстрекаемый одним любопытством,

то жаль мне тебя. Ты будешь славен и богат, но великим ты не будешь никогда.

День торжества Брюллова был и для меня счастли[вейшим] днем в жизни, в этот день положено осно[вание] моей будущности.

10 июля. Schwer und schwerer wird mir auf dem Herzen, weil bis jetzt stehen meine Beschäftigung sehr schlecht. Heute ist bei uns wieder Mittag für Bruni[223], ich war in den Saal, wo er aufgenommen wurde. Brülloff und Horace Vernet[224] waren auch dazu eingeladen. Nach Mittag gingen wir alle zu Kukolnik; wo Musicus Glinka, Петров und Воробьева schon waren[225]. Der Abend verging in vollen Vergnügung, die diesen Artisten entzückten vor Gesellschaft, welcher * в непритворной радости единодушно превозносило похвалами таланты, украшающие сцену театров наших и делающих честь Отечеству. В тот вечер под одним из потолков частного дома собралось человек семнадцать людей более или менее известных в Европе. Приятно было видеть, как люди с талантами почти в первые минуты своего знакомства сдружаются так, как будто они были знакомы 10 лет **. Кукольник в этот только день познакомился с Брюлловым и с Бруни, но вечером уже они сдружились. Таланты начинают тем, чем обыкновенные люди кончают. Даже и в этом простом обстоятельстве, в знакомстве я замечаю то особенное, что, право, трудно высказать[226].[...]

19 июля. Сегодня поутру хотел я съездить в Петергоф, навестить брата и провести день с особенным удовольствием.[...]

20 [*июля*].[...] Взял я в руки «Вильгельма Телля»[227], но едва присел, чтобы читать, как слышу, кто-то стучится в дверь. Я бросаю

---

* Все тяжелее и тяжелее у меня на душе, так как дела мои идут неважно. Сегодня у нас снова был обед для Бруни, я был в зале, где это происходило. Брюллов и Орас Верне были также приглашены на обед. После обеда мы все пошли к Кукольнику, где композитор Глинка, Петров и Воробьева уже были. Вечер прошел в полном удовольствии, артисты украшали общество, которое (*нем.*).

** *Далее зачеркнуто:* Кукольник, Брюллов и Бруни обращались друг...

книгу, бегу к дверям и к удивлению своему вижу четырех человек гостей. Это был Михайло Семенович Козловский с Аполлоном Гребенкой, Евгений и Николай Гребенки [228]. Встреча с Козловским была так неожиданна, что я не узнал его и вместе с тем, сообразив быстро с представленным письмом, обнимал своих родных гостей прежде, нежели совершенно убедился, не ошибаюсь ли я. Внезапная радость сильно потревожила меня, я остолбенел. Хорошо, что дядюшка поспешил с поклоном от моих домашних, вручил мне письмо и кое-что сообщил о родине...
Побеседовав о том о сем, пошли мы смотреть картину Брюллова. Великий! Со всех сторон света текут народы поклоняться твоему творению![...] За отсутствием Плахова в Царское, я обедал один.[...]
Наутро, 20 числа, встал я бодр и свеж[...]. Да, 19 числа повстречал я в Академии Владимира Александровича Казадаева с женою. Он зашел ко мне в квартиру, смотрел мои работы. «Разносчик» мой ей очень полюбился, а он любовался Анной Федоровной, да так оно и быть должно. После чаю пошел я гулять по Большому проспекту, встретил Муррей, она была очень мила. Долго толкался по Смоленскому полю и на обратном пути встретился с Гребенкой, с ним был нежинский товарищ — Маслов [229]. Затянул он меня к себе. Пришли еще три человека наших же: Мясников [230], Пащенко и NN. [...]

20 число июля.[...]. 10 часов, пора идти смотреть картины Кипренского. Иван Тимофеевич был также со мною, много хорошего увидели мы у Шереметева, но лучшего пр[оизведения] Кипренского не было во дворце [231].[...]

22 [*июля*]. Вчера, то есть в среду, поутру, отправился я к Сапожникову. Этот добрейший человек принял меня без чинов и, забыв свое генеральство, удержал меня у себя часочка 2. Много приятного и полезного услышал я от него. Получил записку о выдаче мне денег за «Разносчика» [232] и пошел домой, где, к удовольствию моему, застал у себя милых моих натурщиц. Принялся тотчас за дело и, менее нежели в полтора часа, одел свою

Мурочку в кисейное платьице. Сашурка, спасибо ей, сидела как нельзя лучше. Павел Дмитриевич Эмильянов вторгнулся ко мне, уже когда я сидел за столом [233]. Пошли смотреть «Помпею», более часу пировали наши очи до того, что головы пошли кругом.[...]

22 [*июля*]. Сегодня писал я у Греча. Вечером, возвращаясь домой, встретил на Исаакиевском мосту Муррей и велел ей ждать меня завтра и быть готовой к сеансу.

26 [*июля*]. 24-го, в пятницу, после Муррей, остался я дома. Рисовал до обеда своего «Разносчика», переменил в нем фрукты. Вечером были у меня Завьялов и Пименов [234].[...]

25-го, в субботу, был у Муррей. Потом, пришедши домой, нарисовал ноги Германика. Пришел Бруни. Вас[илий] Иван[ович] рекомендовал ему меня и просил не оставлять своим советом. Когда ушел Бруни, я поехал к Казадаеву[...]. После обеда пошел я к Брюллову, там были Кукольник, Яненко, Клодт и Башуцкий [235]. Прекрасно провели мы вечер. Великий был очень мил, был весел и доволен. Кукольник много играл и пел, пили шампанское и после чаю, в 10 часов разошлись.

26 [*июля*]. Сегодня же провел я день чрезвычайно приятно. Пришедши от Муррей, я поехал к Бенземану и там с милыми и любезными девицами провел время бесподобно. Читали, играли, я даже сделал один тур вальса с Машенькой. Нарисовал ее профилечек и подарил ей. К вечеру пришла м-ль Пунт, милая и умная девица [236].[...]

27 [*июля*]. Пон[едельник]. Писал у Муррей, потом дал урок у Греча, отправился на дачу к Далю, это день его рождения [237]. [...]

4 *август*[*а*]. Прошла неделя, невидимо пройдут и месяцы, и год, незаметно пройдет и жизнь! Пройдет, но неужели после смерти не останется признаков существования моего. Горестна такая мысль для меня! [...]

О «Помпея», ты причаровала меня к человеку, которого ждала душа моя. Творец твой сделался моим кумиром — полубогом. Великий боже, за что послал ты мне такое счастье. Я живу под

одной кровлей с любимцем твоим, его гений светит моему чувству, благодарю тебя, всевышний! Храни его и дай мне способность понять и уразуметь твоего посланника! Мог ли я когда-нибудь думать, что буду иметь такого наставника? Еще задолго до прибытия «Помпеи» в Петербурге носились слухи об исполинском его предприятии, но, зная Брюллова по некоторым литографиям с его картин, я имел самое темное об нем понятие. Программа, которую писал он на золотую медаль[238], мне была вовсе неизвестна, знаменитых картин его — «Итальянское утро» и «Полдень» я также не видал. В 1834 году, когда прибыла «Помпея», я был в Малороссии и первые сведения о ней получил от Ивана Ивановича Булича, человека простого, но по чувствам пламенеющего ко всему прекрасному. Он видел эту картину в Академии и присутствовал даже на обеде, данном в честь автора «Помпеи»! Со слезами на глазах рассказывал он мне о картине, возбудившей всеобщий восторг и удивление, я слушал, и воображение мое из неполных частей силилось составить для себя картину, которой сам очевидец не мог описать удовлетворительно. С этого часа неясные образы носились в моем воображении, нетерпение увидеть ее возрастало и так овладело моей душой, что я, уезжая с родины, оставляя в ней драгоценнейших для меня людей (мог думать, что навсегда), не предаваясь полной грусти, смотря на их слезы, я стыдился своего равнодушия, мне было жаль, что я не мог вполне отвечать им на те знаки нежности, которыми изъявляли они грусть свою, расставаясь со мной. Я уезжал из дому родительского [...] с сердцем, полным любовью и надежды утешить себя воззрением на «Помпею».

24 октября 1836 года, в субботу, после чаю, пошел я к Брюллову. У него сидел какой-то офицер, который, как я после узнал, пришел к нему рекомендоваться и докучал ему своим присутствием.

Немного погодя пришел Венецианов, не долго занимался с ним не любящий принуждений хозяин, ушел к себе наверх, в спальню,

и когда я спросил у него, что с ним? Он ответил мне. «Скажите, пожалуйста, что я нездоров». И в самом деле, не было другого средства освободиться до докучливого офицера — только! Вечером пошел я к Кукольнику, откуда большой компанией пошли мы к Глинке, у него был музыкальный вечер.

26 *октяб*[*ря*]. Сегодня я целый день сидел дома и рисовал, выходил только к Василию Ивановичу, оставил у него свою Мурку, ушел домой и засел снова.

После класса, часу в десятом, прислал за мной Брюллов — система ученья. [Не]охотно расставался я с кипящим самоваром, однако же, велению его послушный, пошел.

27 *октя*[*бря*]. Сегодня целый день не видался я с Брюлловым. Сидел дома и рисовал, вечером же, после класса, по случаю именин Нестора Васильевича Кукольника отправился я к нему. Там застал я Брюллова, Глинку и Каратыгина и Heidenreich [239], потом пришли Яненко и Киреев. Приятно проведши вечер, мы отправились домой. [...] Karolus Magnus *, легши уже в постель, заставил меня взять цигарку. Заведши как-то речь о ботанике, просил меня рассказать ему начальное разделение науки и царства растений. Не мог он найти для себя другого сонного порошка, как мое пояснение. И точно, достиг своей цели. Задавая мне беспрестанно новые вопросы, постепенно стихал, наконец, смежил отягченные вежды, подал мне руку и сказал: «Спокойной ночи». Плохо, если я ни на что более не буду годиться, как только усыплять великих людей.

28 *октябр*[*я*]. Сегодня встал я поздно, почти в 10 часов. Напившись чаю, пошел к Брюллову. Не заставши его дома, отправился к Григоровичу и был свидетелем, как сей муж пудрил инспектора. [...]

30 *ок*[*тября*]. Утро до 12 часов был у Брюллова. [...] В десять отправился к Великому, его не было дома. Спустя полчаса приехал он. Легши в постель, закусил он цигару и, рассказывая о

---

* Карл Великий (*лат.*).

том, где был, упомянул о какой-то милой девице, достойной, по его словам, для него невесты. Не сказал мне, кто она, был более задумчив, замечая это, я порывался идти домой, но он удержал рассказом об Алексееве[240]. [...]

31 октября. Целый день сегодня писал своего «Разносчика» [...]. В 11 часов пошел было к Брюллову, но он уже спал. Жаль, что опоздал, а хотелось повидаться с ним.

1 ноября. Сегодняшний день весьма питерский. [...] Первый мой выход к Брюллову. По его поручению отправился к Прево[241], взял холстик и послал со слугою, сам же пошел к Кирееву. Очень приятно провел несколько часов. Смотрел портрет жены, начатый Заболотским[242]. [...]. Он подарил мне свой перевод «Мифологии» Милленя[243].

Тут же я узнал от Савина, что Общество поощ[рения] художн[иков] назначило мне ежемесячно 30 р[ублей][244]. [...]

Зашел к Брюллову, вручить ему экземпляр Милленя от переводчика. У него застал я Жуковского, Пушкина, барона Брамбеуса[245]. Хороший квартет, подумал я, глядя на них. После обеда пошли мы с Петром к Венецианов[ым], не застав их дома, я пошел к Ан[не] Фед[оровне] [...]. [...] Пошел к Мартосовым и застал там кавалеров, и первые — Александ[р] Крашенинников и Вас[илий] Ив[анович]. Нарисовал профилек Делисы и ушел. Еще...* Данилевский сманил меня к графу Толстому, час добрый я высидел там [...].

2 ноябр[я]. Поутру был у меня Тыранов и порадовал меня своей надеждой быть посланным в Италию от Академии[246]. Боже, сколько моих товарищей и сверстников уже вкушают плоды своих трудов, а я еще так долго должен ждать? Буду ль я когда-нибудь под небом Италии? Оставивши Тыранова, пошел к Брюллову, он одевался: после обыкновен[ного] приветствия, на мой вопрос, где он был вчера вечером, он ответил со вздохом: «Решено,

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

я хочу жениться!» — «Боже благослови!» — «Тогда, милостивый государь, прошу прекратить ваши частые посещения!» — «Буду являться к вам лишь на зов ваш».—«Его не будет».— «Да будет на то твоя святая воля». [...] Пусть и так, видя, что я здесь не вовремя, ушел от него, выдумав казенную какую-то причину.

Пришедши домой, писал «Разносчика». [...]

5 ноябр[*я*]. Вот уже третий день не могу я приступить к писанию моего журнала. Между тем много чрезвычайно интересного было; каким образом просуществовал вторник, решительно не помню. Вечером был я у Карла Павловича, это было после класса. Узнавши, что он нездоров, я пошел к нему и действительно застал его в постели. Боль в груди сильно его мучила. Скоро приехал доктор Пеликан[247], дал наставления и уехал. Я оставался еще долго, почти до первого часу. [...] Вчера [...], около десяти часов пришел я к Брюллову, застал у него брата Федора и Грибанова[248]. Карл читал «Жизнь женщины» Брамбеуса. Вскоре пришел Кукольник, друзья ушли в 11. Мы втроем сидели до часу. Кук[ольник] рассказывал много анекдотов, Каролус слушал со вниманием. Кук[ольник] ушел, и мы просидели еще до двух.

Сегодня поутру писал я своего «Разносчика» [...], после обеда зашел к Карлу Павловичу, от него пошел к Крашен[инникову] *, где нарисовал портрет Казекова. Около десяти пришел опять к Брюллову, застал у него Клодта. В одиннадцать пошли мы вдвоем наверх, он лег, много кое-чего переговорили, было и о женитьбе. Он, впрочем, рассуждая об искусстве и о своих занятиях, сказал: «С завтрего начну работать, и все мои труды и приобретения посвящены ей ...»??

6 ноября. [...] В понедельник [...], пошел к Сапожникову. Этот добрый человек по-прежнему принял меня чрезвычайно ласково,

---

* *Далее зачеркнуто:* от них в часу.

а также и моего «Разносчика», которого я принес ему конченным. Долго я сидел у него. Он сообщил мне свое намер[ение] издать в свет сочине[ние] о пропорциях и равенстве человека, вещь преважная, особенно для худ[ожни]ков, имеющих полное понятие об ан[а]томии чел[ове]ка в[оо]бще и о составе т[е]ла чел[ове]ческого. Рассказал мне полный обзор этой преполезной науки[249].

22 ноября. Вчера, по случаю именин дочери графа Толстого, был я у него на вечере. Вообразив себе, что и дочь Катер[ины] Вас[ильевны] Галаган именинница, отправился я к ней часам к восьми вечера, но ошибся, был у Муррей. [...] В десять часов отправился я к графу и пробыл там до пяти часов утра. Было очень весело. Здесь я первый раз увидел названн[ых] красавицами трех сестер Кусовых. Воробьев и Рамазанов увеселяли общество своими милыми и забавными плясками[250]. [...] Встав с свежею головою [...], я был обрадован приходом Ивана Маркевича[251], [...], пошли мы к «Помпее» и наслаждались с полчаса этим гениальным произведением. [...] Обедал я у Венециановых [...]. Прекрасное семейство! В обществе Ивана Захаровича Постникова[252] мы имели случай помирать со смеху. [...] От Венециановых пошел я к Брюллову, застал его одного за чтением р[омана] «Ледяной дом» Лажечникова[253]. Я уселся подле него, он читал вслух. Когда он кончил первую книжку, я поднялся со стула и хотел идти, было уже десять часов, он удержал меня еще на полчаса. Спустя это время, я опять за шапку, он стал удерживать меня и, когда я, объясняя ему, отговаривался усталостью от вчерашнего вечера и опасением не потерять завтрашнего дня, то он напустил на меня всю силу своего красноречия, упрекая меня в страсти к развлечениям, к хождениям по гостям, к танцам. В самых ужасных видах изображал мою леность и любовь к искусству, потерю времени на пустые удовольствия и проч[ее]. Я слушал и молчал, благословляя судьбу, поставившую меня в столь близкое отношение с таким человеком. [...] На упреки, сказанные Брюл-

ловым, я также отвечал молчанием. Когда он кончил, я сказал ему только: «Карл Павлович! Вы слишком строги, другой бы на моем месте упал бы духом, услышав себе такой приговор от человека, мнением которого он так дорожит, но мне благоразумие велит молчать и делать свое дело*. На это он мне сказал: «М н е к а к о е д о э т о г о д е л о? Будете ли вы ч т о-н и б у д ь д е л а т ь и л и н е т, м н е в с е р а в н о». Боже мой, за такую любовь и преданность к нему мне досталось от него услышать подобные слова! Я не мог сказать на это ни слова, я онемел, и одна только любовь к нему и высокое уважение к его гению, перед которым я благоговею, не допустили к моей душе ни тени даже огорчения, а невинность и чистота в обвинениях его успокаивали меня совершенно, так что, е с л и б с с е й м и н у т ы о н в о з н е н а в и д е л м е н я и не допускал к себе, то спокойствия этого не нарушило бы даже и сожаление о том, что он не узнал меня, ни преданности моей к нему, ни любви моей к искусству. Я просил его не гневаться на меня, но он и здесь не пощадил меня: «Не стоите вы того,— сказал он мне холодно, подал мне руку и сказал:— Идите спать и не мешайте мне читать».

Писано 24 ноября. Вчера, то есть 23-го [...] пошел к Брюллову, гости собирались уже идти, минуты две, и мы уже были только вдвоем. Для меня весьма было приятно видеть его выздоравливающего. И действительно, как он мне говорил, паровые ванны начинают, видимо, восстанавливать его здоровье. Сперва, как я пришел к нему, он лег на диван и молча пролежал с четверть часа, потом велел подать себе котлетку, покушал с аппетитом, рад бы еще перехватить, да злодеи-лекари запретили напитывать себя до точки насыщения, итак, помянув их кудрявым словцом, подсел он к шахматной доске, расставил шашки — и первая игра была ничья. Это было для меня первой льготой, а то каж-

---

* *Далее зачеркнуто:* я прибавил ещ[е].

дый раз мало того, что заберет у меня все шашки, еще и* [...] наставит. За игрой он был чрезвычайно весел и мил до крайности. [...]

...** 24 числа, поутру, отправился я на рынок (на толкучий) закупить некоторые вещи для хозяйства. Много прелюбопытных и назидательных сцен видел я там, но, питая одно зрение и собирая пищу для души, проголодался на холоде. [...] Скупил потребное и побрел себе домой. Я нес половую щетку и узел с железными вещами [...]. Инкогнито прекрасное средство, сам себя не узнаешь, так уж, верно, другой не узнает. На пути все было благополучно. [...] Уже на конце Гороховой обогнал я на тротуаре мужчину в синем плаще, золотые очки блеснули, я оглянулся, и, к удивлению моему, это был Николай Григорьевич Белоусов, exprofessor и exinspector Нежинской гимназии, пострадавший за одно казусное дело вместе с другими умными людьми[254]. Не мог я пройти мимо его, не признавшись, хотя одежда моя и вещи, которые я нагрузил на себя, и могли подать обо мне невыгодное мнение, однако же я быстро сообразил качества этого прекрасного человека и то, что [он] не из тех, которые не узнают приятеля, даже друга, встретив его в рубище. Я боялся оскорбить его мысленно и потому подошел к нему и с искренней радостью открылся ему. Он, хотя и был немало удивлен, встретя меня в таком виде, однако же был так благороден, что, не давая того заметить, приветствовал меня дружески. Мы остановились под дождиком на углу Гороховой, долго толковали. Прощаясь, он обещал в четверг быть у меня, с тем чтобы идти смотреть «Помпею». Такая неожиданная радость облегчила мою ношу, я удвоил шаги. Пришедши домой, послал Карлу Павловичу куп[ленные] для него шандалы, пообедал и отправился в класс. После класса пошел я к нему, он предлагал мне принести свою работу и заняться у него, но приехавшие гости тому

* *Далее пропущено одно слово.*
** *Далее зачеркнуто:* 26-го, вчера 25.

помешали. Путята и Калержи[255] остались с ним, я ушел домой. [...] Но в 10 часов прислал за мной Брюллов, и мы просидели с ним до второго часу, он прислал за мной нарочно, чтобы узнать, не пошел ли я на именины к Катер[ине] Иван[овне] Мартос.

25 *ноября. Среда.* Этот день у меня промышленный. Я определил его для уроков, но только одну среду, не более. Будучи обеспечен от Академии и сверх того, получая с октября месяца по 30 р[ублей] от Общества П[оощрения] Х[удожников], казалось бы, давать уроки — лишняя потеря времени. Нет, мне нужны будут деньги на поездку в Малороссию. Портретов я не пишу, и ничего за деньги писать не намерен, так вот — единственное средство собрать прогонные деньги, и среда обречена мною для этого, хотя с сокрушенным сердцем.

В среду я вышел из дому и отправился к г. Пейкеру[256], отрекомендовался там, задал кое-что своей ученице, забыл у них этот листочек и уехал к Кирееву, где удовольствие, которое доставляла мне прилежная моя ученица, отравлено было страхом, когда я вспомнил о пропавшей сицевой грамотке. Мне даже тошно стало, я рвался тотчас же ехать справиться об ней, но меня удержали отобедать, после обеда [...] пошел к Пейкеру справиться насчет пропавшей заметки. Грамотка нашлась, и я, успокоенный, отправился к Гречу, за уроком нарисовал сам две ручки с натуры, и от них зашел я к Кукольнику, от него к Плетневу. [...] Нарисовал для Плетнева профиль Брюллова.

26 [*ноября*]. В четверг оставался я целый день дома. Неправда, у меня был Белоусов, мы смотрели с ним «Помпею», заходили к Брюллову. Он был в восторге, рассматривал работы и квартиру вел[икого] человека. Потом пошли мы вместе искать Остроградского[257] и, найдя его квартиру, расстались. Итак, утро было подарено Белоусову. [...] После класса [...] отправился я к Брюллову, из огня да в полымя! Какой восторг! [...] Я застал его за работой. Он рисовал этюд для образа «Распятие». Головы Христа, божией матери, Иоанна и Магдалины поразили меня

возвышенною своею печалью — чудные головы, я не мог глаз оторвать от этих бесподобных изображений. Рисунок «Распятия», скомпонованный им прежде (sepia), он подарил мне и подписал под рисунком распятого Христа: «Аполлонью Мокрицкому»[258]. В минуты отдыха я читал ему из Пушкина. «Моцарта и Сальери» нашел он слабым, и подлинно, мала и слаба причина, выставленна[я] автором для такого страшного дела. «Сказка о царе Салтане и царевиче Гвидоне» очень забавляла его[259]. Много прекрасных советов дал он мне насчет рисунка, и мы расстались. Он сел чертить, а я ушел спать. [...]

27 ноября. Поутру рисовал я проволочную головку и череп. [...], после класса конопатил свой рисунок и в девять часов, после чаю отправился к Брюллову. Он был у Клодта, я пошел туда, показал ему свои рисунки. И, о счастие! Он был ими доволен в первый раз! И сказал мне, что я начинаю дело делать[260]. Слава богу и Брюллову, со временем, надеюсь, буду радовать его своими успехами.

У Клодта провели мы превесело вечер, ужинали [...]. Карл Павлович усадил меня подле себя, сам ничего почти не кушал по предписанию врачей, только раза два поднес я ему своей вилкой кусочек вареника и кусочек жаркого, он скушал с аппетитом и, в благодарность за это, принял сзади меня стул, когда я привстал взять водку. Я, не приметив этого, растянулся на полу, как подрубленный пень. Я не ушибся и потому, лежа на полу, хохотал вместе с другими. Ему его привилегии позволяют безнаказанно делать подобные шутки надо мною, он любит эффекты, и пусть его тешится. После ужина ушли мы и завернули на минутку к Василию Ивановичу. Это было в 12-м уже часу. Сей муж прибыл тогда из театра и с восторгом рассказал нам об успехе данной в первый раз оперы г. Глинки «Иван Сусанин»[261]. От него пошли мы с миром домой [...].

28 ноя[бря]. День экзамена, суббота, первое дело было отнесть в класс рисунок. Пришедши домой, порисовал немного, очень немного, навестил Брюллова. [...]

29 ноября. [...] Я [...] рисовал проволочную головку и скелетик. со мной сидел Петр Гудима[262]. Я повел его после к «Помпее» и с удовольствием наблюдал непритворный детский восторг его. Еще более порадовал он меня, найдя сходство одной головки с лицом моей Амалии. Это именно та* женщина, которая подле Брюллова с вазочкой на голове. На вопрос мой, на кого похожа головка, он, всмотревшись пристально, отвечал: «На Амалию Федоровну». Рихтих! ** [...] После обеда отправились к Алексею Гавриловичу. [...] Люблю я искренно это прекрасное семейство. У них был Варнек, с ним Михайлов. Под шумок, под музыку я нарисовал даму и кавалера в четвертой фигуре кадрили и довольно удачно. После 10 я ушел от них, зашел к Брюллову, но его не было дома. Он изволит уже прогуливаться, хотя весьма некстати по теперешней сырой и мерзкой погоде. [...]

1 декабря. С утра до вечера занимался я рисованием. После лекции Буяльского[263] пошел я к Брюллову, показал ему свой классный рисунок, которым он, однако, не вполне был доволен. Вместе с ним отправились мы: он хотел навестить Егорова в классе. По дороге зашел он ко мне, ему понравилась моя квартирка, рассматривал все со вниманием***, был очень мил и весел. У меня в то время сидел Казека[264], пришедший по мою душу, которая, идучи с ним в театр, не думала иметь такие мученья, сидя в четвертом ярусе, против самой люстры. Давали «Ивана Сусанина». Музыка вообще и пение Петрова с Воробьевой не раз трогали меня до слез, прочее же было слабо и немного нелепо. В последнем действии малеванные и подвижные люди в дальнем плане меня очень занимали, я смеялся от души, зато уж и хлопал я, не жалея рук, вызывая Воробьеву... Хороша![265]

---

* *Далее зачекнуто:* фигура.
** Правильно (*нем.*— richtig).
*** *Далее зачеркнуто:* много шутил.

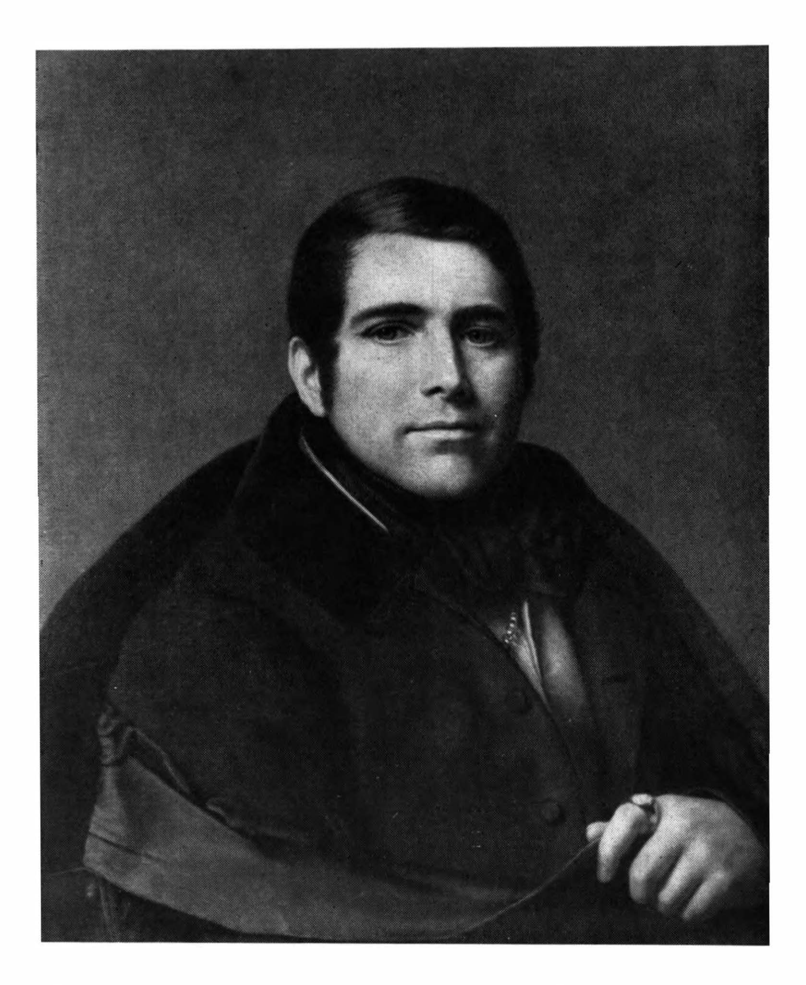
2 д[е]кабря. В среду был на уроках и отказал у Греча, рассудив, что уч[ить] безуспешно, напрасная потеря времени. [...]

4 декабря. Поутру рисовал я св[ою] анатомию, в классе — бойца. После класса нарисовал кисточку, оттушевал ее как можно вернее и понес ее к Брюллову. Ее похвала меня чрезвычайно ободрила. Рассматривая рисунок, он сказал: «Начинает чувствовать красоту!» Как дорого для меня такое замечание, как оно утешает меня, понеже ему дано свыше видеть то, чего мы и не предполагаем. Одна любовь моя к нему дает уже мне силу, сколько возможно оправдать его обо мне попечение. Из одного того, чтобы в его глазах казаться чем-нибудь, я готов пожертвовать себя искусству. Если ж к этому присоединю я искреннее возрастающее желание успеть, для чего? Не знаю! То под его руководством, чего мне страшиться? При свете его гения я смелою стопою пойду по трудному пути искусства, достигну или нет, меня не страшит неизвестность. Я спокоен и счастлив уже тем, что гений — мой учитель, что с гением я в дружбе, что гений управляет поступками моими и жизнею своей мне служит образцом. Вот что уже меня счастливит. [...]

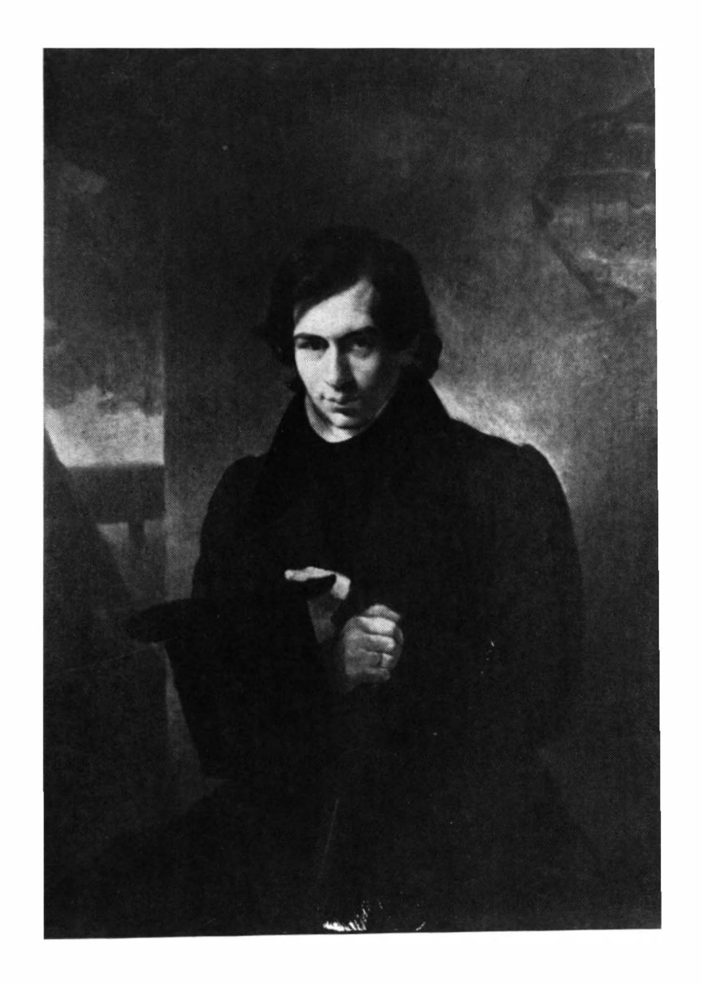
В одиннадцатом часу мы поужинали; уложивши его в постель, я читал ему «Джулио Мости». Он слушал ее с большим вниманием и удовольствием, делал свои замечания и чрезвычайно основательно. Случаи в жизни Джулно сильно его трогали, характер Гонти нашел он чрезвычайно правдивым. Когда читал я ему одну сцену Мости с Гонти, когда этот последний опутывает коварными сетями еще не совершенно развращенную душу Мости, он сказал: «Вы — Гонти, а я — бедный Мости!» Это сравнение, хотя сказанное шутя, на мгновение опечалило меня Я подумал, неужели он сомневается, чтобы я искренно был ему предан? И хотя и замял он это с обыкновенной ласковостью, однако же, при всем его ко мне чрезвычайном расположении, я должен всеми силами стараться поддерживать это расположение, искать, на деле доказывать, как искренна моя к нему лю-

18. К. П. Брюллов. Автопортрет. 1848

17. А. В. Тыранов. Портрет П. А. Плетнева. 1836

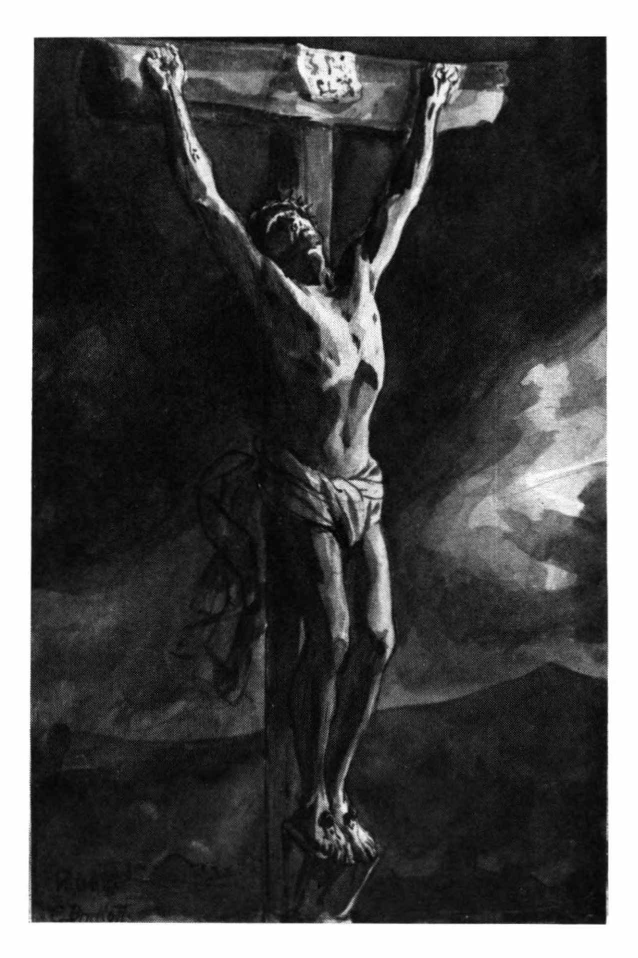
19. К. П. Брюллов. Портрет Н В. Кукольника. 1836

20. М. И. Скотти. Портрет Л. С. Кудинова. 1836

21. М. И. Скотти. Портрет П. П. Норева. 1836

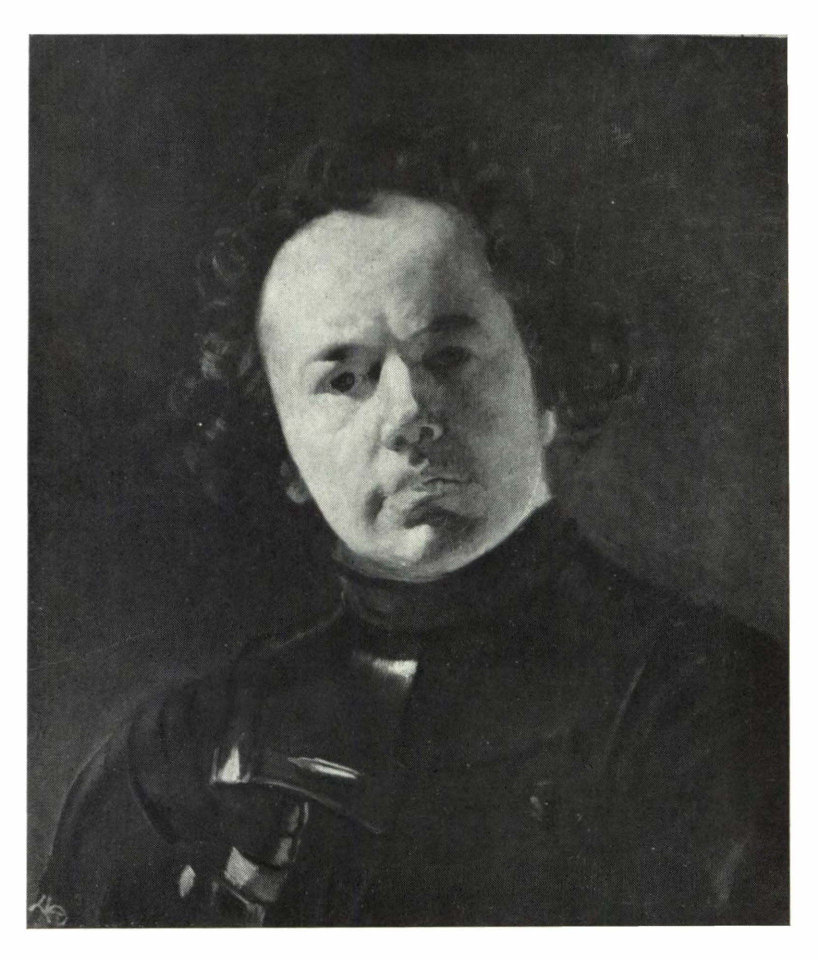
22. К. П. Брюллов. Распятие. 1835

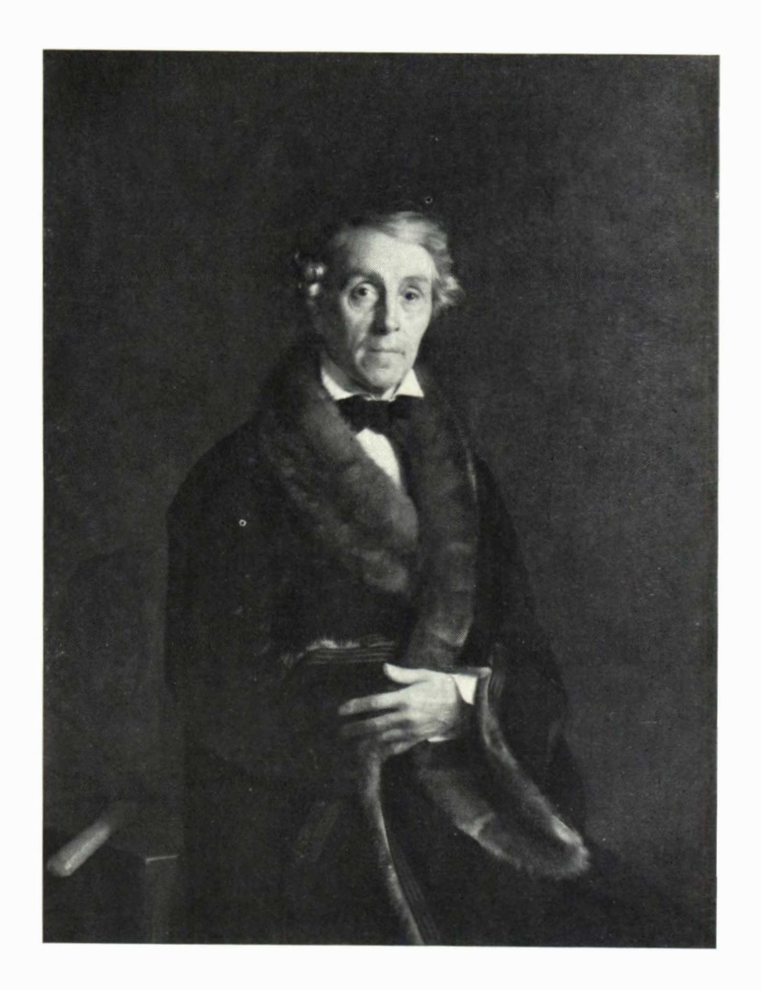
23. К. П. Брюллов. Последний день Помпеи. 1830—1833

24. А. Н. Мокрицкий. Пейзаж. 1847

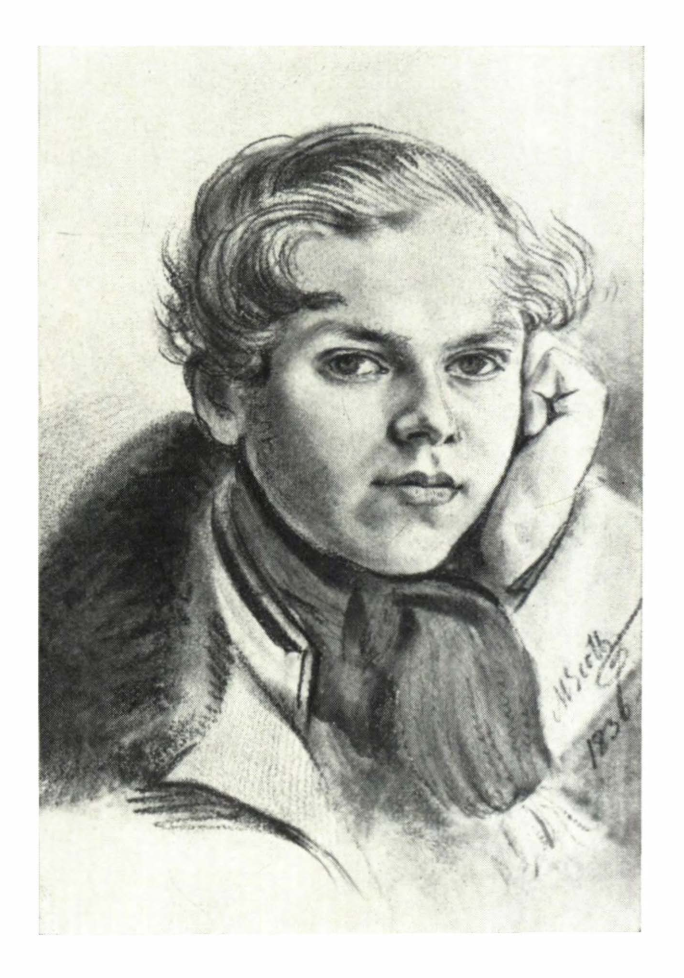
25. К. П. Брюллов. Портрет художника Я. Ф. Яненко в латах. 1841

26. С. К. Зарянко. Портрет гр. Ф. П. Толстого. 1830

27. К. А. Ухтомский. В мастерской художника. 1836

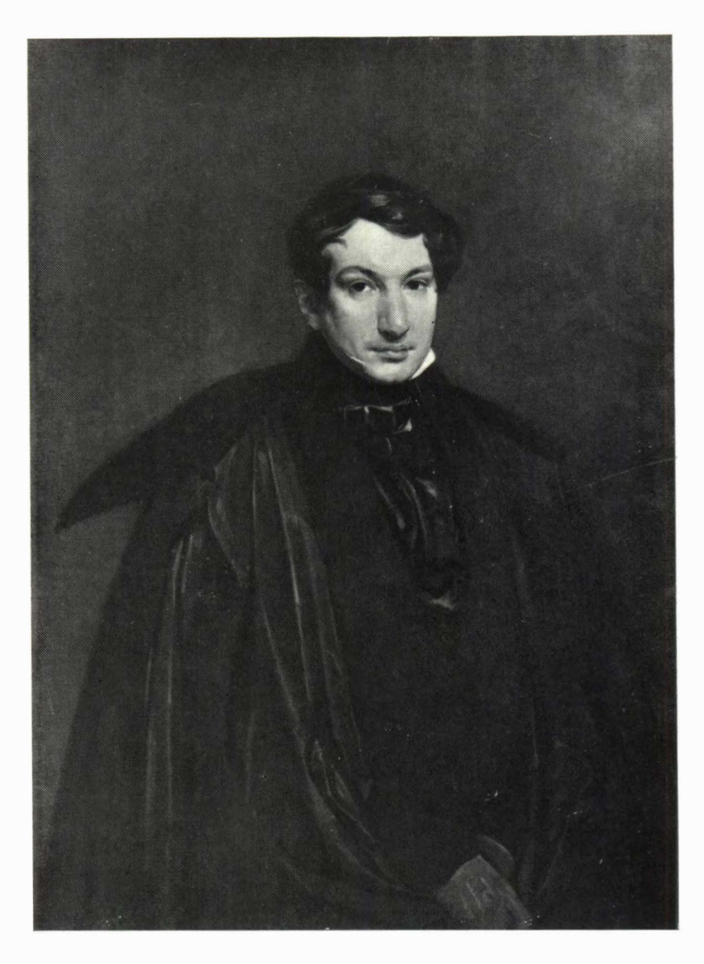

28. М. И. Скотти. Портрет А. И. Теребенева. 1836

29. М. И. Скотти. Портрет натурщиков Тараса, Ефрема, Мартиана

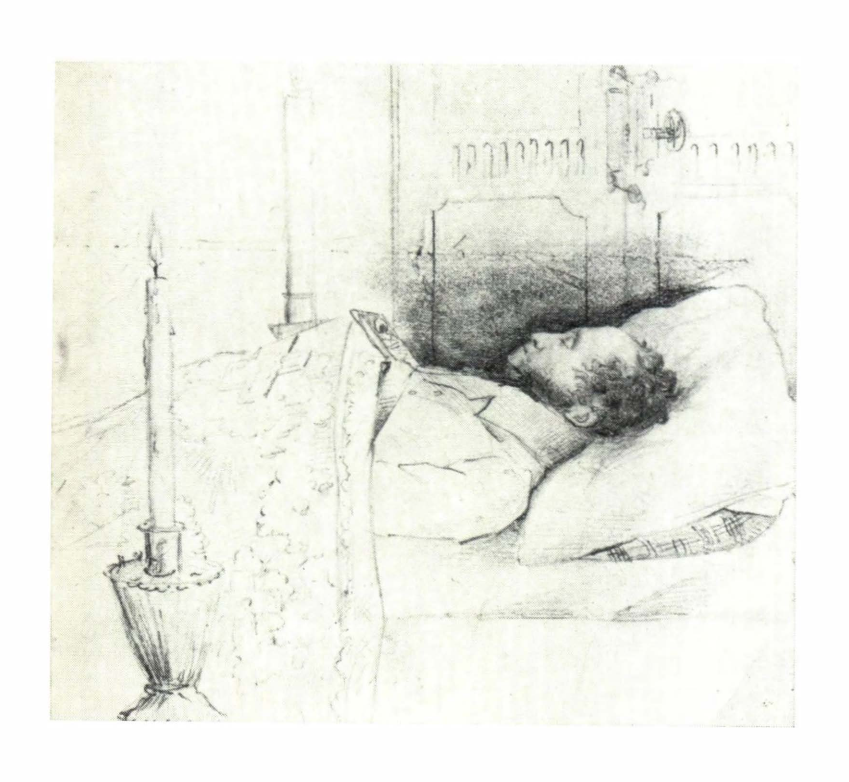
29. М. И. Скотти. Портрет натурщиков Тараса, Ефрема, Мартиана и Никиты. 1836

30. К. П. Брюллов. Портрет Пл. В. Кукольника Около 1837

31. К. П Брюллов. Портрет кн Е. П. Салтыковой. Около 1838

32. А. Н. Мокрицкий. А. С. Пушкин в гробу. 1837

бовь и уважение, так равным образом и то, сколько люблю я искусство. В половине первого только оставили мы чтение. [...] 5 *числа* [*декабря*], по обыкновению, я рисовал свою анатомию до обеда. [...] Вечером просидел у Крашенинниковых до десяти. Пришел домой, натушевал кисточку, собирался уже лечь спать, как за мной прислал Брюллов. Накинув на себя сюртук, я в дезабилье отправился к своему учителю. Застал его работающего. Он рисовал эскиз «Вознесения божией матери»[266] и чудесно! — «Я позвал вас, чтобы посмотрели, хорошо ли это будет?» — сказал он мне на вопрос мой: «Зачем так поздно?» И я восхищался, да и только. Да и что бы я мог заметить в творении, им самим так обдуманном и тщательно нарисованном. Я смотрел и удивлялся прелести, легкости и святости композиции, а рисунок какой! Какая черта! Он продолжал рисовать, а я стоял возле и наблюдал его; он сам был доволен своим произведением и с удовольствием сказал: «Ну, батюшка, сегодня я работал, как после Рима никогда, да и в Риме редко работал с таким усилием!» Он полюбил этот сюжет, можно думать, как он исполнит его на холсте! О дивный человек! Если бы все люди знали тебе цену так, как я! Да это и невозможно. Окончив работу, отправился он в спальню, я хотел было идти спать, но он удержал меня, просил остаться почитать ему «Джулио», говоря при том, что он нарочно не читал далее, чтобы не одному наслаждаться. Да, это его правило, и подлинно, наслаждаться удовольствием, как эгоист, не в его характере. Он ищет поделиться всем, что имеет. Но, что всего достойнее и драгоценнее, он с особенным удовольствием передает свои познания другому, что NB* не каждый знахарь делает!.. Долго читали мы «Джулио Мости», долго беседовали, и около двух часов только расстались. Здоровье его действительно поправляется, но бессонница все еще его мучит,

---

* Nota bene — обратить особое внимание (*лат.*)

и я думаю, это неизбежно при паровых ваннах, приводящих кровь в сильное волнение. [...]

6 дек[абря]. Никола. За всем тем, однако же, я не погрешил хоть против искусства, нарисовал две головки скелета. [...] После обеда каприз пришел прогуляться по Невскому, возвращаясь оттуда, хотел я затесаться к Венецианову, да, увидев его главу в окне Григоровича, пошел туда и попал на пир горой, танцевал [267]. [...] В 11 пришел Брюллов. [...]

7 дек[абря]. Поутру, по обыкновению, рисовал я свою анатомию. После обеда в классе подрался с бойцом. После класса рисовал дома до половины десятого. Потом хотел было навестить Брюллова, но, не заставши дома, пошел наудачу к барону Клодту и действительно нашел его там. Немного спустя [...] мы пошли домой. Karolus Magnus затянул меня к себе и заставил убаюкивать себя «Джулио Мости». [...] Ему хотелось и слушать, и спать, и он то дремал, то опять просыпался, а когда я дремал, то он вскрикивал и бранил меня. Однако же кое-как, со сном пополам, дочитали мы до конца. Схватили Джулио в цепи, повели венчать Веринна с Киерой. [...]

8 декабря. Поутру рисовал я анатомию и думал по временам о Брюллове. Мне казалось, что он зайдет ко мне сегодня. Так и сбылось. Услыша стук в дверь, я подбежал отворить и узрел грядущего ко мне учителя. Сердце мое исполнилось радостию велиею, я не знал, куда его посадить и чем угостить, и поднес ему табачку. Он понюхал и чихнул, много лет здравствовать! [...] Он [...] велел мне следовать за собою. Мы пошли к к а р т и н е, разумеется, к какой — «Посл[едний] день Помпеи» — зовут* у нас просто «картина». Долго смотрел он на нее, смотрел также и все копии, висящие в той комнате, делал свои замечания, которые мотал я себе на ус, подходил к рисующим здесь, давал им полезные советы. Вышел, пришел ко мне, взял шубу и,

---

* *Далее зачеркнуто:* уже.

велевши мне опять следовать за собою, отправился домой. Мы шли по коридору, встречали много учеников, и каждый из них, приветствуя его, завидовал, думаю, моему счастью. И подлинно, счастлив я много, пользуясь расположением такого человека.

Недолго я остался у него, минут десять, ушел наверх и рисовал до обеда.

Мы с Демидовым[268] сидели уже за столом, как слышим стук у дверей, и что же: Карл Павлович изволил пожаловать обедать, врасплох застал он ребят. Жаль только, что немного досталось на долю дорогого гостя. «Как жаль,— сказал он нам,— что опоздал, а то хотел оставить вас без обеда».— «Милости просим завтра пожаловать, покушать с нами хлеба-соли!» — «Хорошо, буду непременно! Мне хочется оставить Мокрицкого без сладенького». Посидел он с нами с полчасочка и ушел, а мы с Демидовым пошли в класс к Буяльскому. [...]

9 [*декабря*]. *Среда.* [...] В четвертом уже часу, в исходе, явился наш милый учитель и чрезвычайно голодный, прямо из Эрмитажа к нам. Только в дверь — так и закричал: «Давайте, ради бога, есть, я голоден!» Засуетились мы, уладили все, сели, и ну уписывать, да как! Любо было смотреть, как кушал наш дорогой гость, кушал да прихваливал. [...]

[...] За обедом говорил он нам много прекрасного, нового и поучительного, говорил о силе воображения, о восторге художника и о творческой силе гения. Мнение его о процессе последней силы и об условиях при оном чрезвычайно интересны, я постараюсь изложить их, приведя более в систему. Еще сидели мы за столом, как пришел ко мне Виктор Андреевич. После обеда гость наш прилег отдохнуть, я покрыл его шинелью. Час-полтора дал я ему уснуть, не более. Вскоре пришел к нему брат Александр, с полчаса просидели они у меня и ушли. Не прошло полчаса, как он прислал за мной, предлагая чаю, просил меня остаться с ним, но, как я дал слово Виктору Андреевичу идти к Венецианову, то не мог остаться. Хорошо, что Брюллов не со-

гласился идти со мною к Венецианову, отговариваясь усталостью, а то бы досталось мне за угощение: мы застали там деревенских князей сиятельных, а они, рассказывая про покос, про хлеба и про старинушку, убаюкали бы гостя, привыкшего парить на крылатых конях в поднебесной! [269] [...]

11 декабря [...]. Зашел к Брюллову. Он лежал еще в постели. Любо глядеть на него здорового, когда он барахтается и нежится в постели, хорош он очень в это время. Он был чрезвычайно весел, как всегда, когда здоров, пел, шутил и строил воздушные замки насчет новой женитьбы. Приглянулась ему вчера миленькая немочка, и сегодня уже решено жениться на ней. Чудесно! Зато таких свадеб у нас по семи на неделю. Чудесный он человек. Умен, как философ, и мил, и откровенен, не важен, как дитя. Художник! Оделся он и уехал к своему доктору.

Получил он вчера от Оленина бумагу: доставить немедленно сведения о цене, какую он назначает за образа в Казанскую церковь, и о времени, в которое надеется кончить работу. Его величество-де желает иметь об том сведение. Прочли мы ту бумагу, и вот он велит мне написать ответ по форме, на бланкете, за номером и проч[ее]. Послал меня к Васил[ию] Ивановичу Григоровичу за бланкетом, узнать, какая форма нужна для такого рапорта. Смеялся Григорович невинности нашей, что мы затевали писать на бланкете за номером. Какой бланкет? Какой номер? Форму только написал и с нею-то я и пришел к нему, прочел он форму, не понравилась она ему: «Старо и глупо, — сказал он, — я напишу по-своему, оставьте пока, мы напишем им бумагу по-нашему. Государь и Оленин, конечно, не привыкли ждать, да что ж им делать, ведь у них Брюллов — один!» [270]

Вечером, пришедши от Краевского поздно, я почитал немного, разделся и хотел идти спать. Это было около половины первого, только Брюллов прислал за мной. Делать нечего, надел я сюртук и иду к нему. Он приехал из театра и завалился уже в по-

стель. Весьма довольный за послушание, он предложил мне место на постели. «Знаете ли вы,— сказал он, — что уже наступил день моего рождения? Я позвал вас, чтобы вместе встретить 37-й год своей жизни [271]. Вы, верно, и не думали об этом?» Тут я обнял его, поздравил от души, и он обнял меня, поцеловал, лицо его вспыхнуло, он был тронут. В эти минуты сердце мое забилось радостно. Я вспомнил ту счастливую минуту, когда в первую нашу встречу он прижал меня к своей груди! Велел подать вина, и мы вдвоем чокнулись стаканами и встретили новый год славы! Я был первый, поздравивший его с днем рождения! [...]

13 декабря. После обеда пошел я к Брюллову, он еще спал. Вчерашний пикник, данный в честь его у Яненко [272], уходил его до того, что он только в седьмом часу лег спать. Через час, то есть часу в первом, проснулся он. Я готовился уже идти к Венецианову, только он удержал меня и просил натянуть ему бумагу на доску для эскиза государю [273]. Я это исполнил [...]. От него ушел я к Венецианову. Холод был жестокий. Шинель моя, подбитая хотя теплым цветом (красным т. е.), не могла согреть меня при таком холоде. С какой искреннею радостию был я встречен этим прекрасным семейством: Фелица подбежала ко мне и самым милым образом благодарила меня за присланные ей ноты; отец так вот и задушил меня в своих объятиях. Удовольствие, которое я чувствовал прн виде такой радости за маловажную услугу, заградило мне уста, я молча только раскланивался. [...]

Вслед за мной начали сходиться другие гости, пришел Краевский, Зеленцов, Менцов [274] и Анастасевич. Мы сели за стол. По обыкновению сидел я возле Фелицы, мой визави был Краевский, Иван Захарович Постников уселся между Анастасевичем и Неверовым. [...]

14 декабря. День моих именин. Я, право, не думал об этом, но поздравления начались свысока. Поутру, часу в 11-м наследники прислали мне 250 рубл[ей], пятьюдесятью рублями больше

обещанного, и чрезвычайно кстати. [...] В классе Штернберг и Айвазовский[275] поздравляли меня с именинами. Тут уж я и сам поверил, что точно так. После класса я послал Венециановым книгу «Записки ротмистра Дурова»[276], поздравил их со своими именинами, и через полчаса пришел ко мне Алексей Гаврилович с Алекс[андром] Крашенинниковым с преогромным кренделем, или, лучше сказать, с семейством кренделей. Это еще более уверило меня, что точно я сегодня именинник. «Если так,—сказал я,— так пусть же поздравит меня и Карл Павлович». Пошел я к нему, он одевался идти к Аполлону Щедрину[277], но, идя туда, обещал зайти и ко мне. Действительно, через полчаса или менее стучится к[то]-то в дверь. Я по ударам в дверь угадал, что это был Брюллов, и не ошибся. Брюллов и Василий Иванович Григорович пришли поздравить именинника. Вот я тотчас усадил их по местам, предложил чаю и трубок, и мои знаменитые гости повели веселую беседу, прихлебывая чаек и потягивая трубочки. Жаль только, что знаменитейший опять расстроил свое здоровье — много кашлял и жалуется на боль в груди. Бедный, уходят его друзья своими пирами. У меня сидел он, как дома, но, посмотрев на часы: «Половина двенадцатого, надо идти!» — пошел опять к Щедрину. Не знаю, каково ему после вчерашнего вечера....

16 дека[бря]. [...] Ушел опять к Брюллову, думал проведать его только, ан вышло иначе. Он, бедный, расхворался было так, что не хотелось мне покидать его одного. Часа до 12-го просидели мы в гостиной, потом пошли в спальню. Я читал ему Поль де Кока[278], но недолго. Разговор наш переходил от предмета к предмету, но мой учитель на все смотрел с невыгодной стороны, что всегда бывает с нами, когда мы больны.

17 декабр[я]. Сегодня он совсем иной. Здоровье его опять поправляется, кашель убавился и от самого простого средства: няня барона Михайлы Клодта[279] сварила для него луку с медом, и Каролус покушает медок, и прихваливает, прославляя бабье средство. [...] Приятная наша беседа часто прерывалась

кашлем. Жаль мне его как родного, и тем более жаль, что можно бы сберечь себя и не хочет. Он сам признается, что ему надоела жизнь. В самом искусстве даже не находит он наслаждения, трудясь без цели, без надежды.

26 дека[б]ря. 18 числа, вечером, после класса, пришел я с рисунком к Брюллову. У него сидел Александр Тон[280]. Каролус чувствовал себя весьма хорошо. [...] Много разных разностей мы перетолковали и под конец съехали на женитьбу. И на это склонил я разговор, слушая жалобы Тона на скуку, которая гонит его из дому и преследует по пятам, куда бы он ни шел. В самом деле, подумал я, где найдет развлечение холостой человек за 40 лет, проведший лучшее время своей жизни в чужих краях, в Италии, в Париже, и имевший довольно средств удовлетворять затейливым своим прихотям? Весьма натурально, что здесь ему, при расстроенном здоровье, просто деваться некуда от скуки. Самое искусство его, сделавшись теперь средством приобретения способов жизни, не приносит ему удовольствия, но служит лишь орудием удовлетворения возрастающего честолюбия. И, как я думаю, что человек честолюбивый не может быть покоен, то что за жизнь без истинного удовольствия, когда нет с кем делить своих радостей... Вот с этого начал ораторствовать, меня поддержал Брюллов, и у нас завязался предлинный разговор, подкрепляемый беспрестанными примерами.

Брюллов, принимающий все с жаром, воспламенился и начал изображать жизнь свою, протекшую и настоящую, и даже подымал завесу будущего своего существования, представляя все это живыми и поразительными красками. Он ясно доказывал, что для соделания тепер[ешнюю] жизнь свою приятною, осталось одно только средство: жениться, и что одна только остановка — в выборе невесты. «Найдите, — говорит он,— невесту, и я тотчас женюсь на ней!» Вот я шутя и говорю ему: «Есть у меня на примете славная невеста, только не знаю, приглянется ли она доброму молодцу!» — «Кто она? Где живет?» На расспросы о ней,

понес околесицу, переврал и имя ее, и место жительства, не желая пустить на горячий след сидевшего с нами Тона, и как ушел Тон, я и вправду стал ему рассказывать о девицах Бен[земан] и Пун[т]. Поинтересовался он на деле проверить мое описание, уж каких средств мы ни выдумывали найти случай увидеть их. Нет, все или чересчур затейливы, или слишком разудалые, так что ни так, ни сяк не выходило. Итак, нерешенное дело оставлено до воскресенья, а там что бог даст.

Только на другой день, в субботу, зашел я к своему Каролусу проведать его здоровье: он не весьма хорошо чувствовал себя. Слово за слово, вспомнили про вчерашнее, а его и впрямь разобрала охотка посмотреть красавиц. «Поедем сейчас! Уж один тому конец, и чем скорее, тем лучше!» Я, видя его не совсем здоровым, принялся было уговаривать не ездить в такой холод, и подлинно, на дворе было 22° морозу, так и слушать не хочет. Позвал слугу, велел заложить карету, оделся, и через полчаса уже мы неслись по мостовой. Куда же мы ехали? В Невский монастырь, чтобы мимоездом посмотреть на редкие вещи Александро-Невской лавры. Путь же держали мы на Стеклянный завод[281], где надеялись узреть наших красавиц. Только надо знать, что до прибытия в Невский у нас не было еще решено, где и как нам их увидеть. За холодом, который забрался к нам в карету, мы сидели молча, только изредка спрашивали друг друга: «Что из этого будет?» — и смеялись нашему сентиментальному путешествию, в 22° градуса, наудачу, т[о] е[сть] не будучи знаком в доме девицы Пун[т] и не видав никогда ее родителей, а только зная одну ее, я не мог ума приложить, что нам делать, но какая-то уверенность и тайная надежда на успех поощряли нас к продолжению дивного путешествия...

В Невском было так холодно, что пока мы дошли до алтаря, то совсем замерзли. К[арл] П[авлович] прозяб до костей, енотовая шуба не согревала его больше. Он, посиневши весь и стуча зуб

о зуб, мельком взглянул на Менгса и другие образа и дальше пустился из церкви[282]. Сам я, хоть и озяб сильно, но за него боялся сильно, ибо я видел, что он продрог не на шутку. Садясь в карету, мы велели гнать на Стеклянный завод. Чем ближе к цели нашего путешествия, тем более я был в недоумении, что начать и куда ехать, между тем как нужно было отогреть его где-нибудь. Уже поравнялись мы с заводом, а средство все еще не придумано. Наконец: «Догадавсь! — закричал я. — Поворачивай направо, стой!» Расспросив у часового, где живет смотритель заводов г. Пунт, мы въехали во двор и прямо к подъезду. Появление незнакомой кареты наделало немало суматохи в доме скромного семейства. Девица Пунт выбежала на крыльцо и с удивлением смотрит на нас, вылезающих из кареты. По неожиданности явления, она не узнала даже меня. Карета, гость в енотовой шубе, кто-то похожий на меня на первый взгляд, но и малейшая догадка, что это я, естественно, исчезла при мысли, что я незнаком в их доме. Да и зачем бы я приехал, и кто бы это был со мною... Одним словом, пока мы не приблизились к ней и я не объяснил ей вкратце этого странного случая, она терялась в соображениях, кто мы и зачем? Можно себе представить удивление и восторг милой, образованной девицы, когда узнала она, что гость ее — творец «Последнего дня Помпеи». Вошли мы в комнату, разоблачились, в самых трогательных выражениях представляли угрожавшую нам погибель от стужи и просили, как водится, извинить нас за смелость, с которою мы, против всех правил, решились обеспокоить добрых хозяев. Разогревая замерзшие комплименты, мы решительно углублялись внутрь комнат, ища оледеневшими глазами печки, и, завидев ее, приступом завладели ею. Вошла хозяйка, и мы, не будучи в силах оторвать наших рук от теплой печи, вели с нею переговоры о сдаче. Предвидя неравный бой, они уступили нам свои права, оставляя за собою одно лишь право — снабдить нас провиантом и доставить нам все выгоды завоевателей.

16 [*января*]. Сегодня поутру, не устоявшись еще подела[ть] дела, пошел я шататься по галереям. Потом зашел к Василию Ивановичу. Пришедши от него, написал письмо Плахову в Берлин. После обеда играл на скрипке [...]. Пришедший от Брюллова Липин [283] разбудил меня, я встал, потянулся и пошел к Брюллову. Это было в шесть часов, он лежал в постели. Вчера, после вечера у Кукольника, пришел он поздно домой. [...] Рассказывал о вчерашнем вечере, о том, как его занимали дамы, показывая ему чрезвычайное внимание. Он вспомнил обещание свое написать для Воробьевой картину. И вот в одно мгновение создалась картина: представить Друиду, играющую на арфе семиструнной, звуки, издаваемые ею,— изобразить в виде лучей и расположить их так, чтобы они * выходили из струн. В каждом луче — отдельную картину — аллегорические изображения чувств и страстей, порождаемых или уничтожаемых волшебными звуками. Превосходная мысль эта могла создаться в такой светлой душе, согретой пламенем сердца [284]. [...]

17 [*января*]. Еще вчера было условлено, что мы обедаем сегодня вместе у Венециановых. Около 12-ти отправился я к Брюллову, застал его еще в постели, и желание идти к Венецианову воздвигло его на ноги. Пришли Василий Иванович и Платон Кукольник. На вопрос, где он сегодня обедает, был ответ: «У Венецианова, я дал слово. Добрый старичок, я его очень уважаю. Он просил меня непременно сегодня у него отобедать». Но Кукольник], раз желая отклонить его, начал рассказывать про чудеса, которые ждут его дома за обедом, кислый супец какой-то с грибами, и ростбиф, и макароны... Долго противился он искуше-

---

* *В тексте рисунок пером.*

нию, но пьесы «Водовоз» и «Швейцарская хижина»[285] после обеда соблазнили его решительно. Он изменил своему слову, послал меня одного, велел кланяться и извинить его по таким-то причинам, или лучше, когда и совсем умолчать об нем. Итак, я один отправился к Венецианову. Там были Крашени[нников] и Виктор Андреевич. Мы провели вечер превосходно. [...]

18 [*января*]. [...] После класса, где я с удовлетворением рисовал Тараса — красавца[286], до 11 часов просидел я дома с Сошенко, рисуя следочек Германиков, и уже готов был лечь спать, как прислал за мной Брюллов. Выспавшись днем, он предположил просидеть долго вечером, и вот для компании позвал меня. [...] В этот вечер, как и всегда, был он чрезвычайно мил, разговор наш, при всем своем разнообразии, сходил на главную статью, материю, которая с некоторого времени овладела его великою душою — он любит одну девушку, мыслит жениться на ней, но, пугая свое воображение невыгодными, по его мнению, сторонами супружества, он колеблется. [...] Три интересные вещи не пропущу я занести в свой дневник: во-первых, превосходное его намерение устроить вечерние занятия для своих учеников у себя в квартире, где бы мы, находясь с ним вместе, могли развивать свои головы, как в беседе и о вещах, нужных для художника, так равно и излагать свои мысли перед ним на суд о том и о другом, и тут же чертить их каждый по-своему. Писатели, которых он рекомендует изучающему искусство: Овидий, Гомер, Данте, Священное писание, Гиббона[287] и еще физиологию. «Вот, — говорит он, — вещи, научающие художника познать внутреннего человека и вообще человека в связи с целым миром и творцом оного. Вот, — говорит, — книги, без которых художник не отделится от посредственности».

Второе: он дал мне слово нарисовать мой портрет, и третье то, что он сам предложил мне написать его портрет, что надеюсь скоро исполнить, дай только бог ему оправиться[288].

19 [*января*]. Сегодня не пошел я на урок из-за того, чтобы присутствовать при писании портрета. Да, вот это и я назову — писать портрет. «И я»,— говорю я потому, что, по-моему, я не видел еще портретов на Руси, писанных русскими художниками. Сам Варнек спасует против Брюллова[289]. Об этом портрете я напишу особую страничку, сказав, что при всей мучительной грудной боли, кашле и насморке, которые решительно одолели его, он писал так неутомимо и с таким успехом, что можно поверить его словам, что в Риме работал он тогда только, когда был болен. Да, вот с каким жаром работал он сегодня: когда я советовал ему не изнурять себя и дать отдохнуть груди, он сказал: «Нет, батюшка, теперь работаю я по страсти, и, хотя бы на меня саваи надевали, я бы не перестал работать!» И часа с два поработав, создал опять такую голову, которая уже теперь, не быв еще совершенно кончена,— превосходный портрет Кукольника в правде тонов и пластике тела[290]. Это именно тело, а не что другое, это Вандик, это Веласкес и еще! Да! Знай наших! А вы думали, что Брюллов исписался, как бы не так. Ждите, люди! [...] У него еще не одна «Помпея» в душе, не сердите его только!.. А вы думали уже, что он отшабашил и дальше ни с места. Бедненькие, как же вы мало знаете его. Да полно, видели ль вы его самого-то? То-то же! Пойдите же да взгляните на него, да оглянитесь в его мастерской, да, если не ослепнете от блеска красок, так загляньте еще в душу ему — тогда каждый судите по вашему разумению [...].

31 генваря. 18 числа Брюллов возвратился от Кукольника и чувствовал себя не совсем здоровым. Я повстречал его на коридоре и проводил в квартиру. Он лег в постель, и вот с того дня постепенно болезнь усиливалась и довела его до такого положения, в каком он еще не был. Он был очень плох, но благодаря искусству и усердию доктора Пеликана здоровье его опять поправилось, и вот уже третий день он чувствует себя гораздо лучше.

В продолжение его болезни я навещал его только по утрам и вечерам, на короткое время, днем же работал и думал об нем, тревожился чрезвычайно, что не мог постоянно быть при нем, чего он и сам не хотел. Это мучило меня сомнением и подозрением, не подал ли я чем-нибудь повод к его на меня неудовольствию. Смотря такими на него глазами, я видел холодность его к себе, и как будто посещение мое было ему в тягость, и не могши отдать себе отчета в такой перемене, тревожился до того, что дело валилось из рук и всякое удовольствие было не впрок. Ничем не мог рассеять себя. Сегодня же, благодаря бога, опять утешен я. Когда пришел я к нему вечером, то он с прежнею ласковостию приветствовал меня, называя меня «Герр Питориус» — это было праздником для меня. Предложил мне стакан чаю, потом сели играть в экарте.

Говорили о Пушкине. Он читал его стихотворения, восхищался каждой строкой и каждой мыслью знаменитого поэта. Завидуя его кончине, опять сильно обнаружил свою грусть по Италии. Жалел, что отечественный климат не благоприятствует его здоровью, и с горьким чувством сказал: «Нет, здесь я ничего не напишу. Я охладел, я застыл в этом климате!» Пушкину чрезвычайно понравилась его идея и план картины Геизерика. «Здесь не в состоянии написать я этой картины!» [291]

О, на что вызвали этого драгоценного человека из страны, где он жил и творил, принося честь и славу Отечеству, которое не в силах вознаградить ему разлуку с Италией! [...]

25 *февраля.* Тяжел был для меня этот месяц. Неудачи и душевные тревоги [...] много причиняли мне беспокойства. Это самое было причиною остановки моего журнала. Что писать пером, когда карандаш едва не выпадает из руки.

В это-то пасмурное для меня время Брюллов успел выздороветь и произвесть столько прекрасного, что в две недели с небольшим мастерская его обратилась в драгоцен[ную] картинную галерею. Портреты докт[ора] Орлова, Платона Кукольника, скуль-

ктора Витали, Перовского, графини Салтыковой, баронессы Меллер-Закомельской и дочери австрийского посланника графа Фикельмон — по манию волшебной его кисти явились на удивление зрителей [292].

Вчера я был на маскараде в Дворянском полку.

После рисовального класса пошли мы с Михайловым к Брюллову показать свои рисунки. Великий наставник наш смотрел их внимательно, замечал недостатки, давал полезные советы и удостоил на моем рисунке нарисовать кисточку, следок, и вообще весь контур прошел внимательно, и от прикосновения — то там, то сям — рисунок оживал и принимал лучшие формы. Велел дать нам чаю, пошутил с нами и отпустил, довольный нашими успехами... Приятно воротились для меня школьные годы. Дай бог, чтобы на новом поприще, избранном мною, кончились они успешнее прежних.

Сегодня я скрепя сердце писал портрет Ивановой [293]. Взялся я, прельстясь головками антиков, да и сам не рад. [...] Пошел к Брюллову, там застал Кукольника и Егорова. Кукольник играл на фортепьяно, Егоров слушал и прихваливал, а мы с Великим играли в экарте. Потом пришел граф Толстой, рассказывал про всякие диковинные случаи и подвиги храбрецов. [...]

27 [*февраля*]. Сегодня поутру писал я портрет Ивановой и кончил. [...]

Сегодня поутру зашел к Брюллову, застал его работающим. И как прекрасно отделывал он портрет Демидовой (Шернвальд) [294]. Как понятна для меня его работа. Сколько в ней натуры, изощренного вкуса! [...]

1 марта. Утро просидел в Античной галерее, несмотря на нестерпимый холод, и, занявшись Лаокооном, просидел до 3 часов, Вечером был у Мартосовых, оттуда, уже в 11-м часу пошел к Брюллову. [...]

2 марта. Сегодня [...] он прислал за мной. [...] Я должен был исполнить его поручение, пошел к Венецианову, потерял утро.

[...] Вечером почертил с анатомии, напился чаю и пошел к Брюллову. Сегодня что-то он прихворнул было немного. Я думаю, от сильного напряжения расстроились у него нервы, и вот сильная головная боль, жар, онемение, или, лучше сказать, какая-то зыбь, или, что называется, мурашки, тревожили его до 12 часов. Потом стало ему легче. [...]

3 марта. [...] Пошел в Античную галерею и просидел в ней до 3-х. После обеда пошел к Брюллову. «Весьма кстати», — сказал он, садясь за стол и подавая мне письмо, писанное Жуковск[им] к отцу Пушкина, в котором изложены подробно предсмертные часы, самая смерть и последствия [295]. Желание и интерес узнать правдивые подробности кончины всякого велик[ого] человека были столь велики, что я не жалел, потеряв класс, 6-й и 7-й час просидел я у Брюллова, потом пошел на чай к Григоровичу, где застал Теребенева. С ним был эскиз статуи Пушкина. К сожалению, не найдено еще ни ансамбля фигуры Пушкина, ни удовлетворительного сходства в лице. Впрочем, талант художника порукою в том, что мы будем иметь довольно схожий портрет бесценного нашего Пушкина! [296]

Василий Иванович прочел нам прекрасную диссертацию г. профессора Никитенко, за которую удостоен он звания доктора философии. Предмет диссертации — «О творческой силе поэзии». С удовольствием выслушал я ученое сочинение г. Никитенко, содержащее в себе так много новых мыслей и верных взглядов на различные стороны творческой силы. Не только поэзии в тесном смысле слова, но вообще о поэзии изобразительных искусств [297]. [...]

7 марта. Воскресенье. [...] В два часа уехал я [...] прямо к Венецианову, там застал я Краевского. После обеда разыграли лотерею, в которой я выиграл в первый раз в жизни портрет Кольцова и Дибича [298]. Вечером пошли мы с Алексеем Гаврил[овичем] и с К р а е в с к и м к Б р ю л л о в у. Кажется, знакомство таких людей приятно для обоих. Оставивши Краевского у Брюллова

на разговоре о Пушкине[299], я пошел опять к Венецианову. Филиса была очень мила и играла мои любимые пьесы. [...]

11 марта. Вчера, то есть 10 марта, провел я время с пользою: кончил контур Лаокоона, был на лекции Буяльского и рисовал с двух натурщиков. Вечером, часов в 9, был у Брюллова, застал его одного. Он сидел в кабинете и мял карты в руках, собираясь гадать. [...] Несмотря на желание его, чтобы я остался и почитал ему «Ундину»[300], я должен был уйти от него. [...]

12 март[а]. По обыкновению, вставши рано поутру, рисовал в Античной галерее от 7 до 9. 10-й и 11-й час — в модельном классе, от 11 до 3—опять в Античной и вечером, от 5 до 7 — в натурном. Рисуночки мои подвигаются, и вместе возрастает надежда когда-нибудь рисовать порядочно.

После класса прислал за мной Брюллов, велел достать ему глины*. Он вылепил из нее турецкий каик, насажал в него турок и срисовал в рисунок для наследника, который хочет он делать акварелью[301]. Недолго был я у него, после чаю ушел домой спать.

В субботу, 13 числа, после прилежных занятий в классе и в галерее поехали мы с Василием Ивановичем в концерт. Играли ораторию Бетховена «Христос на горе Елеонской», симфонию и сонату его же, и увертюру из «Нормы» Беллини. И виртуоз Мейер удивил публику своею прелестною игрою на фортепьяно[302]. Музыка оратории и симфонии Бетх[овена] поразительно величественна. До этого я никогда не имел понятия о полноте и силе музыкальной фантазии: материя музыки тоньше и тем самым быстрее и сильнее действует на душу, потрясая чувства. Это совершенно новый мир, мир чистый, стройный, гармонический, более духовный, нежели материальный. Волшебство его неизъяснимо. [...]

15 марта. Утро началось для меня, по обыкновению, в классе

---

* *Далее зачеркнуто:* она нужна была.

манкенном. После однннадцатн часов понес я к Брюллову свои рисунки. Последним — натурщик Алексей *. Он был очень доволен [303], все же прочие рисунки разбранил как нельзя хуже. Невзирая, однако же, на это, остался доволен моими успехами и позволил даже полчасика погулять.

16 [*марта*]. [...] Брюллов, прислав за мною, чтобы посмотреть, хорошо ли он убрал свою мастерскую, послал меня к Венецианову насчет Михайлова. Тут пропало утро. [...]

18. Четверг. [...] Часам к 7-ми пошел я к Брюллову. Там были уже Венецианов и брат его Федор [304], скоро пришел и Краевский и прочел нам прекрасные стихотворения Пушкина: «Молитву» — «Господи владыко живота моего», «Русалку», несколько сцен из «Дон-Гуана» и «Галуб», сцену из быта чеченцев. До 12 часов продолжалось чтение [305]. Когда все ушли, я остался один, говорил Брюллову насчет Шевченка, старался подвигнуть его на доброе дело, и, кажется, это будет единственное средство — через Брюллова избавить его от тяжелых, ненавистных цепей рабства. И шутка ли! Человек с талантом страдает в неволе по прихоти грубого господина! [306]

19 [*марта*]. Около 10 часов, когда я сидел в классе и Бруни поправлял рисунки, прислал за мной Брюллов. Князь Лопухин, вояжировавший по Европе, привез к нему несколько альбомов с рисунками и масляными картинами известных художников. Брюллов призвал меня, чтобы я рассмотрел их. И действительно, в числе тех рисунков и эскизов акварели Гидена и Миллера были превосходны. Рисунки Каммучини, Гранета, Карла и Горация Вернетов, Робера, Пинели, Гидена — «Буря на море», Миллера — «Виды Неаполя и Палермо», Каммучини — «Аллегорическое изображение ночи в виде окрыленной женщины, парящей с двумя младенцами» **. Гра-

* *В тексте рисунок пером.*
** *В тексте три рисунка пером.*

нет — «Внутренность какого-то католическ[ого] храма», Гораса Вернета — «Два монаха в капелле, молящиеся» (sepia), Карла Вернета — «Турок на коне», Робера — «У колодца», «Итальянка» и «Ворожея-цыганка», Пинели — «Сцены из быта итальянских крестьян»[307].

С Лопухиным был Пашков, брат того Пашкова, что играл в оратории. Не знаю, как тот играет, этот же поет прекрасно, он чаровал нас своим волшебным пением[308]. В. А. Жуковский, бывший здесь, был в восторге. Ему понравился один русский романс, и он просил петь его в другой раз. Итак, в это утро сколько было для меня приятного, но это приятное окупается у нас дорогою ценою. Иной раз тот же случай поддает такого перцу, что целый день не очнешься.

После вечернего класса пошел я на урок, пришедши домой, хотел писать свой журнал, но, не найдя чернил, пошел добывать к Брюллову. Там застал Василия Ивановича, Резвого[309] и Клодта, они играли в карты. [...] Пошел домой, на коридоре сошелся с Шамшиным[310], зазвал его к себе, и мы протолковали потом о Брюллове с добрый часок. [...]

21 марта, воскресенье. [...] В томительном ожидании я принимался за многое: и чертил, и читал и только к двум часам едва дождался ее. Сперва мы посмотрели «Помпею», а там пошли к Брюллову. С С[офьей] Ал[ександровной] был муж ее и Варвара Николаевна Казадаева; работы Брюллова восхищали их. Портреты Кукольника и Витали особенно понравились Соф[ье] Ал[ександровне]. С полчаса пробыли они в мастерской, наполненной портретами и гостями. С[офья] А[лександровна], уходя от Брюллова, сказала мне: «Как мы счастливы, имея современником такого великого человека!» Видеть его самого и его труды были лучшие минуты ее жизни! Прекрасно, и тем более, что это говорит женщина и женщина русская. [...]

В 3 часа ушел я к Венецианову, где было мне довольно скучно. [...] Там нарисовал я портрет Николая Менцова и довольно удачно. Да, я и забыл сказать, что сегодня показывал я Брюл-

лову свою группу Лаокоона. Уж расхвалил же он его — то есть живого места не оставил! И вяло, и грубо, и без внимания (хотя три недели, не переводя дух, зуб об зуб, сидел я над ним в прохладной галерее). Исчертил и велел перерисовать контур снова. [...]

29 марта. Вот прошла целая неделя, а я не принимался за перо. Ничего, правда, особенного дни эти не заключали. Занятия шли своей чередой с успехом, да к ним прибавилось еще хождение в Анатомический класс. Вчера, после класса, носил я свой натурный рисунок к Брюллову, досталось мне опять на орехи за промахи. Впрочем, учитель был доволен, хотя и говорит, что с меня должно требовать больше. Строг он, спасибо ему, зато каждое его слово стоит золотом напечатать.

Милее всего, что он говорит о неспособности своей быть учителем, тогда как никто яснее и убедительнее не выскажет истины. Часа с три просидели мы вдвоем, беседуя о разных разностях. [...]

31 [марта], среда. После анатомического класса пошел я на почту, в Гостиный двор за карандашами, и с этой пустой проходкой потерял утро. Только к двум часам пришел в галерею.

Вечером, после чаю, отправился я к Брюллову с письмом от Михайлова. Он послал меня за Вас[илием] Ива[новичем], и, когда тот пришел, я предложил им рассмотреть дело Шевченко. Показал его стихотворение, которым Брюллов был чрезвычайно доволен, и, увидя из оного мысли и чувства молодого человека, решился извлечь его из податного состояния и для этого велел мне завтра же отправиться к Жуковскому и просить его приехать к нему. Не знаю, чем-то решат они горячо принятое участие[311]. Когда Василий Иванов[ич] ушел, я остался у него еще часочек. Он объяснял мне некоторые затруднения в рисунке, чертил части и, толкуя об них, обнаруживал глубокое и полное познание натуры человека и механизма движений. Я, проща-

ясь с ним, взял с него честное слово завтра нарисовать мой портрет[...]

1 апреля. Поутру, после чаю, пошел я к Жуковскому и переврал ему приглашение Брюллова. Вместо завтрего я пригласил его сегодня к трем часам. Досталось же мне от Брюллова! Ментор мой в красных штанах взъелся на меня так, что я думал — побьет, но у него гнев, как гроза на небе, после которой всегда бывает вёдро. Так и у него, пошумит, покричит, да и улыбнется.

Сегодня стрелял он в комнате пулей в дверь. Вот истинно младенческая, невинная душа! Захотелось потешиться, зарядил пулей винтовку и — паф в двери! И рад, и спокоен.

От него пошел я в галерею, где пробыл с Лаокооном до 3-х часов. После обеда пошел на лекцию теории изящного. Оттуда прямо в натурный класс и с удовольствием рисовал свой групп. Заходил к Брюллову, но лакей доложил, что барина дома нет [...]. Итак, портрет отложен до нового удобного случая.

2 апреля. Кроме обыкновенных занятий в анатомическом, в Античной галерее и в классе,— ничего особенного.

После обеда призвал меня Брюллов. У него был Жуковский, он желал знать подробности насчет Шевченка. Слава богу, дело наше, кажется, примет хороший ход. После класса был на уроке.

Брюллов начал сегодня портрет Жуковского и препохоже [312]. [...]

3 апреля. Поутру, часов в семь, прислал за мной Брюллов. Он хотел заставить меня начертить перспективу в портрете Салтыковой, но я отпросился на часочек уволить меня и в 8 часов опять пришел к нему. Застал у него Моллера [313] и Гайвазовского.

Брюллов хотел писать павлинье перо, и, кажется, для этого понадобилось ему сусальное серебро [314]. Когда он велел мне достать ему серебра, то я, полагая, что в Андреевск[ом] рынке купить его нельзя, отказался от поручения, не желая потерять времени на отлучку в Гостиный двор. Но скоро стало мне жаль,

что я отказал ему* в этой услуге. Ушел потихоньку, купил и принес ему две книжечки, и как он благодарил меня, как приятно для него было такое внимание.

Принялся я, наконец, чертить перспективу. Он видел, что я неловко обращался с линейкой и с кистью, сердился и выходил из себя, наконец, вспылил так, что бросил на пол свою палитру и кисти и принялся чертить сам. Жаль мне было очень, что эдакая безделица так сильно его рассердила. И в самом деле, это было напрасно: наловчившись, стал я чертить смелее и начертил ему как следует [315]. Между тем он, видя, с каким равнодушием принимал я его выговор и делал свое дело, подошел ко мне, обнял меня и извинялся, что без вины так накричал на меня. Можно себе представить, как приятно было для меня** такое внимание [...].

4 апрел[*я*]. [...] До 1-го часа дожидался я Булича, с ним пошли к Брюллову, где было множество гостей. Не видавшие Брюллова приняли меня за него, и когда я вошел, то они раскланивались, даже одна дама подошла нарочно и сделала мне пренизкий реверанс, на который я отвечал ей ловким поклоном. Однако же скоро недоумение объяснилось. Дочь графа Толстого [316] объяснила, что я и кто я, и так мне удалось побыть калифом хоть на минуту. Обедал у Венецианова [...]. Вечер пробыл также у Венецианова. Возвращаясь домой, заходил к Брюллову, но он уже спал.

5 апреля [...]. После чаю отправился в галерею, докончил контур Лаокоона и нарисовал торс Геркулеса Бельведерского. Не думал я, чтобы этот торс был так труден: посмотреть — так глыба гипсу, как не нарисовать? Ан, теперь вижу, что в этой глыбе сидит столько ума художника и столько натуры в произведении красоты форм, истина в значении и мягкость в лепке. Не удивительно, что Рафаэль уважал его и имел в своей мастерской.

---

* *В тексте рисунок пером.*

** *В тексте рисунок пером*

Выходя из класса, повстречал на коридоре Брюллова, он шел в класс, но, как классы уже кончились, то мы пошли домой. Дорогой заходил он в те коридоры, где, как говорит он, во время оно работал он украдкою. Он уходил туда от шуму, для внимательного изучения. Недолго я оставался у него [...].

6 апреля. [...] Утром в галерее рисовал я торс Бельведерский до головокружения. Это было еще в первый раз. Здесь же получил я два письма, одно от Михайлова, другое из дому. И удивительно, за десять минут до этого думал я о поездке своей в Малороссию, останавливая мысли на том, где мне отыскать в Москве Фед[ора] Федор[овича] Графа [317]. Воображал его лицо, сравнивая с лицом Амалии, думал об ней, и в продолжение мыслей этих застало меня письмо ее. [...]

Сегодня был Брюллов в натурном классе и начертил мой групп и превосходно.

Вечер провел я у Гербаневского [318].

7 апреля. С девяти до трех рисовал в Античной [галерее], чертил торс Бельведерский. В классе натушевал головку и ручку с натуры [...], едва только прилег, как прислал за мной Брюллов, Делать было нечего, по его делу я готов встать из гроба, не только с постели. Оделся и пошел. Он был один и поэтому хотел провести вечер со мною, но мне нужно было идти к Плетневу, и я, давши слово к 11 часам прийти опять к нему, ушел. У Плетнева, как всегда, провел я время преприятно и точно к 11 часам пришел к Брюллову. Скоро ушли мы наверх, он лег в постель, и я почитал ему «Блевотник для чтения», как называет он «Библиотеку для чтения» [319]. Но скоро завязался у нас разговор, и мы проболтали до часу. Говоря о живописи, он советовал мне, когда я буду в Малороссии, написать с натуры части — отдельно, и как можно строже.

Апр[еля] 8. В четверг. Утро, по обыкновению, провел я в галерее, после класса пошел к Венецианову. В продолжение дня ничего особенного не случилось.

Апр[еля] 9. В галерее работал я с необыкновенным удовольствием. [...]Я нарисовал фигурку музы и спину торса Бельведерского*, весьма удачно.[...]

После класса ** прислал за мной Вас[илий] Иванович, посидели и побалакали с ним до 11 часов, от него пошел я к Брюллову. Рад был он очень моему приходу, тем более, что, проспавши от пяти с полудня до 10, предвидел он бессонницу. Мы пили чай, читали, шутили, однако часу в первом меня начало потягивать. Зевок за зевком, я начал собираться домой, так что и думать, вцепился он в рукав и ни за что не пускает. Сиди да и шабаш! «Еще рано, что за сон. Вздор, врете, не спать идет, а верно на условленное свидание!» и проч[ее], и проч[ее]. Делать было нечего, остался я еще с четверть часа, и опять за фуражку. Он снова стал меня удерживать всячески, и бранился, и сердился, и смеялся, кричал и грозился силою не пустить. Но, когда я жаловался на сильную головную боль, что действительно было правда, тогда он с жаром воскликнул: «Тем лучше! Жар в голове, сильная раздражимость нужны художнику, черт возьми! В этом-то состоянии он и творит!» — «Правда — отвечал я, — однако же морить себя противу сил нет надобности, художество не требует таких жертв и не знаю еще, действительно ли болезненное состояние способствует силе творческой. Мне кажется, лучше, если при творческой силе будет и хорошее здоровье». Тут он понизил голос и сказал: «А, так вы хотите быть здоровым, так идите спать!» Я схватил шапку, да и марш до хаты.

10 апреля. [...] Жаль мне стало, что я вчера так жестоко состязался со своим ментором. И подлинно, [...] если [...] я говорил с ним не по форме, то он сам виноват, ибо слишком наступательно действовал он против моих слабых сил и требовал

---

* *В тексте два рисунка пером.*

** *В тексте рисунок пером.*

от меня слишком многого, без малейшей уступки и снисхождения приятеля или великодушия повелителя. Он мой профессор, это, правда, долг ученика, но не это нас связывает. Он — человек, которого полюбила * душа моя еще ** до приезда его в Петер[бург], ждала его с нетерпением и, когда он приехал, то со сладким трепетом дожидала свидания с ним. Одной минуты достаточно было на то, чтобы полюбить его навсегда. Узнавши его более, я привязался к нему всем существом моим, он сделался необходимым для меня, видеть его, быть с ним сделалось потребностью. Это все равно, если бы я жил в кругу семейства — и не видеть день друзей своих, было бы для меня просто невозможно, не по привычке, а по чувству, точно так, как творить молитву ежедневно. Следовательно, отношения мои к нему не ex officio, sed a senso ***, хотя он сомневается в искренности моей преданности [...]. Это очень легко объяснить. Это сомнение и подозрение происходят от недоверчивости вообще к людям. [...] Для него **** нова такая привязанность в человеке новом, чужом, когда он в жизнь свою даже от родных братьев не видел такой любви. Много есть тут психологических причин, которые мне не годится исследовать без особой причины, тем более говоря о себе.

От Василия Ивановича пошел я домой и не успел еще сбросить плаща, как лакей от Брюллова пришел за мной. «Ну вот,— думал я,—будет мне...***** всенощная». Застал его погруженным в чтение «Библ[иотеки] для чтения». Где был и что делал — все расспросил, велел подать чаю, пред[ложил] цигару, стали балакать о том о сем. Он заметил, что я выбрился, смеялся и тру-

---

* *Далее зачеркнуто:* ждала.

** *Далее зачеркнуто:* прежде.

*** По обязанности, по чувству *(лат.)*.

**** *Далее зачеркнуто:* занимаясь только в мастерской и в обществе.

***** *Далее не разобрано одно слово.*

нил, что вот выбрился, дескать, нарочно для портрета. «Но нет, на что вам портрет, пополнеть сперва надобно и проч[ее]». Пустяки стал рассказывать, досадно, право, что он так меня за нос водит, вызвавшись сам. (То-то ведь... Ну, бог с ним.) [...]

Страстная. Воскр[*есенье*]. Утро, до двух просидел я дома, а там отправился на обед к Казадаеву, где, если бы старик не догадался показать мне издание генера[ла] Строганова, пропал бы я со скуки [320]. [...] Пошел к Венецианову, пил с ним чай и пробеседовал со стариком до половины 12-го. Филичка играла мне из «Отелло» и прекрасно [321].

Понедель[*ник*]. Рано поутру пришел за мной Брюллов, зачем? А вот так, потолковать. Вечером, в 10 ч[асов] заходил к нему, да он улегся уже спать. Поутру был в церкви, в галерее нарисовал торс [...].

Вторник. Еще рано поутру, в шесть часов, прислал за мной Брюллов. За всем тем, что мне сильно хотелось спать, я с удовольствием оделся наскоро и пошел к нему. Милый профессор мой стоял у окна и стерег Неву, дожидаясь минуты, как она тронется. [...] Утро было прелестное, с ранним солнышком зашевелились человечки. Проходившие мимо нас были внимательно нами замечаемы, по походке и движениям их делали мы догадки о предметах, занимавших их мысли. Многие из них были чрезвычайно оригинальны, бесхарактерность других резко оттеняла интересную их сторону. [...]

От Брюллова пошел я к Дементьеву, и вместе отправились ко мне. Мне вздумалось нарисовать его портрет, мы сели, к обеду портрет был готов. После обеда я рисовал бюст Брюллова [322]. Вечером пил я чай у Брюллова, после чаю ушли наверх. Каролус лег в постель, а я читал ему «Квентина Дорварда» [323]. [...]

Сегодня *среда*. Начал я день так же, как вчера: с утра до обедни — у Брюллова, после обеда рисова[л] его бюст. [...]

Чай пил с парубками Сошенком и Шевченком [324] в трактире, вот и все.

15 апреля. Поутру, часу в десятом, у обедни. После обедни рисовал бюст Брюллова, но чрез[вычайно] неудачно. Я изорвал рисунок.[...] Вечер провел у Брюллова en trois * с Тур[геневым] [325]. [...]

В первом часу, *18 апреля*, после первой пушки пошел я в Академи[ческую] церковь, где отслушал заутреню и обедню. [...] В восемь я был опять на ногах, оделся и пошел с поздравлениями: был у графа Толстого, у Григ[оровича], у Бруни, у Брюллова и Егорова, Ухтомского [326], у Мартосовых и у Теребенева, идя к Венецианову, зашел к Бриеру де Мартре, который между прочим разговором не забыл упомянуть о том времени, когда он был камер-пажем е. и. в. Павла Петровича [327]. У Венециан[ова] обедали ** братья Крашенинниковы, Вишневецкий и я. [...] В десятом часу прислал за мной Брюллов.

28 [*апреля*]. Праздниками, по случаю прохождения льду, я не был на той стороне. Сидя на острову, я бывал часто у Венециановых. В день рождения Александры Алексеевны, вечером, был там и Брюллов. Превесело провели мы время. Карл Павлович милым обращением своим и любезностью оживлял нашу компанию. Катенька Ставассер пела для него романсы, Леночка отличалась игрою на фортепьяно, потом протанцевали мы кадриль, вальс и мазурку и, утомившись донельзя, в 12 часов разошлись по домам. В день *** именин был я опять [328]. Брюллов же, хоть и дал слово прийти, но пошел к Мельниковым. Там застал я Орлова, Захарова, Вишневецкого и Тыранова, мистер[а] Менцова и Черлицкого. Долго просидели мы, забавляясь всячески [329].

В воскресенье, 24, обедал я у Венециановых один и, оставшись до 12-го часа, право, не хотел уходить от них, так приятна была наша беседа за чайным столиком.

---

* Втроем *(франц.)*.

** *Далее зачеркнуто:* Сер[гей].

*** *Далее зачеркнуто:* рождения.

В четверг, кажется, были мы с Брюлловым у Мартосовых, но безжизненность компании и какая-то особ[ая] скука скоро погнала нас домой.

Сегодня повторилось для меня удовольствие, которым я так часто наслаждался в декабре: у меня обедал сегодня Брюллов. Около часу пришел он и, жалуясь на голод, требовал есть: «Хоть хлеба дайте пока! Не могу я никак одинаково проводить дни и одинаково обедать. Пошлите-ка за кушаньем, и мы пообедаем славно, без претензий и церемоний». [...] С нами обедал Иван Тимофеевич Дементьев, который предпочел обед у Стромилова [330] компании с таким человеком, и мудрено ли? Брюллов был чрезвычайно весел и любезен, рассказывал нам про Италию и при случае садился на своего любимого конька, доказывая все по физике, оживляя свой рассказ чудною мимикою и подражанием. После обеда легли мы немного отдохнуть. Да, сперва заставил он меня читать Юнговы «Ночи», которых назидательность и отвлеченность и, всего более, чрезвычайно дурной перевод усыпили его [331]. В шесть часов проснулся он, и мы пошли к нему пить чай. Пришел Зауервейд, [332], утащил его к себе на чай, а я пошел к Плетневу [...]. У Плетнева застал я Воейкова, Арсеньева и Владиславлева, беседа таких людей была чрезвычайно интересна. Потом пришел сенатор Сухарев, старик бывалый, пересказал нам много любопытных вещей из запаса, собранного им в жизни на видных постах, занимаемых им в разное время [333].

29 [*апреля*]. Утро просидел я за бумагами, заходил раза с два к Василию Ивановичу, был у Брюллова, у Шебуева. Все хлопотал о потребностях, необходимых для вояжа [334]. Часа в два зашел еще раз к Брюллову, застал его обедающим, выпил у него рюмку водки, закусил и, как он улегся отдохнуть, я пошел обедать. После обеда отправился я к Кандыбе [...]. Он скопировал «Христа, несущего крест» а la Карраччи и еще группу русалок, не знаю, с какой-то дрянной копии с плохого оригинала [335]. В обеих его копиях видно много дарования. Учась без руководства,

он пишет довольно приятно. Колорит его не всегда верный, но в тонах часто много натуры. Допоздна просидел я у него. Возвращаясь от него, зашел к Дементьеву, там застал Викт[ора] Андре[евича] Трипольского и Шевченко. [...]

30 апреля. Этот день прошел для меня приятно и чрезвычайно разнообразно. Напившись чаю, зашел я к Брюллову. Узнав, что я намерен идти в Гостиный двор, он поручил мне купить для него золотой крестик, его пригласил кто-то крестить дитя. Итак, не долго думавши, отправился я шляться. Со мною был Piero Gudimo. [...], я зашел к Сапожникову, этот прекрасный человек принял меня чрезвычайно ласково, побеседовал со мною полчаса то о своих, то о моих занятиях. Он немалое изъявлял сожаление об том, что Брюллов не пишет о сю пору порт[рет] импер[атора] [336].

Хутор Александрия [337].

31 мая. Вот уже двенадцать дней как я дома и не мог о сю пору продолжать свой журнал. Пора, хоть с июня надобно аккуратно вести повесть пребывания моего дома. 19 числа, после трудного пути, прибыл я к цели своего путешествия. После 13-дневного пути обнял я, наконец, своих друзей.

Россию проехал я без особого чувства: бедность природы, незанимательность предметов — дождь, грязь, редко хорошая погода — все это гнало мои мысли вперед. Однако ж не буду неблагодарен, были минуты истинно приятные — свежий воздух, восход и заход солнца, лесистые места восхищали меня и моего доброго товарища, но истинно поэтическое удовольствие испытали мы от второй станции, по выезде из Калуги. Чудесный вечер, лес и овраги, лихая тройка, молодец-ямщик и особенно приятный звон колокольчика расположили души наши к необыкновенно сладким ощущениям. Самый разговор наш гармонировал невольно с настоящим положением.... Но полно о вояже!

Дома первые дни я не мог опомниться, где я и как сюда попал. Воспоминания оставленного в Петербурге не покидали меня. Настоящее счастье — это любовь и искренняя готовность доставить

мне все выгоды и удовольствия — было так ново для меня, я так зачерствел и отвык от подобных приемов. [...] В столице расточал я искрен[ность], а плоды собираю здесь.[...] Занятия мои начинаются постепенно, я рисую каждый день с натуры.[...]

Сегодня встал я около шести часов. Утро было пасмурное, ночью шел дождик. Начались сборы и проводы Варвары Васильевны. После завтрака ходили мы с дядей в поле к косарям. Сколько приятнейших воспоминаний детства пришли мне на мысль при виде косовицы. Золотое детство со своими невинными играми и восторгами возвратилось для меня на мгновение. Степь, пространное небо, роскошная трава, благовоние цветов — Петербург, живопись, Брюллов... Но этого недостаточно, когда душа просит того, что ей не дано.[...]

После обеда проводили мы В[арвару] В[асильевну], без слез не обошлось. Вечером моя Мальхен сидела подле меня и шила, а я читал «Джулио Мости». Нарисовал потом ее с Юлией и сделал очерк дяди [338].

Июнь.

2 июня. Встал я поздненько, после чаю рисовал ездового, потом затеял писать его, пасущего гусей. Пошел на хутор, подсел к гусям и стал чертить их с натуры. Гулявшие здесь дети, подстрекаемые любопытством, окружили меня, расположились на траве. Пользуясь их внимательным спокойствием, я стал чертить их всех, и вот они, наперерыв, садились в позицию и преохотно высиживали смирно на натуре. Штук семь нарисовал я в продолжение двух, не более, часов.[...]

3 июня. Сегодня, против обыкновения, встал я в пять часов. Одевшись, разбудил дядю, и мы отправились с ним ходить по работам. После чаю рисовал я немного, после обеда начертил Мальхен в профиль.[...] За чаем забавляла нас Юлинька своею пляскою, и я не упустил этого милого случая, начертил ее с мамкой. Довольно удачно схватил движение, надо вырисовать. [...] Возвратившись с поля от косарей, застали мы брата Сашу и

Родиона. И вот, после ужина мы расположились рассматривать чертеж Брюллова [339].[...]

4 [*июня*]. Рано встал, да что в том. Се да то, сбили на то, что я за весь день успел нарисовать бюст из Флаксманова Гомера [340]. Приехал Василий Иванович Маркевич с Ул[ьяной] Афан[асьевной], Николай Иванович [Григорович] [341]. По обычаю нужно было находиться при гостях, и только урывками приседал за работу. Вечером гулял в поле, рисовал закат солнца, которое садилось очаровательно красиво.

5 [*июня*]. Целое утро собирался я писать. Наконец, выпроводив дядю, отправился в баню и засел там работать. Подмалевал закат солнца, припоминая колорит. [...] Вечером занялся грунтовать бумагу[...].

15 [*июня*]. Ровно десять дней не писал я в своем журнале. 7 числа, вечером, отправился я в Пирятин. Писал портрет матушки Василия Ивановича Григоровича [342]. 8 числа приехал туда Евгений Гребенка и привез известие, что В[асилий] И[ванович] едет в Малороссию [343]. Это чрезвычайно обрадовало старушку, так что и для портрета сидела она веселее.

8 числа были мы на еврейской свадьбе. [...] Я собрался идти на толоку рисовать виды города, за мною пошел и Николай Иванович. Только мы, идучи, балакали, балакали, я чертил на привалах. Зашли мы к цыганам[...], оттуда зашли к Новицкому, там познакомился с Кулишем [344]. Новицкий, повинуясь своей страсти дарить, подарил мне шкатулку. [...]

9 числа [*июня*]. После обеда, окончивши занятие, пошел я к Любицкому [345], не застав его дома, отправился к Белоусову. Тут мы втроем провели вечер преприятно.[...]

10 [*июня*]. Поутру рано, в четыре часа, когда хозяева мои спали, я отправился со своим оруженосцем в квартиру. Дорогой срисовал фас нашего дома с улицы, что упирается в Лубенскую. Хотел было еще что-нибудь начертить, да дождик помешал. [...] Это, однако же, не мешало мне после обеда выехать в Антоновку. Дорога была предурная. Дождь кропил меня от двора до Но-

вой Гребли. Лошадки измучились так, что едва тащились. Иван Иванович, спасибо ему, велел припречь своих пару, и вот я четверней разношерстных прикатил в Антоновку. Молодой был очень рад моему приезду, встретил меня, как старинного приятеля, повел к гостям [346][...]. Григорий Степанович встретил меня по-приятельски, расспрашивал о Петербурге, о Брюллове, о Васил[ии] Иванов[иче].

Вчера поутру писал я портрет Галенки [347], вечером начал дядю. Сегодня продолжал портрет дядин и начал портрет Мальхен. К счастью моему, кажется, попал на след к сходству — вот будет радость для меня, если удастся кончить успешно! Рисуя контур ее головки, я всматривался в эстамп головы божией матери Рафаэля (что в кругу) [348] и как будто отыскивал сходство в ее чертах. Писал Амалию, писал довольно рассеянно, но в подмалевке совершенно ее выражение.

17 [*июня*]. Вчера поутру писал я дядю. После обеда получили мы известие, что Васи[лий] Иванович приехал на родину. Ответ был таков, что мы тотчас приедем сами.[...] В два часа выехали мы.[...]

5 августа. Ни один день моего пребывания дома не кончался так приятно, как сегодняшний. Причиной этому было успешное писание портрета Мальхен.

В понедельник принялся я доканчивать маленький ее портрет, но сколько ни старался, труд мой был напрасен. В портрете не только не являлось сходство, но самая живопись была предрянная. И писал я так несвободно, как будто в первый раз держал кисть в руках. Я злился, срывая досаду, не понимал, что со мною сделалось. И после нескольких неудачных приступов все запачкал рукою. Неужели, подумал я, потеряв столько времени и причинив столько беспокойства Амалии, останусь я без портрета? Но, признаюсь, после стольких неудач начинать новый портрет был риск большой, потому что неудачи те были следствием незнания. Это сильно опечалило меня, но вдруг какая-то бодрость подкрепила мое желание и надежду. Я пожелал

сильно, был уверен в успехе, приготовил холстик, начал. Контур нарисовал очень верно, сходства было много, но я боялся утратить его в красках. Первый сеанс был удачен, второй тоже, в третий — чуть было не испортил дела, решась придвинуть правый глаз к носу. Беда на волоске висела, однако же вывезло, слава богу! Я успокоился. Сегодня же прошел все лицо и подвел грунтик. Когда контуры лица и головы обозначились, то в портрете явилось сходство и сила, колорит еще не совсем верен. Трудно, чрезвычайно трудно писать при таком глупом освещении, как у меня в комнате. Аршинное окно, посаженное на аршин от полу, комната бела, и другие неудобства *, а главное неудобство — малое мое знание. Однако же, благодаря богу, нет причин отчаиваться. Сходством все домашние довольны, а как я доволен, того и описать не в состоянии. [...]

3 октября. 17 сентября приехал я в Петербург, это было ночью, часу в первом. Обломавшись верст за полтораста до Петербурга, мы ночевали в Спасском Полесье, и, выехав оттуда после девяти часов, мы, как ни гнали, не могли приехать раньше. В Спасском Полесье нарисовал я портрет прехорошенькой немочки [...] Из конторы отправился я прямо к Брюллову, но как он уже спал, то я, осмотревши его мастерскую, пошел толкаться к Василию Ивановичу [349]. В тот вечер были у него гости и только что разошлись, почему некоторые из домочадцев еще не спали. Меня встретили с радостию, накормили, напоили и спать уложили. Поутру пошел я к Карлу Павловичу.

Вообще со дня приезда моего все мне здесь благоприятствует: расположение добрых людей, приятные встречи, удачное исполнение желаний, успех в деле, но сегодня — день чудесный. Поутру навестили меня деточки: Греб[енка], Свечка [350] и Гудима. Потом пришел Алек[сандр] Крашенинников. С ними пошли мы к Вас[илию] Иванов[ичу], и там я восхищался работами вели-

---

* *В тексте чертеж пером.*

кого Лебедева [351]. Я понял его взгляд на природу, и у меня возродилось сильное желание писать пейзажи. Получил записку от Киреева, Кандыба принес 150 рублей. Приехал Киреев, пошли по галереям и в мастерс[кую] Брюллова. Потом, боясь опоздать, я оставил милых своих гостей (м-ль Кальбрехт), ныне m-me Киреева, и уехал к Шлиссельбургс[кой] заставе. [...]. У Бенземан встретили меня по-прежнему. Еще до обеда провели мы часочка два преприятно. Мери чудо, золото девица. Как она обрадовалась, милочка, увидевши меня. [...]. Я рисовал. [...] Домой привез меня Николай Адольф[ович]. [...]

4 октября. Поутру классные занятия с натуры. Вечером, после класса, пошел я ходить. Вечер был прекрасный. Туман, покрывавший Неву, скоро исчез, и светлая луна свободно лила свои струи на волшебную нашу столицу. [...]. Время клонилось уже к 11 часам, я думал уже ложиться спать, как прислал за мной Брюллов. С цигарками расположились мы покойно и завели предлинный разговор. Много прекрасного говорил он касательно организации нашей души и развития способностей, о взгляде на искусство, о «Моисее» Микеланджело [352], о Карраччи и о друг[ом]. «Comprenez vous? — Si, signor!» *

6 октября. Вчера обыкновенные классные занятия шли своим порядком. В десять часов поутру пошел я к Брюллову, напомнил ему обещание его прийти в класс. И точно, пришел он, смотрел мою работу, нашел сделать замечание и все же насчет планов. Вечером, часу в десятом, прислал он за мной и продержал до половины 1-го. Тоже, по обыкновению, удерживал еще, но я отпрашивался, это его сердило, тем более хотелось ему, чтобы я остался, что вздумалось начать новую книгу — «Р и м и К а р ф а г е н» [353]. (Обещал нарисовать портрет.) [354]

Сегодня утром [...] в 11 часу пришел Бенземан и к 2 часам я кончил его портрет. Вечер после классов был у Плетнева и там познакомился с Деларю [355].

---

* Понимаете? *(франц.)*. Да, синьор! *(ит.)*.

7 октября. Поутру подмалевал я головку Яна Усмовича[356]. Брюллов прислал за мною, зачем? А вот так. «Желал,— говорит,— видеть вас и сообщить вам вчерашние мои похождения, причем я чувствовал себя совершенно в Риме, прекрасно ел, пил... И вот желая передать свои ощущения другому, не нашел никого достойнее вас. Comprenez vous?» — «Si, signor! Однако же мне некогда, я занят в классе, прощайте, благословите, пойду в храм искусства. Вы, как жрец, коснитесь рукой главы моей». И он рукоположил меня, лежа раздетым в постели.

Обедал у Василия Иван[овича], после класса нарисовал Карраччи и начал письмо к Плахову.

14 окт[ября]. Вчера, после класса, пошел я к Вас[илию] Ивановичу. Туда пришел Гайвазовский и стал пенять мне, что я не у Кукольника, там, говорит, много интересных людей. И в самом деле, что долго думать? Было не более десяти часов, я оделся и пошел. И точно, застал там кучу всякого рода: музыканты и поэты, певцы, ораторы, операторы и живописцы, булы и штацки и военни. Лоди, Глинка, Алединский, Пеликан, Петров...* Чернышев. Играли и пели чудесно. Чернышев сказал свою сказку про царя русского и царя немецкого. Петров спел разбойничью песню «Не слыхал я»[357]. Очень приятно провели вечер, в 12 почти часов разошлись мы. Прихожу домой, мне говорят, что Брюллов присылал за мной. Делать нечего, пошел я.[...]

Поутру[...] был у В[асилия] Ив[ановича], у Бруни — пришел домой и стал поджидать своих дам[358], пришло то время, их нет. Я начал тревожиться, наконец, теряю надежду. Вдруг неожиданно приезжает Ив[ан] Адо[льфович] и уведомляет меня, что они скоро будут. И точно, не прошло полчаса, как они приехали, но прямо к Брюллову. Позвали меня туда, пришел скоро сам Брюллов, принял их очень мило. От него пошли мы по гале-

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

реям. После пошли смотреть «Моисея»[359] Бруни, да, были у «Помпеи».[...]

17 *окт*[*ября*]. *15-го*[...], зашел я к Ладурнеру, посмотрев его вещицы, зашел к Бенедиктову. Не застав его в квартире, велел сказать ему, что буду у него в семь ч[асов] вечера. И точно, после класса отправился я к нему. С каким удовольствием провел я этот вечер! Как искренно делились мы чувствами, как разнообразен был наш разговор. Поэт читал мне свои стихи, [они] тронули меня до глубины души возвышенностью чувств своих и благородством идей. В его стихах, в брильянтовых стихах — везде отблеск чистоты и непорочности его мыслей[360]. Его любовь — не пагубная страсть, а нежное, возвышенное чувство, освещенное верою в провидение. После чтения стихов долго беседовали мы об изящном и кончили вечер разговором о Брюллове. Незабвенный вечер!

Суббота. [...] Идя домой, сошелся с Струговщиковым[361], он, слово за слово, проговорился, чтобы я у него отобедал. Затянул к себе, угостил, показал жену и дочь. И я просидел у него с часочек после обеда, вышел с прекрасным уроком — не жениться рано, особенно на старухе. Беда с молодыми людьми, которые не вовремя задумают быть стариками, вечно невпопад! [...]

18 *октября*. Вчера обрадовал меня Штернберг своим возвращением. Малороссии обязан он как развитием своего таланта, так и сохранением тех прекрасных чувств, которыми его одарила природа[362], и тех впечатлений, какие заронены в юную его душу нежным воспитанием. Когда ушел Штернберг, пришли ко мне мои земляки — Гудима, Гребенка и Маслов, и маленький Свечка.[...] Наконец, пришли ожидаемые гости: Евграф Тимофеевич[363] с племянником. Принялись мы за дело, но нежданный и нежеланный Струговщиков своим приходом помешал нам заняться как должно, да и смеркаться стало.[...] Оставили мы до следующего воскресенья и расстались. После обеда тотчас отправился я навестить бедняжку Андрея Бородина, у него жена при смерти больна[364][...] Во время моего отсутствия она так часто вспоми-

нала обо мне, говорила, что вот приедет наш Мокрицкий и напишет мой портрет.[...]

Я счастлив и тем, что мог черты твои хоть слабо положить на бумагу.[...] Принимая искреннее участие в ее положении, я вспомнил о докторе Пеликане. Сообщил несчастному супругу свое намерение и поехал к Пеликану просить его навестить больную. У него был Комитет, и потому не мог он принять меня, назначил завтра. И вот я сегодня поутру был у него, просил посмотреть больную, и если нет более средств возвратить ее к жизни, то хотя продлить ее существование.[...]

Оставивши жилище скорби, я пошел к Бенуа[365], как он рад был моему приходу. Добрый человек, я не ошибся в нем с первого взгляда. О многом мы толковали с ним[...], ушли вместе из дому смотреть новый мост, которым я еще за полчаса любовался. Новый, только что отстроенный, чугунный, со всей роскошью нынешнего вкуса мостик рухнул под своею тяжестью, как подкопанный. Каково на сердце у бедного инженера, строившего его. Не дай бог никому испытать подобного чувства! [...] На натуре у нас*, Варнек ставил на экзамене.

20 окт[*ября*]. [...] Занятия мои шли удачно, это радовало меня. Василий Иванович, посмотревши моих стариков, велел выдать мне 100 рублей в счет работ. Брюллов ходил по классам, видел мою работу и остался очень доволен. За небытностью Яна Усмовича, я, не имея, что писать в картине, начал Велизария[366] и написал голову, которую, хотя и разбранил по косточкам Бруни, однако же головка все еще не так дурна. И вот все радовало меня. Не знал я, что меня ожидает страшная печаль. После вечернего класса, где также я работал с удовольствием, поехал я навестить Андрюшу. Что же?** Наш ангел отлетел! Нежная супруга его скончалась![...] Пеликан не застал уже ее. Когда ему

* *В тексте рисунок пером.*
** *Далее зачеркнуто:* наконец.

сказали, что она умерла, он призадумался, вздохнул и вышел.[...]

21 октября. [...] В десять часов ушел я от Готовцева и поехал к Кукольнику. Там застал кучу гостей, Брюллова, Бруни. Как обыкновенно, пели, играли, беседовали. Тут я виделся с ...*, спустя более года. В 12 часов я, Брюллов и Гайвазовский, вместе с другими, ушли. Брюллов вздумал ужинать, и вот мы зашли в немецкий трактир и преприятно провели часочка полтора. Брюллов был очень интересен, беседовал с нами о предметах, касающихся искусства, рассказывал про Италию и проч[ее]. Идучи мимо кв[артиры] Кукольника, вздумал он зайти еще хоть на минуту, мы взошли. Стол был накрыт, сели ужинать, приглашали и его, он отказался. Я торопил его идти, Платону это не понравилось, все восстали против меня, что я, уводя его, лишаю их удовольствия. Однако же я не переставал просить его идти домой, и он согласился, несмотря на сильное восстание пьющих и вопиющих [367]. Мы ушли. Пришедши в Академию, я должен был проводить его в квартиру, ну и только в 3 часа мы расстались [...].

Поутру, в четверг [...] после вечернего класса, поехал к Андрюше, он очень обрадовался моему посещению. Мы просидели вместе часов до 10, от. Впрочем, чуть было не попал я в театр. Моллер взял меня [с] собой из класса, приглашал в ложу, но я предпочел навестить своего доброго Андрюшу и очень хорошо сделал.[...]

9 ноября. [...], прислал за мной Брюллов, приглашал идти в кунсткамеру [368], но я, предположив начать портрет Марии, отказался и, действительно, пришедши домой, принялся рисовать. Работа шла очень удачно. Нарисовавши контур головы, я начал писать красками.[...] Вечером, после класса, были у меня Штернберг и Гайвазовский. Мы играли на скрипке, танцевали, пили чай и

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

беседовали. Гайвазовский начал дремать, мы услали его спать. Штернберг остался до позднего вечера, и мы с ним толковали о многом, многом.[...] Последний наш разговор был об Алекс[андре] Данилевском, о нашем первом знакомс[тве], о детской приязни, о последовавшем за оной разладе нашей дружбы, которая держится, однако, на тоненьких жердочках.

13 ноября. Вчера утро началось прекрасно. После чаю я принялся читать евангелие. Пришел Гайвазовский, подсел ко мне, слушал сперва рассеянно, потом приковал свое внимание к божественному слову Спасителя и чувствовал неизъяснимое удовольствие. Мы читали Еванг[елие] от Иоанна — об умовении ног и до начала истязания Спасителя. Настроенные таким образом, пошли мы к Бруни смотреть картину «Моление о чаше»[369]. Долго мы пробеседовали, рассматривая божественное произведение великого художника, который был, кажется, весьма доволен посещением нашим, просил нас чаще. Довольные, мы вышли от него.[...] Читал также Тика — «Размышления о худож[никах]». [...] Принялся за портретец Марии, пописал немн[ого] лицо, подмалевал драпри и весь верх картинки[370].[...] Теперь сижу я и перевожу из Клопшт[ока] «Мессиады». Впрочем, петухи перекликаются, верно, уже за полночь.

21 [*ноября*]. [...] Вчера [...] только что приготовился писать своих стариков, как прислал за мной Брюллов Гайвазовского с приказанием тотчас явиться к нему. Я колебался, идти ли к нему или сказать, что меня дома нет, однако же первое движение взяло верх, я пошел, и что же? Бесценный мой профессор встретил меня с чрезвычайными реверансами, велел остаться с ним и праздновать торжественный день у него, оставя все работы. Делать было нечего, нельзя было противоречить на такое милое приказание. Я остался. Профессору угодно было, чтобы мы приготовили для него завтрак. И вот мы послали за различным снарядом и принялись стряпать на кухне. Интересно было видеть Гайвазовского, как он жарил сосиски, и меня, приготовляющего картофельный салат с разными вкусными припра-

вами. Когда все было готово, мы понесли наверх, где встретил нас хозяин с восклицаниями, какие только свойственны человеку очень голодному. С нами был Яненко, не замедлил прийти и Кислинг [371]. И мы принялись истреблять вкусный завтрак, запивая хорошим вином. Брюллов предложил тост за здравие государя, потом — за здравие честной компании. Спорили, шумели пристойно. Прекрасно проходили часы. Брюллов рассказывал виденную вчера пьесу «Кин» и чрезвычайно живописно представлял роль Кина [372].

Гайвазовский вспомнил вчерашний наш спор о Лебедеве, предложил на суд Брюллова, который решил в мою пользу [373]. После этого лег он на постель, покурил немного цигару, начал дремать. Мы ушли. Куда идти? Пошли ко мне, побеседовали еще с полчасика, продолжая тот же разговор, и решили тем, что нужно согласовать все это окончательно за рюмкой вина. Пошли в гостиницу, велели подать себе бутылку Донского и договорились, наконец, до того, что не худо завершить денек в театре. И действительно, отправились смотреть «Жизнь за царя» [374] — слушали с удовольствием музыку и пение, хлопали, вызывали актеров и отправились, наконец, ко мне пить чай. В 12-м часу мы расстались.

1838 ГОД

Феврал[я] 24 1838 года. Жалею, да что же делать, я не в силах еще торжествовать над обстоятельствами и не всегда умею заставить себя, отогнав досаду, приняться за перо и в дневник вынесть несколько строк, которые по прошествии нескольких лет оживят в памяти моей прошедшее, испещренное в памяти моей приятными и неприятными впечатлениями. Канва, по которой игла времени и обстоятельств вышивала узор нашей жизни.

Вот уже в новом году было много, что стоило быть сохранено в памяти моей, но об другом позже. Теперь опишу 23 февр[ал[я]— как редкий для меня день.

С утра я уже был в мастерской. Брюллов продолжал портрет Демидовой. Большая картина «Христос» ждала высшего вдохновения[375]. По временам обращался он к картине, смотрел на нее пристально и опять подходил к портрету, оживавшему более и более от каждого прикосновения гениальной кисти художника. В этот день, как и в продолжение всей недели, как он начал писать Христа, столько я видел и слышал от него касательно искусства, что нужно довольно времени, чтоб привести в порядок, тем более в тетради.

Высокие истины таинств искусства целыми массами входили в мой ум, еще, может быть, слабый и не готовый принять и постигнуть то, что с такою легкостью льется из души гения. Мало писал он сегодня, докучливые посетители мешали ему. Это сердило его, он бранил нас и весь свет и велел запереть студию на ключ. Заперли, но надолго ли? Пришел Зауервейд и, ходя мерными шагами, начал расточать похвалы, на которые он всегда щедр tête a tête *.

Он говорил, что в[еликая] княжна Мария Николаевна желала приехать взглянуть на «Христа»[376]. Это несколько встревожило художника. И в самом деле, больной, в халате, небритый, да и карт[ина] еще не подвинута. «Что тут смотреть,— сказал,— лучше бы повременили недельку, две».

Скоро приехал Жуковский, приятно было видеть, с каким благоговейным восторгом стоял он перед картиною, и, сильно тронутый выражением головы Спасителя, он обнимал художника, поздравлял его с счастливым исполнением идеи. И подлинно, чего еще недостает к созданию этой великой картины, которая по сюжету и выполнению станет наряду с первыми произведениями бессмер-

---

* С глазу на глаз, наедине *(франц.)*.

тных живописцев. Спустя полчаса как приехал Жуковский дают мне знать, что поэт Кольцов у Васил[ия] Ивановича. Об этом сказал я Брюллову и просил позволить представить ему степного певца, сочинения которого любил художник. Он стал было извиняться, что не может теперь, что ожидает велик[ую] княжну, но Жуковский молвил слово в пользу Кольцова, и я ввел в студию дорогого гостя. Василий Андреевич отрекомендовал его Брюллову и тотчас, обращаясь к картине, сказал: «Вот тебе сюжет, Алексей Васильевич, выскажи его прекрасными стихами!» Но пораженный поэт, казалось, не слышал слов. Он смотрел на гениальное творение, и слезы душевного восторга дрожали на глазах, устремленных на картину. Его восхищало также первое свидание с великим художником, которого жаждал он видеть. Благодаря художника за счастие, которым он подарил его, Кольцов, вручая ему экземпляр своих сочинений, просил принять посильный дар от трудов своих. Здесь было еще одно рукописное сочинение. Жуковский, любопытствуя, раскрыл. И что же? Это было новое его сочинение «Великое слово», в котором распятый Христос выражал собою предвечное слово: «Да будет!» «Как кстати!» — сказали мы в одно слово. Жуковский прочел вслух. Можно себе представить, каким чувством все мы были проникнуты в эти незабвенные минуты! [377].

20 марта. Вчера утром, после 8 часов, отправился я в мастерскую рисовать там начатого в пятницу Спасителя [378]. Брюллов еще не выходил из спальни. В тишине, спокойный духом, рисовал я, между тем как ошибки то ползком, то бочком врывались незаметно в пространство, обведенное контуром, второпях прятались то в боках, то в руках, и когда предшествуемый облаком дыма от цигарки вошел Брюллов: «Здравствуйте, милост[ивый] государь! Что у вас? А? Какая гадость, батюшка! Послушайте, я попробую сечь вас! Это вон куда идет, разве не видите, что это повисло. Здесь облегчить! С оригинала вам рисовать, а не с натуры! Ах... запорол, батюшка! Это сюда уходит. [...] Черт! Да с

ним и сам разучишься рисовать, фу! Замучит. Нет, я не способен учить, не могу, меня это бесит!» Этим речитативом сопровождал он каждую черту свою, и рисунок становился лучше и лучше.

Скоро после этого пришла модель Александра, ледяная красавица. С нее написал он голову Марии [379]. Так как она была с матерью, то сеанс портрета [акварель] кончился только рисованием. Пришел Путята — копировать Демидову [380]. Скоро пришла модель Наташа с подругою. Вертелся наш запорожец подле подруги, однако frusitvo *, ей хочется портрета красками.

Ожидали графини Бобринской [381], а приехала в[еликая] к[няжна] Мария Николаевна — неожиданно. Я один встретил ее и имел счастие принять ее в мастерской. Она, любуясь произведен[иями] художника, в особенности «Распятием», предлагала мне различные вопросы об нем самом, так и о его работах и уходя велела сказать Карлу Павловичу, что она будет часто надоедать ему своими приездами, чтобы любоваться его картиною. Голова Магдалины преимущественно понравилась ее высочеству [382].

Долго потом рисовал я. В шестом часу обедал, был у вечерни, пошел к Венец[ианову]. Не застав дома, пошел к Васил[ию] Ивановичу. [...]

22 марта, втор[*ник*]. Воскресенье, поутру зашел я к Брюллову, хотел взглянуть на него, я же знал, что сегодня более не увидеть мне его. И действительно, с утра до вечера писал я у Бородина, и если бы не такой мерзкий свет, то окончил бы портретец, а то нет, придется еще помучиться над этою прекрасной головкой. Странно, чем больше я пишу, тем труднее становится мне это дело. Искание рельефа и рисунка удерживает долго. И я вижу, что не созрел я еще для живописи. Оттуда вечером пошел я к Венецианову, где с большим удовольствием провел вечер. Там был

* Напрасно (*лат.*).

Анастасевич... * Владиславл[ев], Тыранов и Посылин [383]. Мы толковали, толковали, пока я не ушел к барышням.[...]

Вчера, [*21 марта*], то есть в понедельник, часов в восемь, пошел я в студию рисовать Христа. Брюл[лов] был наверху, и я пошел туда. «Зачем так важничать,— скроил серьезную мину, что, право, не к лицу,— где вы таскались вчера? Возьмите цигарку и пойдемте вниз!» И с этим словом побежал вниз по лестнице, на пороге встретился нам Моллер. Он занялся с ним, а я пошел рисовать. Входит Брюллов в студию и, видя меня у рабочего столика, спросил: «Что же вы не курите? Это всегда, когда его просишь. И что отказывается? Я позову вас когда-нибудь обедать и, предполагая отказ, не дам ничего есть!» Подошел к рисунку: «Что это за ладонь, ведь нечем и пощечины дать!» И волшебная черта преобразовала ладонь. Ждали Липинского [384], и точно, он не замедлил своим посещением. Брамбеус и Александр Брюллов ввели знаменитого гостя в студию. Интересный квартет составляли эти люди. С Липинским было еще двое поляков. Все рассматривали они с чрезвычайным вниманием, и слово «досконале» повторялось беспрестанно. Брюллов просил Липинского навестить его когда-нибудь вечером и, как по болезни он лишен удовольствия слышать его игру, то чтобы со скрипкою. Липинский с готовностью принял это, и вот они уговорились насчет времени. Налюбовавшись досыта произведениями Брюллова, ушли гости. Липинский, благодаря Брамбеуса за одолжение, сказал: «Zisenz dzienky panu za taky lasen, zo pokasal mi taky dzivo w Peterburgu!» **

Увидев бюст Пушкина, пожалел о поэте, говоря, что, когда услышал, что он умер, то жалел как о брате, хоть и не знал его лично и не читал его сочинений [385].

Брюллов был очень весел, забавно было видеть, как он, проводя

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

** Тысячу благодарностей пану за любезность, что показал мне такое чудо в Петербурге (*польск.*).

своих гостей, сбежал в мастерскую и, ухватив за руки доктора Орлова, стал кружить его возле себя *.

Остальные часы дня я провел в классе и потом у Кольцова.

23 [*марта*], *среда*. Вчера ничего особенного не случилось, кроме разве, что Брюллов ужасно распекал меня, хотя, впрочем, без причины. Поводом к этому была прекрасная натура Моллера. Для возвышения похвалы ее достоинств нужно было противное, и вот красноречие его увлеклось за пределы истины. Успехи Моллера ничуть не могут быть упреком мне. «Овому талант, а овому два»,— отвечал я ему и просил быть снисходительнее.

Я рисовал Христа, он писал портрет Самойловой [386]. Одно из важных обстоятельств этого дня было, что я был у барона Брамбеуса. Ходил я к нему за электрической машиной, которую несли мы в сильный снег, облепил ее как хотел. Это не помешало Брюллову, который ждал ее с нетерпением, тотчас зарядить ее и извлекать искры. С полчаса забавлялись мы вокруг этого колдовства. Вечером после класса пошел я к нему очень кстати, он собирался послать за мной. Никого посторон[него] не было, кроме нас двоих и Кислинга... ** разливал чай.

Брюллов читал крестовый поход, я конопатил свою натуру. И когда Брюллов взглянул на нее, то сказал: «Ну, батюшка, ваша натура похожа на статую, которую шалун-ученик скоблил ножом и запятнал ее чем ни попало с зада и с переда так, что не поймешь, где вошло, где выдалось, где свет, а где — тень». До первого часу почти толковали мы о легате папы Гонория, погубившем столько воинов-крестоносцев [387].

24 [*марта*]. *Четверг*. Вчера поутру не мог я рисовать свой рисунок в студии Брюллова. Хотел оканчивать «Спасителя» [388], но как на-

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

** *В тексте зачерченный рисунок пером и далее зачеркнуто слово:* как.

турщик опоздал, то делать было нечего, нужно было приискать другое занятие.

День разгорался, солнышко, разогревая улицы и сердца петербургские, посылало и на нас свою благодать. Карл был очень весел, с цигаркой во рту гуляет по комнатам. Я хотел уйти наверх рисовать Аполлино, только он оставлял меня здесь, предлагая конопатить мою натуру. Но как у него в покоях очень жарко, то я отказался от этого и оставался только на условии, если он позволит писать с себя портрет, чего мне давно хотелось. Сперва он отнекивался, наконец, согласился. И вот в минуту холст и краски были принесены, и я начал, благословясь, писать портрет Великого. И, слава богу, первый сеанс обещает удачу.

Ферзен [389] между тем прислал ему прекрасных цигар, он, сидя на натуре, курил и восхищался, и говорит: «Правда, можно и здесь проводить время приятно и без Италии». Много ли надобно, подумал я, чтобы родить в тебе желание остаться в России, и вместе с тем как трудно удержать тебя! Пришел Соболевский и сообщил ему нелепость, что будто государь сказал про него: «Пусть себе едет и берет с собою все свои работы, чтобы их там оканчивать». Признаюсь, слыша это, я хотел было сказать, что стыдно обнародовать такие слухи у нас в мастерской, куда одна нелепость несется за другой и только тревожит беспокойный дух художника [390].

Пообедав раньше, пошел я к Венециановым, чтобы проститься с ними, но вышло иначе, они не едут сегодня [391]. Вот после класса отправился я туда, чтобы проститься окончательно, там было довольно весело. Жаль только, что старик хворает. В 12 часов пошли мы с братьями Крашенинниковыми в дома.

25 [*марта*], *пятница.* Вчера целое утро провел я без дела, и это самое томительное для меня состояние.

Брюллов писал портрет гр[афини] Ферзен, а я читал ему «Квентина Дорварда». Потом приехала княгиня Салтыкова, граф Ферзен и княгиня Голицына [392]. Более часа пробыли они в студии.

Я ушел гулять. [...] Шлет за мною Брюллов и зачем? Чтобы я обедал у него. Делать было нечего, остался и опоздал в класс. После класса поехал к Андрюше [...], взял портрет... * и поспешил домой, чтобы не опоздать к Брюллову, который велел прийти вечером. Напились чаю, читали «Квентина Дорварда» и в час расстались.

Сегодня [*26 марта 1838*], только что встал я с постели, как шлет он за мною. Самовар у меня был уже на столе, а потому я сперва напился чаю и отправился к нему. Призвал, чтобы продолжать портрет, а сам занялся путешествием по ландкарте, переменяя несколько раз ** план своего вояжа: то едет сухим путем, то морем в Любек, оттуда — в Лондон, а там опять перемена; то вздумается посетить Антверпен, оттуда — в Германию, по Рейну к Базелю, подъезжая ближе к Италии, жалее[т], что не тот путь избрал, и опять поворачивает, чтобы попасть в такое-то место. И так, пока он странствовал по карте, время уходило, я стоял без дела более часа. Сели, наконец, писать. Забавно было видеть, как идет наша работа: я пишу совершенно под диктовку его. Чтобы вернее диктовать мне и наблюдать за сходством, Брюллов поставил перед собою зеркало и поминутно встает смотреть, что я делаю. Бранит, поправляет пальцем, читает книгу, спрашивает, что я теперь пишу. Взглянет молча, а это уже половина похвалы. Впрочем, молчания такие становятся час от часу чаще, даже похвалил уже раза два, а это для меня кураж большой. И в самом деле, незаконнорожденн[ый] этот портрет будет едва ли не лучше всех моих родных произведений.

Показывал я ему портрет Верочки, и он заметил только, что глаза неверно смотрят. Также волоски грубоваты, ротик не отделан, тоном же в лице и рисунком общего был очень доволен [393] [...]

27 [*марта*]. *Воскресенье*. Вчера поутру, напившись чаю, пошел я в

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

** *Далее зачеркнуто:* путь.

класс посмотреть, что делают ученики. Там встретил меня...* и повел в свой кабинет показать мне снимки с чертежей Рафаэля и Гвидо Рени. С большим удовольствием рассматривал я черты, набросанные рукою великих мастеров, может быть, в самые счастливые минуты жизни их. Легкость, с которой набросаны эти черты, была плодом глубочайшего познания искусства. Эти драгоценные очерки, слабое, но верное изображение мысли художника, в беспорядочных, по-видимому, линиях, показывают обилие творческого воображения, способного выразить одну и ту же мысль в различных, но не менее изящных видах. Состав картин ясен, движение фигур, расположение драпировок, обрисовывающих фигуру, выражение голов — чрезвычайно удовлетворительно, в некоторых же — совершенно. Следки и кисточки в двух-трех чертах формою своею соответствуют ансамблю фигуры, и вполне, и выражают предположенное действие.

От него пошел я в мастерскую, где уже дожидал меня Брюллов для писания портрета. Устроив пюпитр для книги, он уселся и стал читать, а я писал волосы, только что успел обойти тенями и назначить светы, как он, наскучив сидеть, лег на кушетку. Недолго читал я, скоро он уснул. Я между тем пошел проветриться на воздух. [...] С возвращением моим проснулся и Брюллов, пошли мы наверх, где хотел он уснуть формально, но сперва велел подать завтрак. Пошла потеха. Утоляя аппетит, он становился развязнее и до того, что постепенно веселость его перешла просто в шалость. Тут он представлял меня в тысяче видах, корчил других и так смешно похоже, что мы хохотали до умору. Накануне, когда начал его портрет, он взглянул и смеясь сказал: «Неужели я таков? Это, право, ни дать ни взять начальник труппы вольтижеров. С бородкой, корчит молодца, напомаженный франт с хлыстиком и в запачканных перчатках!» Я, глядя на его смешные представления, и говорю: «Чего же лучше? Вот вам и балаган, и качели. и вольтижеры у нас дома!» Это рассмешило его, он, вспом-

* *Далее не разобрано одно слово.*

ня свое сравнение, стал хохотать пуще прежнего. Дорезвясь до усталости, он бросился на софу, а меня заставил читать «Квентина», и постепенно стал засыпать, как приходит лакей и докладывает, что Жуковский пришел. Делать было нечего, ворча, встал он и пошел вниз. Жуковский просил его не женироваться * и писать. Позвали натурщ[ика], и Брюллов принялся писать, а Жуковский приловчился на кушетке против картины с цигаркою. Обещал сидеть смирно и ни слова не молвить. Недолго продолжалось это красноречивое молчание. Верно, трудно восхищаться молча. Первый нарушил молчание, и поэты наши разговорились порядком: капелла Сикстина, Микеланджело и Рафаэль были предметом их разговора. Было что послушать мне, стоявшему здесь с напряженным вниманием. Брюллов при этом случае рассказал, что в Риме сделал он для дюка Тосканского в альбом акварель-рисунок, изображающий Рафаэля, входящего в капеллу Сикстину, когда на стене сделаны очерки Микеланджелом... [394] Жуковский скоро уехал. Я пошел гулять и после класса только пришел опять к Брюллову. Читали, толковали и в 11 часов расстались.

28 марта. Вчера, с утра до 5 часов вечера был я дома, дожидал Веры Вильде. Спасибо, Александр Крашенинников н Кольцов навестили меня. В час приехали мои гости, писал до трех, но мало сделал. После обеда пришел ко мне Плахов [...], пошел я к Брюллову, застал его над книгою. Вальтер Скотт нашел себе ревностного обожателя в** бесценном предмете нашего обожания [395]. Перелистывая «Квентина», мы досидели почти до двух часов: «Пора спать, прощайте...»

30 марта. В понедельник утро писал я у Брюллова. Портрет наш идет лучше. Наскуча бесплодным сидением на натуре, он взял кисть и волшебным прикосновением придал портрету сходство и жизнь. Потом, садясь на место, велел мне поверить сделанное

---

* G e n i e r e n (sich) — стесняться, беспокоиться *(нем.)*.

** *Далее зачеркнуто:* нашем.

им и продолжать. Но напрасно искал я, что изменить, даже продолжать не стал бы, да он велел прервать размышление и писать проворнее.

Уведомление графа Ферзена, что княжна Голицына и старуха графиня Строганова желают посетить мастерскую[396], заставило нас * окончить сеанс.

Он пошел одеваться, а я отправился к Василию Ивановичу за запиской к Савину для получения жалованья[397].

После обеда был у вечерни и после ушел к Кольцову, где много было всякого народу, между прочим, и Воейков. Забавны наши литературные вечера: скучнее этих собраний я ничего не знаю[398].

[...]

3 апреля. Светлое христово воскресенье. Послал письмо домой и в Яготин. [...]

Намереваясь быть у заутреней, легли мы с Плаховым в девять часов спать, и в три часа были разбужены пением крестного хода «Христос воскресе». Полагая, что еще только начало утренней, оделись и пошли, но тщетно, это был конец обедни. Михайлов получил выговор. Брюллова застал я еще в постели. Обедал у Бородина, был у Готовцева и, пришедши домой в десятом часу, пошел к Брюллову, где застал Кукольника и Данченка, но они скоро ушли, а я остался до 11 часов.

8 апреля. На второй день праздника [...], пришедши домой, приготовлял все нужное к рисованию портрета, ожидая Андрюшу, который не замедлил приехать. Обедать у меня он не остался, итак, мы вдвоем с Плаховым[399] отобедали, и когда пришел Иван Максимович, то мы отправились гулять. Погода не очень благоприятствовала, было пасмурно, сыро и холодно. Несмотря на это, под качелями было множество народа, а на бульваре такая давка, что с трудом можно было ноги переставлять. Возвращаясь с гулянья, зашли мы к Бриеру де Мартре. Бедный старик, страда-

---

* *Далее зачеркнуто:* прекра[тить].

ние его ужасно: одиннадцать лет был слепым и больным. [...] Вечером пошел я к Брюллову. [...]
На третий день утром начал я рисовать Венеру. Скоро пришел Шевченко, и мы отправились в Эрмитаж. С большою пользою беседовали мы в этом святилище, и сей раз более, нежели когда, увидел я достоинства в вещах первоклассных мастеров. Вандик, Рубенс, Веласкес, Гвидо, Аннибал Карраччи и другие, Пуссен, Ван дер Меер, Рейсдаль, Поль Поттер и Клод Лоррен стали для меня понятнее. Я измерял их талантом Брюллова и удивлялся необъятности его. У всех у них встречал я достоинства великого моего наставника, а в нем одном узнаешь их всех, как будто бы каждый из них, переходя к источнику света, завещал ему ту искру божественного гения, которым освещали они путь своей жизни, те сокровища, которые они стяжали в области искусства. Вечером был у Брюллова, рассказывал ему о своей прогулке в Эрмитаж. Он очень одобрял ее, советовал почаще делать таковые, говоря: «Почаще бы ходить в Эрмитаж, чем на почту».
Как живописцев, выше всех ставит он Веласкеса, Гвидо, Корреджио, Рубенса и Вандика. У Веласкеса видит он необыкновенную лепку, правду колорита, мягкость тела и характер выражения. И ему отдает он преимущество в искусстве, в мастерстве владеть кистью так, что она в одно и то же время выражает форму, колор, рельеф и перспективу плана, ею наносимого, чрез что сокращается время производства дела и сберегается та свежесть, сочность живописи, которые неминуемо исчезают при медленном. робко-кропотливом производстве. У Гвидо поражает его красота линий, изящество ансамбля, приличного значению. Лаконизм композиции, приятность выражения, простота красок и близкий к правде колорит. Одним словом, он называет его умницей, тем более, что и писать он был мастер. Корреджио, говорит он, чувствовал ту божественную музыку в колорите, ту грацию движений и экспрессий и тонкость линий рисунка, что произведения его кажутся писанными рукою ангела. Рубенс — молодец, который не ищет нравиться и не силится обмануть зрителя правдоподобием,

а просто щеголяет оттого, [что] богат *, рядится пышно и красиво оттого, что ему это к лицу так, как нищему — рубище. Богат, роскошен и любезен, а это не всем удается. Не всегда строг в истине — оттого, что прихотлив и своенравен, от[того], что богатство и мудрость редко сочетаются. В его картинах роскошный пир для очей. Как на пирах празднеств: ешь, пей да ум не пропей. Танцуй, пой и гуляй, а пришедши домой, у себя балов не затевай, а то как раз или ум пропьешь, либо с сумой по миру пойдешь. И пир твой будет тризною, где обыкновенно уста плачут, а желудок улыбается. Следовательно, у Рубенса пируй, а с ним не тягайсь и даже не подражай. Вандик, догадавсь, отбросил излишества роскоши, попировал у Рубенса, и довольно, ограничил свои расходы, жил умно, честно, приятно и с пользою для других, такую жизнь советую и вам, товарищи, взять в образец для себя. Вандик рисовал отлично, хорошо; руководился натурою в разнообразии. Характер, колорит его верен, близок очень к натуре. Краски весьма просты, освещение незатейливое, положения естественные. Круглота, ловкость письма и много силы. Молодец, спасибо ему, доброму человеку.

О других великих мастерах еще не составилось у меня ясного представления.

После рассуждения об Эрмитаже говорили мы о живописи вообще и об успехах, сделанных художником в этом искусстве. На вопрос мой, удовлетворяет ли его вполне хоть одно произведение в отношении собственно к художественному исполнению, ответил он, помолчав: «Нет, еще не было ничего написано...» При этих словах заметил я чудное выражение на его прекрасном лице, как будто он, сознавая в себе силу написать так, как еще никто не писал, внутренно обвинял себя в продолжительных отдыхах на лаврах, или, так сказать, между действием. Да, судя по успехам,

* *Далее зачеркнуто:* блестит.

какие он делает в каждом произведении, мог бы он, при своем необъятном таланте, стать недосягаемо высоко.

Угадав его чувства, я, со своей стороны, осмелился сказать, что от него мы ожидаем и вправе требовать много. «Только не здесь, — отвечал он, — я не писал еще, в Италии начну я работать как должно. Вы не поверите, как трудно сделать хорошую вещь. Это-то и отбивает у меня охоту работать!»*

Верю, очень верю! Трудно кораблю бороться с волнами в открытом море, зато ему вверены сотни жизней людей, и после благополучного плавания встречают его с пушечною пальбою и радостными кликами, торжественно вводят в порт, где он, защищенный от бурь, покоится над бездною до нового плавания.

До двух часов продолжалась наша беседа.

Четверг фоминой недели. На третий день праздника был у Брюллова Ермолов[400]. Еще накануне прислал он просить позволения посетить мастерскую художника. С истинным удовольствием ожидал Брюллов знаменитого гостя. С утра чувствовал он себя нехорошо, вчера, гуляя по бульвару, опять простудился. Как ни тяжело было для него одеваться, но для принятия такого гостя он перемог себя. Кавказский герой не заставил долго дожидать себя. Я был свидетелем свидания двух великих людей. Заключив друг друга в объятия, они представляли прекрасный групп Аполлона и Марса. Первый, казалось, обещал услаждать суровую жизнь воина, а второй клялся мечом защищать искусство от вандалов-притеснителей. Ермолов в самых лестных выражениях приветствовал Брюллова, говоря, что за особенное счастие почитает знакомство с гением, славою которого гордится Отечество. Рассматривая с величайшим вниманием произведения художника, высказывал свой восторг в чрезвычайно верных определениях достоинств каждого. Перед «Распятием» сидел он с четверть часа и

---

* *Далее зачеркнуто:* трудно.

не мог вполне насладиться дивным творением, просил художника позволить ему приехать когда-нибудь во время работы, обещая сидеть смирно, не переводя дух. Немало удивлялись мы его уму, оборотливости мыслей, любезности и красноречию, верности взгляда на предмет и свежести его определений. Притом его фигура с приличною осанкой, характерные черты лица, еще свежего, хотя и под сединами, — все это невольно внушало истинное уважение к его особе.

В четверг на святой писал я портрет Еппингера [401]. [...] Был у Брюллова, застал там Василия Ивановича, и у нас длилась беседа часа до 1-го.

В пятницу и субботу сидел я дома, писал Эппингера.

В воскресенье был в балагане, смотрел Обезьяний театр и нахохотался доупаду. Проказницы мартышки, особенно маркер, лакей с фонарем и шталмейстер, уморили меня своими рожами.

Погода у нас прекрасная. Я всякий день раза по два, по три хожу гулять, рисую с антиков, пишу свой «Фонтан» [402] и читаю «Талисмен» Вальтера Скотта.

Вчера, то есть в среду, был я у Кукольника, где несравненный Липинский играл квартет божественного Бетховена [403].

Во вторник была у Брюллова в[еликая] к[нягиня] Елена Павловна [404].

22 апреля. Четверг. В воскресенье, с утра до двух часов был я у Брюллова. Он рисовал с меня менкен для Иоанна и Марии [405]. Потом пошел я к Андрюше обедать. День был прекрасный. Нева, освободившись от томительных оков, весело стремилась в море. (17 числа, около полудня, тронулся лед, и к вечеру уже навели мосты.) [...] Зашел по дороге в церковь Николы Морского, оттуда — к Беггрову [406], но не видался с ним. Был у Ивана Тимофеевича и просидел у него до вечера. Потом, идя домой, зашел к Брюллову часочка на полтора. Каждый день, по заведенному порядку, рисую и пишу свой «Фонтан», вечерами хожу гулять и оканчиваю день у Брюллова. Жаль, что болезнь его так сильно

атаковала, ничего не может он делать. Только и развлечение для него, что роман Вальтера Скотта. Когда же я с ним, то у нас идут преинтересные мечтания: порассказал я ему об А[лександ]е[407], не упоминая, однако, имен и района. Вот он и наладил на то, чтобы ехать непременно в Малороссию жениться и основаться там. Уж бранит же он меня, почему я не писал ему об ней из Малороссии и, описав ее качества, не прислал портрета. Мой рассказ про нее до того расположил его в пользу ее, что он уверяет меня, что она — его суженая. Чудесно!

Вот и сегодня опять поутру толковали мы на все лады о том, как устроить это дело — перебраться в Малороссию и открыть там школу. И у нас все это так было слажено, как будто дело решенное. Вечером пришел Василий Иванович, и я завел разговор о себе, что, не надеясь достигнуть быть посланным в чужие края, пора подумать о том, как устроиться мне, оставшись в России. И в самом деле, эта идея преследует меня с тех пор, как я начал постигать всю трудность достигнуть того, что прежде казалось мне так легко. Так вот, когда я решительно отказывался остаться в Петербурге и основывал свои планы в Малороссии, Брюллов не утерпел, понравилось ему мое мечтание, он и заговорил о том, как он, приехавши из Италии, оснуется * в Малороссии. Купит там маленькое поместье, женится и будет жить, наслаждаясь мирною жизнию. К тому времени положено и мне сделаться академиком, жениться. И вот мы заживем отлично, возьмем двух-трех учеников, а там Василий Иванович выходит в отставку с пенсионом и также едет к нам, и тогда полная Академия в маленьком виде. Положено основание современной знаменитой Академии малороссийской[408]. Чудесно. И в этих-то сладких мечтах провели мы вечер приятно. Лучшая сторона жизни представлялась чрезвычайно возможной, не давали места препятствиям и неприятностям. [...]

---

* *Так в тексте.*

24 апреля. Вчера, порисовавши до 12 часов своего бойца, пошел я к Брюллову, писал «Бахчисарайский фонтан». Сам хозяин жаловался на сильную боль в ногах, хотел писать, но не мог. После принудил себя и начал менкен Марии Кл[еоповой]. Разохотился он, писал, но боялся, чтобы не принесло кого-нибудь, но скоро пришел Жуковский и отвлек его от дела. После не мог уже он приняться. [...]

Сегодня, в 12 часов, по заведенному порядку, также писал свой «Фонтан». Брюллов читал мне «Пертскую красавицу» [409]. Пришел Александр Брюллов, и рассказал он, что государь согласен на проект его отделать в Зимн[ем] дворце залы, что на площадь, вроде Ватикана галер[еи], с большими историческими картинами [410]. Это привело в восторг Карла Великого, тут сказал он: «Тогда незачем и в Италию ехать, шабаш, я остаюсь и ничего другого не работаю, как только это!» Чудесно! Но приход дворецкого гр[афа] Витгенштейна [411] и разговор с ним об Италии опять навел его на старый лад, и он скоро отказался от славы написать эти вековые произведения. Ему и душно, и скучно, и болеет он здесь, нужно ехать в Италию и проч[ее].

Обедал я у В[асилия] Ив[ановича], после обеда уснул до девяти ч[асов]. Пришел Шевченко, потом Петровский [412]. Спасибо, заняли меня до двух часов.

Понес я к нему эскиз на программу, перечертил он по-своему, холодно говоря: «Ведь это сереб[ряная] мед[аль], а это вот прямо золотая» [413].

25 апреля. [...] Часа в два пошел я к Брюллову, застал его в рабочей [комнате] на диване с «Пертской красавицей». Подсел я к нему с цигаркой, он читал, а я слушал. Скоро пришел Жуковский с гр[афом] Виельгорским. Пришел Шевченко, и Василий Андреевич вручил ему бумагу, заключающую в себе его свободу и обеспечение прав гражданства [414]. Приятно было видеть эту сцену. Обедал я у Брюллова [...] Упрек, когда я уходил... («Отобедал и довольно!..») Что же делать, надо терпеть. От него пошел я ходить. Погода была прекрасная, толпы гуляющих

тянулись со всех точек по всем направлениям улицы. Шаг за шагом вышел я на Исаакиевск[ую] площадь и рассудил пойти к Бенедиктову, где пил чай и провел вечер преприятно. Нездоров он, бедняга...

27 апреля. Вчера поутру начал я копировать портрет Жуковского, до трех часов. В три приехал Жуковский для сеанса, а я ушел гулять, обедать. После обеда прилег отдохнуть [...], вставши, пошел ходить. По пути зашел к Тыранову, от него пошел на Петербургскую сторону к Гудиме, от него — к Гребенке, где я и заночевал по причине дурной погоды.

Поутру сегодня пошел Ладожский лед. Часу в 11-м пришел я к Брюллову, он собирался писать Магдалину. И действительно, набросивши менкен принялся за дело.

Я продолжал портрет Жуковского. Подошел Брюллов и, глядя на мою работу, сказал, что хуже этого ничего не писали: «Гадость, батюшка!» В самом же деле, работа моя шла успешно: в дурное расположение не навертывайся ему на глаза. Это меня не [о]бескуражило, я продолжал писать и подвинул работу.

Обедал у В[асилия] Иванов[ича], от него зашел еще к Брюллову. Был в классе, после класса зашел к Мартосовым на минуту. Чай пил у Брюллова, куда часов в девять пришел В[асилий] Ив[анович]. Хозяин был очень невесел, так и мы сидели, повесив носы.

28 апреля. Сегодня поутру писал я у Брюллова, как пришедший Путята известил нас, что наследник в Академии и, может быть, зайдет к Брюллову. Точно, не прошло полчаса, как его высочество пожаловал к нам. Мы с Шевченком приняли его, ко мне обратился он с вопросом о Брюллове, потом смотрел большую картину [415], отзывался с похвалою. Рассмотрев все с большим вниманием, спросил, можно ли пройти в другие комнаты. Пошли, увидел он портрет Жуковского и был им чрезвычайно доволен. Уходя, велел показать портрет сестер. Портретами императрицы и Александры Николаевны был очень доволен, о про-

чих же отозвался не с похвалою, замечая какую-то гримасу (а того не знает его высочество, что они сидят для сеанса так дурно, что с художником могут судороги сделаться[418]. Уходя, он поручил мне сказать, что жалеет очень, что не видался с Брюлловым.

Когда он ушел, то я пошел наверх доложить своему пану о посещении, передал ему в точности все виденное и слышанное, даже признался ему, что, выдвигая портрет Салтыковой, измял немного драпри на менкене. Надо было видеть и слышать, как загремел он на меня. Я думал, что он прогонит меня от себя, но, пришедши в студию и увидев, что вина моя была невелика, призвал меня и ласково стал еще расспрашивать, как все было и что было говорено. [...]

29 апреля. Сегодня началось для меня утро тем, что я понес Брюллову подписать требования. Он лежал в постели и, не обращаясь ко мне, взял из рук бумагу. Читая, заметил лишнее, возвратил, приказывая переписать иначе. Здесь же, при случае, разругал меня за то, что я спросил у него, где живет Моллер. Что с ним сталось, не знаю. Куда девалась его веселость и любезность, несмотря даже на болезнь. Кипят в нем, видно, силы духа, борются страсти, родятся мысли и с шумом распадаются вдребезги. Жаль! Лучшей участи достоин такой человек. Рассердили его, бедного. Не знаю, долго ли это продлится, а такое состояние для него вредно, а для нас — тягостно. [...] Вечером после класса рисовал с натуры эскиз для программы[417]. [...]

30 апреля. Вчера поутру, после девяти часов, пошел я к Брюллову писать Жуковского. Сам Брюллов писал менкен у Магдалины. Пришел Платон Кукольник и, кажется, отвлек его от дела. В три часа приехал Жуковский. Я ушел обедать и в пять часов, вместо класса, пошел доканчивать портретец, ан вышло не по-моему: два часа бился я с сюртуком и то напрасно. Сегодня только огляделся, что у меня все наврано, и вот я снова перечертил все и, кажется, приладил как должно. Написал одну руку, дру-

гую подготовил. Ох, как трудно копировать его, зато какая польза подделываться под его правильную кисть. С его работ учимся смотреть на натуру. В письме у него от начала до конца везде видна кисть, до самых мелких подробностей. Этак не многие умеют читать и передавать натуру — притом изящество форм, грация естественная и характерность, как в целом, так и в частях. В портрете Жуковского высказан он совершенно. Вы видите дородного мужчину, покойно сидящего в креслах, спиной облокотился он к стенке кресел. Голова, несколько склоняясь в правую сторону, наклонена вперед. Руки сложены так, что кисти, покоясь выше колен (auf dem Fuß *) **, левая, покрывая левую ***, оставляют пальцы ее **** видными [418] *****. В правой держит он перчатки. Лицо спокойное, взор устремленный внимательно, но кажется, занят внутренно. На челе дума не тяжкая, но отрадная, успокоительная. Он весь, кажется, обдумывая подвиг свой, покоится после понесенных трудов. В этой почтенной главе с обнаженным челом созревали прекрасные его творения и надежные ****** материалы для воспитания царственного юноши. Свежесть и приятные черты лица показывают, что жизнь его проходила без разрушительных бурь. Сильные страсти слегка только касались его нежного сердца, но светлый разум и теплая вера вскоре исцеляли язвы, ими нанесенные. Он жил и любил, но благородные и возвышенные чувства не покидали его никогда *******. Изящное питало душу его, всегда расположенную к добру. Художник выразил все это. Взгляните на эти уста — они беседуют с вами, они подают вам мудрый

---

* На коленях *(нем.)*.
** *Далее зачеркнуто:* правая.
*** *Так в тексте.*
**** *Далее зачеркнуто*: своб[одными].
***** *В тексте рисунок пером.*
****** *Далее зачеркнуто:* план воспитания.
******* *Далее зачеркнуто:* душевн[ое].

совет или произносят утешение, но вот изрекли они два-три стиха: к портрету.

Воспоминание и я — одно и то же,
Я — образ, я — мечта,
И становлюся я,
Чем старе, тем моложе...
Чем старе становлюсь, тем я кажусь моложе...

Взгляните теперь на эти прекрасные руки, эти белые нежные руки. Не удивляйтесь — их орудие было легкое перо, за которое брались они, отрываясь от златострунной лиры.

(Вечером навестил я новобрачных — Федора и Катерину Крашенинниковых.)

2 мая. Вчера, то есть 1 мая, думал я докончить портретец Жуковского, однако за неимением красок должен был отложить свое намерение. Казенные о сю пору не выдали. Брюллов своих не дает, да еще и выбранил меня порядочно, что я, не имея своих, думаю, что весь свет обязан мне служить. И много кой-чего музыкального напел он мне за важный мой проступок... (?)

Сердце у меня сжалось, слыша такие слова от человека, столь уважаемого. Сколько дружеского расположения вижу я от него, столько и унижения: середины нет[419]. Мое терпение и спокойный вид при подобных взрывах составляют средину, которою он равно недоволен. Спокойный вид, с которым я выслушиваю его литании, называет он «хитростию, иезуитством», а того не знает, что к этому приучил меня Фибинг, который дал мне больную пощечину *, заметя по виду, что выговоры его мне не нравятся (хотя и он в то время дурно понял мой жест).

Оставивши своего инспектора, пошел я домой. [...] После обедни пошел я к Андрюше. Там, в кругу любящих меня, провел я

---

* *Далее зачеркнуто:* когда я показал.

несколько часов с удовольствием. [...] От него пошел я к Готовцеву. Нашел его, по обыкновению, окруженного детьмн. Встретив там брата Ал[ександри]ны, я невольно смешался. [...] Пришедши домой, я занялся чтением. Интерес, чем кончится роман «Ришардо в Палестине»[420], заставил меня просидеть до рассвета. [...]

9 мая. Вот ровно неделя, как я не принимался за свой журнал, нечего было и вписывать в него. Занятия мои были: то рисование с натуры, то в Античной [галерее], и все это прерываемо различными неудобствами, и неаккуратностию натурщика, и еще более — взыскательностью Брюллова, когда я показывал ему свой рисунок. Я сам вижу, что плохо, да что же мне делать, когда сил нет сделать лучше. Все это, атаковывая меня, еще непривычного с серьезными неудачами, некоторым образом подкапывало мое терпение, и, признаюсь, мне бывало так грустно, как, помнится, никогда не было[421]. [...]

13 мая. Сегодня, кажется, шестой день, как я хвораю. И где я простудился? [...], вся причина, как кажется, в несносной погоде, какую мы имеем с 1 мая: лед идет во всю Неву, а с ним приходят на наши головы всякие гадости: холодные ветры, дожди и слякоть. Чертово болото.

В среду вечером, наскуча сидеть дома, пошел я гулять [...], и уже на пути вздумал зайти к Прокоповичу. И в самом деле, случайная мысль доставила мне одно из приятнейших удовольствий. Вошедши прямо в кабинет хозяина, встретил я прекрасную картину: двое супругов сидели друг подле друга, занимаясь каждый прилично полу: он читал книгу, а милая хозяюшка вязала чулок. Услыша приветствие вошедшего, не узнав голоса, она вскочила и побежала в свою комнату. А трудно было и узнать меня: около трех лет она не видала меня. Тайна скоро объяснилась, она пришла к нам. Потчуя меня чаем, показывала все внимание узнать и участие в том, где я так долго пропадал и почему забыл своих старых приятелей. Сотни различных причин были ответом на милые вопросы... [...]

8 декабря, кажется*. Пока суд да дело, пока соберусь свести обстоятельства в промежуток времени от 13 мая до сего дня, наброшу, хоть эскизно, вчерашний день. Ничего больше, кроме нескольких слов о балете «Гитана»[422]. Этот балет наделал много шуму в столице, все и везде только и говорят про «Гитану». Что бы это за диво было — «Гитана»? Удалось нам, наконец, добыть билеты, и вот мы с Штернбергом отправились. Театр был полон. Первая пьеса — «Сцена из Жана Парижского»[423], кончилась скоро. Занавес опустился, публика засуетилась, стала расходиться, кто в буфет, кто куда хотел. Сошлись. Оркестр заревел, все приутихло. Отрывистые аккорды приготовили наше внимание. Занавес взвился, и мы увидели прелестно убранный гирляндами зал с бюстом Душеньки Кановы. Скоро появилась девятилетняя Прихунова[424], прелестное дитя, головка в локонах, на ней белое атласное платьице, одетая в трико. И вот начала она летать по сцене. Она танцевала одна, и с пажем своим, таким же крошкою, как и сама. С какою обворожительною мимикою она отказывалась сесть на приготовленный для нее маленький трон и принять венец. Потом, как она вместо себя поместила на троне бюст Душеньки и, встав возле на ступеньки, раздавала подарки своим подругам. Потом, как она, вбежав в комнату и видя себя наедине, предалась на свободе любимому своему занятию — стала танцевать. В это время сторожившие ее цыгане вбежали в комнату в намерении схватить ее, она, увидя их, бросилась бежать, кидаясь из стороны в сторону. И в то мгновение, когда атаман уже готовился обхватить ее руками, она упала, так что он, на бегу, перешагнул ее. Она вскочила, и, пока он оглянулся, она уже скрылась от него и неподвижно стала за своим троном, но, видя себя** и здесь небезопасною, она, преследуемая цыганами, бросилась на колени, умоляя о пощаде,

---

* *Слова:* 8 декабря, кажется — *написаны карандашом.*
** *Далее зачеркнуто:* и здесь примеченною.

но тщетно. Цыгане, не внимая ее мольбам, которые выражала она трогательнейшею мимикою, схватили ее, закутали в плащи и унесли. Вслед за этим сцена, в которой делают приготовления к празднику. Приходят девицы и пажи, начинаются танцы и ждут царицы праздника. Не дождавшись, посылают за нею, не находят нигде, ищут, бегают, суетятся, подозревают цыган в похищении. Посылают в погоню, дают знать отцу, матери, и вот сцена наполнена группами в горести и отчаянии. Возвращаются посланные, и вот роковое ожидание, ужасное: нет нигде — поразило всех. Мать падает в обморок, отец убит горем, ломает руки. Все плачут, и здесь же малютка-паж, товарищ ее, пораженный ужасным известием, падает на колени и, закрыв ручонками глаза, рыдает неутешно.

Это тронуло меня до глубины души, горячие слезы участия катились из глаз моих. И может быть, оттого, что невинное дитя в искусственной роли было ближе всех к натуре.

После этого, через десять лет, является это дитя уже взрослою девицею под именем Гитаны. В городе, на рынке являются цыгане, поют и пляшут, и в заключение своих танцев выводят на сцену Гитану. Тальони здесь очаровательна[425]. Одета она в алый бархатный спенсер, белое кисейное с золотой звездочкой платье, в трико. На голове у нее золотая диадема и волосы a la greque *. После многих прекрасных балетных хитростей она протанцевала соло chef d'oeuvre de danse **. Это было нечто такое, чего описать невозможно. Плавность, чистота и красота движений, свобода и быстрота, с которою она переходит от чувства к чувству, прелесть грации и необыкновенная легкость в выполнении трудных позиций, легкость и вместе с тем твердость, с которою она окончательно выполняет намерение. И везде грация, везде приятность и благородство. Одним словом,

---

* По-гречески *(франц.)*.

** Шедевр танца *(франц.)*.

я наслаждался в эти минуты совершенно новым родом удовольствия. Наслаждался с отчетом, оценя ее искусство выражать* так понятно и правильно восторг души в рифмах движений. Здесь двое молодых людей пленяются Гнтаной и, ревнуя друг к другу, заводят спор, в который вмешивается атаман. Народ, восхищенный пляскою Гитаны, бросает ей золото и цветы. Первое отдает она атаману, а другие, поднимая с земли, раздает подругам. Один мол[одой] чел[овек], сын бургомистра города, бросает ей букет цветов, и она, подняв его, приколола к груди. Ревность соперника обнаружилась спором, доходившим почти до драки. Полиция вмешалась, цыган прогнали, и Гитана осталась в толпе народа под защитой своего любовника, но скоро она, устрашенная криком народа, убежала к своим. 3-й акт — цыганский табор. Здесь интересные группы, в представлении которых атаман объясняет случаи в их кочевой жизни. Сын бургомистра, увлеченный любовью к Гнтане, нашел ее и здесь. Открытый цыганами, он решился остаться у них и проч[ее]. 4-[я] сцена. Дом ге[р]цога. Зал, нз которого похищена Гитана. Ее воспоминания. Наконец, увидя ее, герцог и домашние узнают в ней знакомые черты, припоминают что-то, разные пробы, удостоверения, Гитана узнана. Она также узнает своих, и радость свидания после роковой разлуки. Прибытие сына бургомистра, удивление его, притязания на ее руку. Сперва не хотели об этом и слышать, наконец, согласились и на радостях задали пирушку, был и маскарад. Столько блеску, шуму, возни, беготни, шуму и хохоту, что, право, разве во сне, да на театре только привидится.

После второго акта пошли мы в буфет пить чай. Там встретил я Александра Ивановича Орлая и, право, обрадовался ему, как родному, так много приятного напомнил он мне. Я расспросил его об их семействе, о шалуне Иване и узнал, что он уже

---

* *Далее зачеркнуто:* чувство.

штабротмистр[426]. Подумаешь: вот людям везет. Другой всю жизнь тянет лямку и насилу добьется до чина капитана, а он двадцати 3-х—4-х лет и шт[абс] кап[итан]. Не успел я побалакать с ним подолее. [...] Здесь же видел я Жигмонта[427], но, кажется, он не хотел узнать меня, между тем как дня три глядели мы друг на друга, когда я писал ему портрет.

Сегодня утро пропало у нас по случаю конкурса о Петрах[428]. Приход президента, пассаж полицмейстера [...], Штернберг, пораженный таким пассажем, ушел без вести из квартиры, забыв даже и назначенный пантомимный балет у Красного моста. Я тоже ушел со двора. [...] Обедал у Вас[илия] Ив[ановича], и вот теперь дома, строчу журнал и собираюсь кончать письмо к Плахову[429].

1839 ГОД

1 января 1839 года, около часу пополуночи. О незабвенный день, последний день 38-го года! [...]

31 числа, с самого утра приготовился я встретить милых моих гостей. Время тянулось, я скучал, нетерпение мое возрастало, а их не было. Уже и одиннадцатый час—условный срок, а их нет как нет. Добрый наш Карл Павлович уже оделся и спрашивал меня, будут ли ваши гости. Я видел, что ему нельзя было ждать долее. [...] Но вот они приехали, заходили ко мне, и Штернберг проводил их к Брюллову. Я не могу выразить моей радости, что они застали еще Брюллова. Скоро явился и он, принял их с* особенною ласковостию, говорил с ними

---

* *Далее зачеркнуто:* обыкновенною.

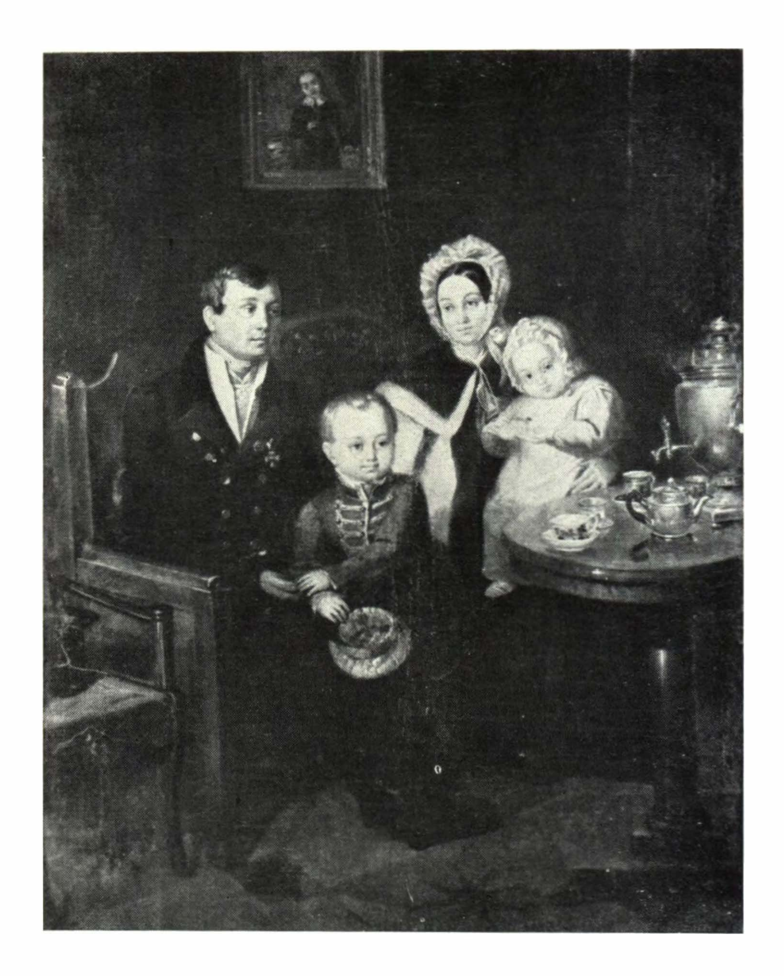
33. Ф. М. Славянский. Кабинет А. Г. Венецианова (Копия с картины А. В. Тыранова.) Середина 1830-х — начало 1840-х годов

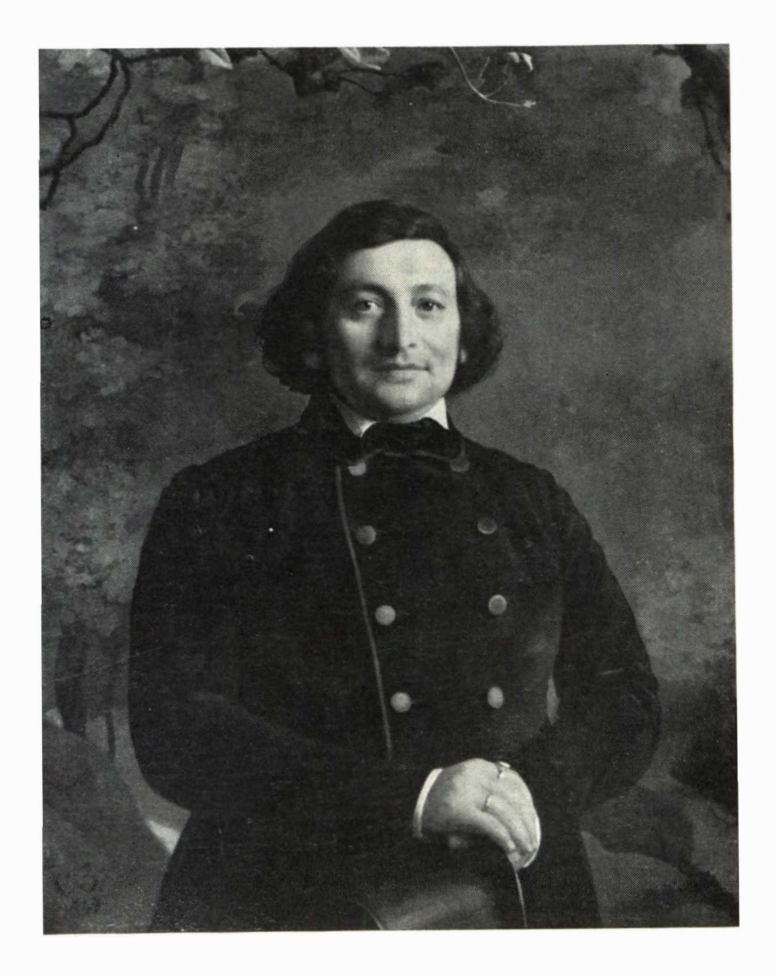
34. А. Н. Мокрицкий. Утро в Апеннинах. 1852

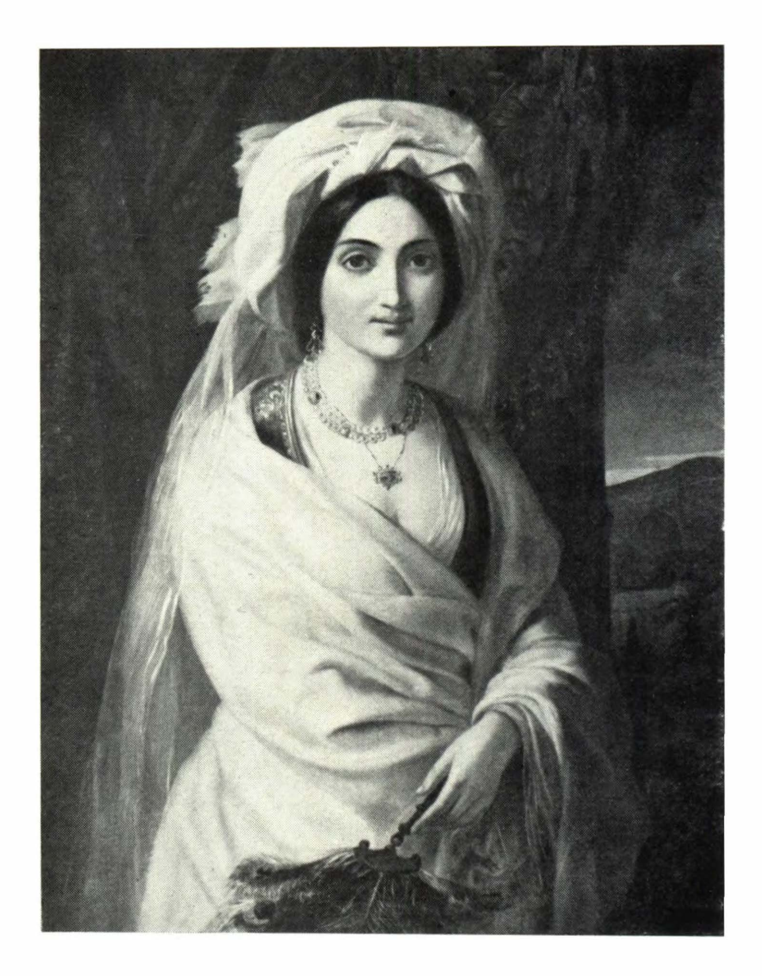
35. В. И. Штернберг. Переправа под Киевом 1837

36. А. Н. Мокрицкий. Семейный портрет. 1837

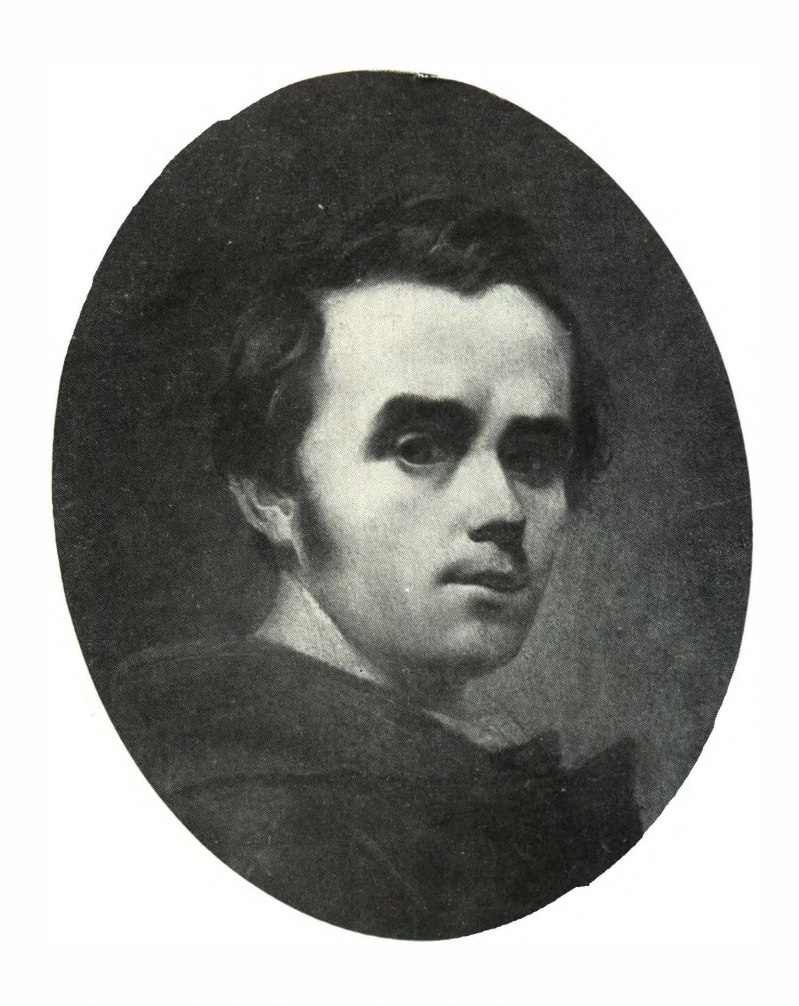
37 С К Зарянко Портрет певца О А Петрова. 1849

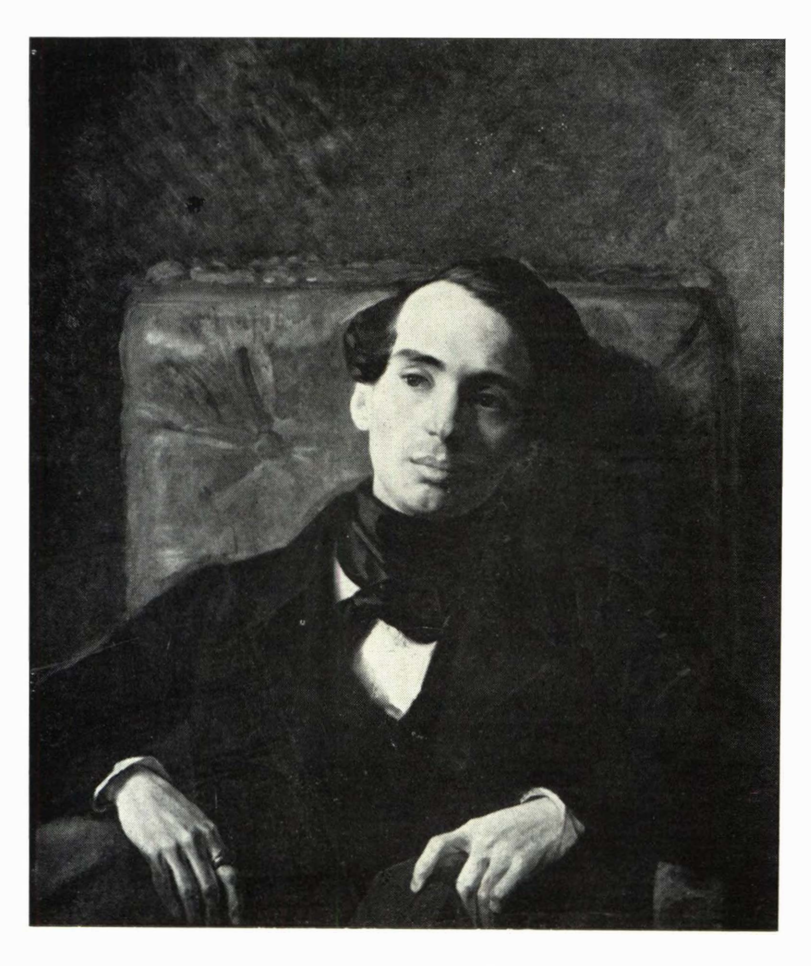
38. А. Н. Мокрицкий. Портрет турчанки. 1843

39. К. П. Брюллов. Портрет гр. О. П. Ферзен. Около 1837

40. Т. Г. Шевченко. Автопортрет. 1840—1841

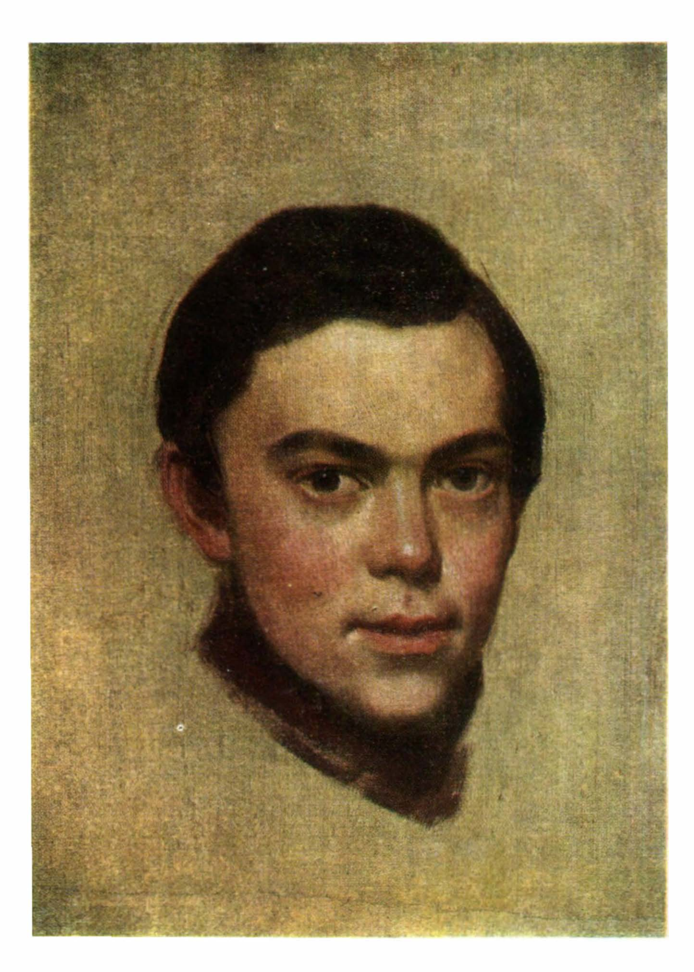

11 К П Брюллов Портрет писателя А Н Струговщикова 1840

42. Лист из «Дневника художника А. Н Мокрицкого» (30 апреля 1838 года)

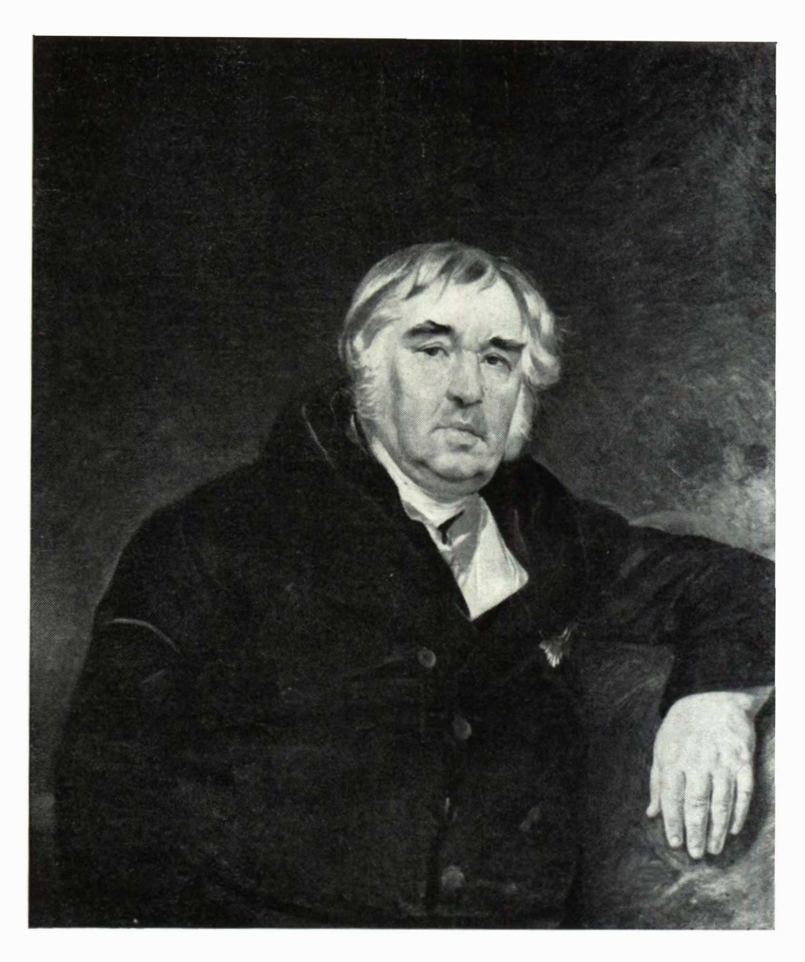
43. В. И. Штернберг. Портрет А. Н. Мокрицкого. Карикатура. 1844

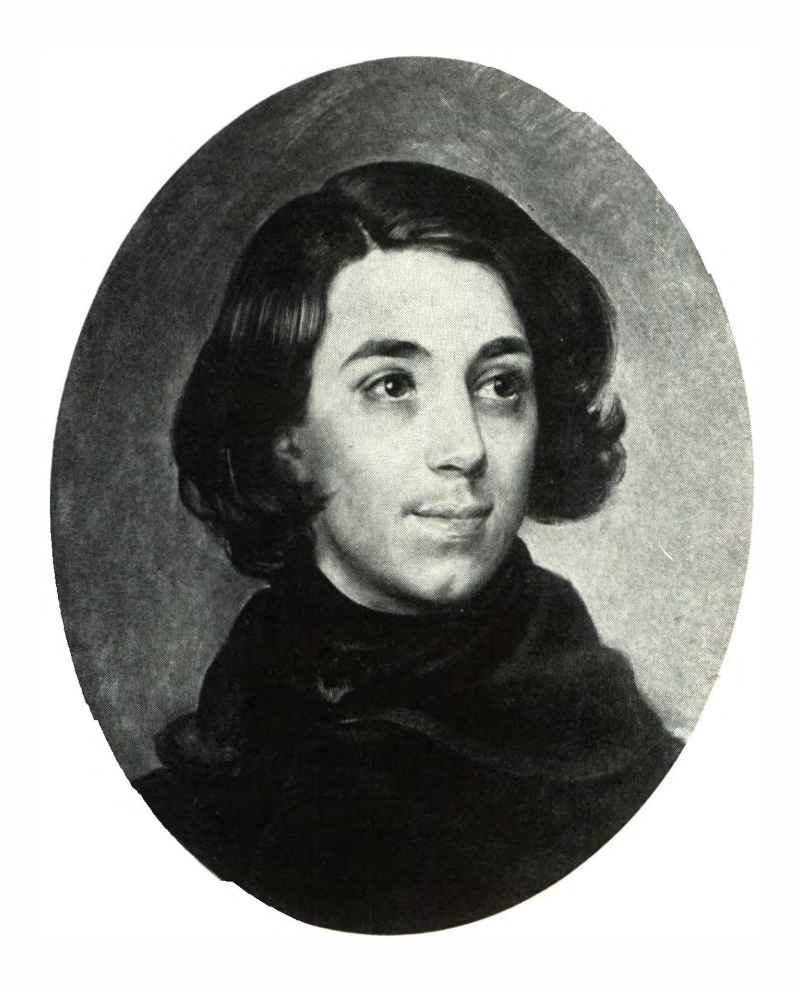
44. В. И. Штернберг. Автопортрет. 1838—1840

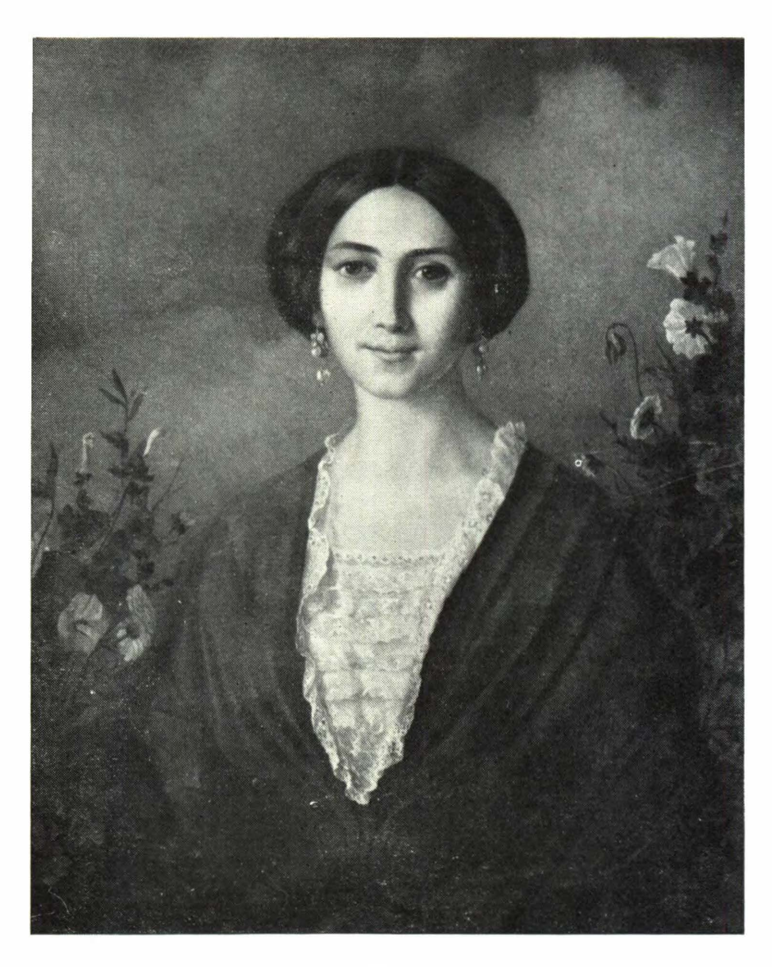
45 К П Брюллов. Портрет кн. А. Н Голицына. 1840

46. К. П. Брюллов. Портрет баснописца И. А. Крылова. 1839

47. К. П. Брюллов. Портрет архитектора И. А. Монигетти 1840

48. А. Н. Мокрицкий. Портрет М Л. Мокрицкой, жены художника. 1853

приятно. Сказал много в пользу Доменикина Иоанна и уклонился от похвалы своей копии [430]. И, когда Александра Матвеевна сказала ему, что из немногих дней, которые они надеются провести в Петербурге, этот день останется для нее незабываемым, он отвечал, что весьма лестно будет для него, если хоть частица сказанного справедлива.

Когда речь зашла о Малороссии и о поездке его туда, то он объявил им, что так много наслышан он от меня о радушии яготинских хозяев, что собирался и сам сделаться участником удовольствия, которое доставляли они мне. Много было сказано обоюдных комплиментов. Словом, прием его очаровал моих милых гостей. От него пошли мы смотреть «Помпею». Будку Яненко сняли прочь, и картина явилась перед ними в полном блеске. [...] [431]

8 марта. 7 часов. В 6 часов расстался я с Штернбергом. Долго тянулся его отъезд. Это отрывало его от дела, он не мог ничем заняться, хлопотал и о дорожных вещах, и прощальные визиты озабочивали его с утра до вечера. Наконец, вчера вечером, часу в 8-м приход Даля напомнил нам о близкой разлуке [432].

Скоро мы разошлись. Я ушел к Прокоповичу, он уехал к Трейберу [433], в 11 часов были мы дома. Я воспомнил про альбом Гребенки и нарисовал туда профилек Штернберга. В 6 часов мы встали и после чаю до прихода натурщика занялись укладкою. Только что принялся я писать, как пришел Николай Данилович Белозерский [434]. [...] Около трех часов поехали мы к Кукольнику, пробыли у него полчаса. [...] По дороге заехали к Бастиану и Соколовскому [435].

Приехавши в Академию, Вася пошел к Василию Ивановичу и к Брюллову. С последним он не видался, сказали, что дома нет. В 6 часов он уехал. Я остался один, вокруг меня тихо и пусто. Я один. [...] Прощай, дружок Вася, поручаю тебя деснице божией! Счастливый путь тебе, голубчик! После класса пришел

Шевченко и очень жалел, что не застал Штернб[ерга], и не простился с ним. Мы идем с ним к Евгению.

10 марта. Были мы тот вечер у Евгения, застали там Лагоду. С сожалением услышали они, что Вася уехал, пожелали ему счастливого пути и благополучного возвращения. Любовались его рисуночком, в особенности хозяин альбома был в восторге. Часа с два оставались мы там, поужинали малорос[сийской] колбасой и пошли домой [436].

Вчера провел я почти весь день с Иваном Максимовичем. [...] После класса пошел я к Белозерскому и просидел там до 11 с половиной часов. [...]

Святая. 2 апреля. Воскресенье. Сегодня в девять часов поутру шлет за мной Брюллов. Он встречает меня с насмешливою гримасою и вопросом: «Что, нездоров? Голова болит! Зачем вы не работаете. Долго ли будет торчать здесь ваша работа?» [437] (Надо заметить, что в картине околичность еще сыра, а фигу-р[ы] не могу писать я без натурщика.) Слова эти были сказаны самым грубым тоном, как будто перед ним стоял самый негодный [человек], что, хотя я попривык к подобным встречам, но каждый раз ошеломит меня такое обращение, вовсе не свойственное человеку с таким умом и таким талантом. Я отвечал ему, что сегодня займусь я дома, мне нужно окончить два рисунка, а завтра придет натурщик и я начну оканчивать фигуру. «Увидим,— сказал он с сердцем,— если завтра вы не будете прилежно работать, то я выброшу вашу картину из мастерской. Мне не нужно здесь лишних холстов!» После этого я ушел молча.

Вчера вечером, часу в 11-м пришел я к нему. Шевченко читал «Анахорета» [438], а он раскладывал гран-пасьянс. Я показал ему рисунок — «Портр[ет] m-me Клодт» [439]. «Похожа, очень похожа, дайте карандаш!» И действием волшебного карандаша рисунок, в котором была видна робость ученика, принял тотчас другой вид. Не касаясь лица, он бегло прошел драпировку (платье), кое-где тронул складочки, обошел контуры кисточки, и рисунок

ожил. «Ну вот,— сказал он,— немного недоставало, а какая разница. Вялый! не чувствуете красоты, ну, прочь с бумагами, сейчас принесут нам ужин!»

В пище он неприхотлив, но разнообразие и в этом не последнее. Будучи холост, он не держал кухарки, если обедал дома, то посылал к Гейде[440]. Ужин составляли часто остатки от обеда или голландский сыр с маслом, рюмка водки и бутылка пива. Пиво он любит очень. Теперь же есть у нас кухарка и горничная, souvenier de mariage *[441]. Кушанье готовится дома, и вечером есть, что поужинать: какой-нибудь соус и котлеты, или кусок жаркого, ростбиф, или что другое составляют его ужин. Здесь пьет он рюмки две водки или вина и стака[на] дв[а] пива. Так было и вчера за ужином. Был он очень любезен, говорил о своем вояже в Грецию[442], шутил с нами всячески, представлял спящего на солнце щенка. Надо заметить, что он обладает необыкновенною способностию все представлять в лицах: людей и зверей, птиц, гадов и насекомых. Фейерверк и иллюминацию представляет он так живо и смешно. Говорил об «Афинск[ой] школе» Рафаэля, о Пуссене, заметя, что сей последний великий художник не имеет тех тонких идеальных экспрессий, какие у Рафаэля исключительно. «Моисей, источ[ающий] воду» Пуссена — превосходнейшая картина![443] Он ставит ее высоко. Зашла речь о «Помпее». Здесь мы рассказали ему некоторые подробности того времени, как она [была] привезена в Петербург. Слухи и толки об ней, про обед, данный Академией перед картиной, за которым все единодушно, со слезами восторга на глазах, пили за здоровье отсутствующего творца «Последнего дня Помпеи»[444].

Время нечувствительно летело, и уже в час пошел он в постель. С полчаса я пробыл еще у него и ушел, сказавши, что завтра останусь дома рисовать свой портрет и рисуночек Штернбергу. Вчера расстались мы приятелями, а сегодня встретил он меня

---

* Память о браке (*франц*).

самым оскорбительным тоном с глупыми причудами. Эта самая неровность в обращении делает положение мое чрезвычайно тягостным, но что до этого: не я один пью от него горькую чашу. И не он ли сеет во мне семена прекрасного искусства и всех нас восхищает своим дивным талантом.

В субботу [1 апреля], вчера, поутру зашел я к нему наведаться к портрету Голицына. «Вы все шатаетесь без дела! Почему вы не пишете «Распятия»?»—«Околичность еще сыра, а натурщик придет в понедельник. Сегодня хочу кончить портрет m-me Клодт!» Он замолчал.

Как хорош будет портрет Голицына, как он постепенно оживает, выходит из холста. Дивно написана голова и прекрасно размещены линии и пятна красок в картине. Что до эффекта, еще не видно, что будет, не весь промаран [445].

В четверг пришел я в мастерскую и, глядя на своего «Христа», не знал, что делать. Брюллов был занят, я приготовлял палитру. «Что же вы гуляете? Ведь пора кончать!»—«Не знаю,— отвечал я,— за что приняться. Думаю продолжать Крылова [446], пока пройду вторично тело с натуры».—«Пишите крест. Ну, выкрасите его, напишите волосы, сияние, терновый венок, мало ли дела! Напишите драпировку!» Право, не хотел бы я быть здесь: в таком дурном расположении был он в это утро. Кричит и шумит, бранится, нетерпелив и зол. Беда, да и только. И без того не смею писать у него на глазах, а когда он еще не в духе, то кисти валятся из рук. Делать было нечего, принялся я красить. Он сидит на диване с цигаркой и покрикивает: «Не так, возьмите вохры побольше. Серо, шоколад, черт возьми! Думайте о грунте. Прибавьте креста направо. Довольно, поехала! Ну, слава богу. Ну вот, видите ли разницу? Понимаете? (Любимое его слово.) Отойдите от картины, ну, теперь довольно. Пишите драпировку!» Принес я простыню, намочил ее, и вот он начал раскладывать ее на полу. Складки ложились так живописно и стильно, лучше и приличнее и выдумать нельзя. «Промарайте все зеленоватым тоном с лазурью. Вот так! Кладите тени, да рисуйте же вернее,

дайте кисть!» И начал сам. «Очищайте!.. Ну, теперь кладите полтоны!» Я, приняв зеленоватый тот колер за полтон, стал втупик... «Что задумался? Полтоны!» — прогремело сзади меня. Уже он вскочил с дивана и стоит за мной. У меня зарябило в глазах, я видел перед собою складки и не знал, как очищать, что выбрать, а что оставить. «Кладите светы, если так, ну, светы! Теплее! Чтобы не сливалось с небом! Фу, ну я пойду одеваться, поеду к Бенкендорфу, а вы непременно напишите это!» [447]

Пришедши, увидел мою работу и был очень рад: «Догадавсь! Ну, хорошо, смотрите, не испортьте!» Он уехал, а я писал до половины 6-го, не ходил и обедать, и аппетит прошел. [...]

По крайней мере не даром потрудился. Картина кажет[ся] оконченною. В ней все на местах, все подмалевано окончательно, теперь только пройти осторожно теми же колерами корпуснее и сухо, и образ кончен [448].

Вот так идет наша работа, трудно, да зато хорошо. Хоть он и мучит, да добру учит, спасибо ему. Благодарю моего бога, что послал мне такого наставника в искусстве. Без него блуждал бы и я, как многие, во тьме кромешной. Жестоконек он немного, да делать нечего.

Вечером был я у Клодта, там весьма приятно провел время в обществе милой хозяюшки и m-lle Натали [449].

В пятницу был у него Голицын, а я рисовал у барона. Вечером мы на бале в Доме воспитательном [...]. Наташа Клодт была очень мила [...].

Да. Я забыл про наше гулянье вокруг качелей. Это было в среду. Погода была прекрасная. Я написал в картине лестницу. К Брюллову пришел Прянишников [450]. Время было обеденное, я ушел из мастерской в намерении провести день на воздухе. Зашел я к барону, пообедал у него, и после обеда поехали мы кататься. [...]

Праздники тянутся для меня очень медленно [451]. [...] Первый день был я у заутрени. [...] Я отправился к Бриеру де Мартре, посидел у него и пошел к Брюллову, он уже проснулся, расска-

зывал мне, что хотел идти смотреть процессию в Казанск[ий] собор, да проспал по милости Шевченки. Тут он припомнил московские церковные церемонии в эту ночь, презабавно рассказывал все, что там происходит. Попы серебряные, попы золотые, в набалдашниках. Освещение необыкновен[ное], стрельба из пушек, гул колоколов, рев колокола на Иване Великом. Крик, туш, давка, стук экипаж[ей] и проч[ее].

От него обошел я Акад[емию], был у Егор[ова], Шеб[уева], у графа [Толстого] у Васил[ия] Иван[овича], у Галаганш[и] и Сапожн[икова]. [...] На другой день был у Кир[еева], у Готовц[ева] и Андрюши, у Наврозов[ых][452], обедал у Мартосовых.

На третий день принялся работать, потому что скука смертельная овладела мною. Не помню, кажется, в этот день обедал у Брюллова, да вечером был у Белоусова.

Нет, не прав я, праздники прошли быстро. Все так недавно, так живо в памяти...

1840 ГОД

25 генваря 1840 года. Борзна. После продолжительного и скучного пути прибыли мы к Н[иколаю] Д[аниловичу][453] в 8 ч[асов] утра. [...] Мы остались вдвоем с Н[иколаем] Д[аниловичем]. На кучу вопросов о Петерб[урге], расспросы о том, о другом, о Гоголе, Данилевск[ом] и проч[ее], об Акад[емии], о выст[авке], обо мне, наконец, о Брюллове...

К вечеру приехал Виктор[454]. Еще до ужина наговорились мы досыта. Поездка Ш[т]ернберга в Оренбург и сказания о Брюллове и Глинке, о Пушкине были предметом нашего разговора. Некоторые обстоятельства из жизни этого необыкновенного человека,

более интересные, возбуждали сильное участие с обеих сторон... Мы поужинали и разошлись по койкам. [...] Я читал «Обед, какого не бывало» Ф. Глинки[455]. Много прекрасных чувств и мыслей расположили мое воображение к странному сну. [...] Потом видел себя вместе с Шт[ернбергом] и В[иктором] А[ндреевичем], но важнее всего — Брюллов с новыми друзьями. Эти молодые люди — архит[екторы], выпуще[нные] нынче из Акад[емии]. Они пировали, забыв все приличия. Меня это чрезвычайно удивило. Но всего более трогала меня дерзость и нахальство, с какими эти молодые болваны обращались к вел[икому] Бр[юллову], но он, в нетрезвом виде находясь между ними, сносил все это, почти не примечая, но без величия и, к сожалению, с унижением. Это раздирало мою душу, я готов был вывести его насильно из это[го] буйного общества, но их было много, и головы их были хмельны. Я просыпался несколько раз, припоминал фамилии этих мальчишек, но, зная их только в лицо, не мог вспомнить ни одной фамилии. Гессе, Мон[игет]ти и другие[456]. Кажется, это они. Увидим, время раскроет...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив ГЭ — Архив Государственного Эрмитажа.

ГА Полтавской обл. — Государственный архив Полтавской области в Полтаве.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.

ОР ИЛ АН УССР — Отдел рукописей Института литературы Академии наук УССР в Киеве.

ОР ИРЛИ АН СССР — Отдел рукописей Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

ОР ГРМ — Отдел рукописей Государственного Русского музея.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР.

ЦГИАЛО — Центральный государственный исторический архив Ленинградской области.

ЦГИА УССР в Киеве — Центральный государственный исторический архив в Киеве.

Фил. ГА Черниговской обл. в Нежине — Филиал Государственного архива Черниговской области в Нежине.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь идет об Амалии Федоровне Мокрицкой (1807—?), жене старшего брата автора дневника, Александра Николаевича Мокрицкого (1805—?), врача, практиковавшего в 30-х годах XIX века в городе Пирятине Полтавской губернии на Украине.

[2] Местонахождение портрета А. Ф. Мокрицкой и «Автопортрета» автора, как и большинства упомянутых в «Дневнике» работ А. Н. Мокрицкого, неизвестно. В списке произведений художника (см. стр. 233—252) сообщаются все известные сведения о его картинах и рисунках.

[3] Имеется в виду портрет Николая Андреевича Маркевича (1804—1860) — музыканта, поэта, историка, этнографа, много сделавшего для изучения быта и фольклора Украины; автора сборника «Украинские мелодии» (1831), пятитомной «Истории Малороссии» (1842—1843). Маркевичу посвящено стихотворение Т. Г. Шевченко «Бандуристе, орел сизый». Маркевич был владельцем имения Туровка в Прилукском уезде Полтавской губернии, о пребывании в котором упоминает автор в записи от 17 апреля [1834]. В «Записках, отметках из корреспонденции, из денежных счетов и т. д.» Н. А. Маркевич пишет: «1834. ...февраль 3. Забота о холстах для Мокрицкого» и «1834. ...Мокрицкий и опять портрет». (ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 448, д. 48, лл. 37, 95).

[4] См. прим. 1.

[5] Мокрицкий Николай Алексеевич (1776—1834) — отец автора. Почтмейстер в городе Пирятине, титулярный советник.

[6] Вероятно, речь идет о Дмитрие Ивановиче Маркевиче (1792 — ум. после 1851) — поручике в отставке, участнике Отечественной войны 1812 года, судье Прилукского уездного суда. Д. И. Маркевич был женат на Анастасии Ивановне Лукомской, сестре близкого друга автора Р. И. Лукомского (см. прим. 21).

[7] Виктор — лицо неустановленное, возможно, двоюродный брат автора. Владелицей деревни Яблоневка в Прилукском уезде Полтавской губернии в 30-х годах XIX века была Мария Осиповна Горленко (1791—?).

[8] Галаган Петр Григорьевич (1792—1855) — помещик Полтавской и Черниговской губерний. Лохвицкий уездный предводитель дворянства (1832—1835). Владелец села Дегтяри Прилукского уезда Полтавской губернии, о пребывании в котором часто упоминает автор.

[9] Паша — лицо неустановленное.

[10] Бальмен де, Петр Антонович (1794—?), граф, — помещик, владелец имения в селе Линовицы Пирятинского уезда Полтавской губернии. Старший сын его, Яков Петрович де Бальмен (1813—1845), был соучеником А. Н. Мокрицкого по Нежинской гимназии высших наук кн. А. А. Безбородко. Сергей Петрович де Бальмен (ок. 1815—?), портрет которого писал Мокрицкий, — второй сын П. А. и Софьи Александровны де Бальменов.

[11] М. Яковлевна — лицо неустановленное.

[12] «Юрий Милославский» (1829) — первый исторический роман М. Н. Загоскина, имевший огромный успех у читателей.

[13] Речь идет о сватовстве Владимира Александровича Казадаева, брата Софьи Александровны Галаган (?—1864), урожденной Казадаевой, супруги П. Г. Галагана (с 1824), к Варваре Николаевне Селивановичевой.

[14] То есть П. Г. Галаган.

[15] Оркестр крепостных, принадлежавший Галаганам, славился на Украине. Многие музыканты, входившие в его состав, были учениками лучших педагогов Москвы и Петербурга тех лет.

[16] Мокрицкий вспоминает, вероятно, свою жизнь в Петербурге после окончания Нежинской гимназии. См. вступит. статью.

[17] *Учась в Нежине, Мокрицкий жил на квартире у гимназического* доктора Карла Карловича Фибинга (ок. 1787—?) — участника Отечественной войны 1812 года. (Фил. ГА Черниговской обл. в Нежине, ф. 377, оп. 1, д. 61, л. 27—28; там же, д. 102, л. 7; там же, д. 124, л. 25).

[18] «Торквато Тассо» (1833) — драматическая фантазия в стихах Н. В. Кукольника, сцены из которой были впервые опубликованы в «Невском альманахе на 1832 год». Первое представление пьесы Кукольника состоялось в Петербурге 27 сентября 1833 года.

[19] Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — учился в Академии художеств с 1809 года, с 1822 года жил в Италии, куда был послан для усовершенствования на средства Общества поощрения художников. В период, к которому относится запись в «Дневнике», Брюллов был уже широко известен как автор двух картин, присланных им на родину из Италии: «Итальянское утро» (1823, местонахождение неизвестно) и «Итальянский полдень» (1827, ныне — в ГРМ).

Алексей Гаврилович Венецианов (1780—1847) не был учеником Академии художеств. Он поселился в Петербурге в 1807 году. В 1811 — удостоен звания академика. В 1830 — звания придворного живописца.

[20] П. Г. Галаган.

[21] Лукомский Родион Иванович (1801—?) — помещик, владелец небольшого имения в селе Журавка Прилукского уезда Полтавской губернии. Управляющий имениями Екатерины Васильевны Галаган (?—1868), вдовы Павла Григорьевича Галагана (1793—1834) — брата Петра Г. Галагана. Пирятинский межевой судья (1832—1836). Близкий друг и родственник Мокрицкого. Известен акварельный портрет Р. И. Лукомского работы Т. Г. Шевченко (1843, Киевский гос. музей Т. Г. Шевченко).

[22] С. А. Галаган.

[23] См. прим. 18. Вишневская Софья Гавриловна — сестра соученика Мокрицкого по Нежинской гимназии, Ивана Гавриловича Вишневского (ок. 1806 — после 1858). Известная красавица.

[24] В письме С. А. Галаган к отцу от 1832 года из Дегтярей сообщалось: «Портреты все очень хороши, особенно Екатерины. Брат их развесил в большой гостиной. Над диваном Екатерину, а по бокам — Александра и Елизавету Алексеевну, Петра Великого — нет, потому что он без рамы...» (ЦГАДА, ф. 196, д. 829, л. 232).

[25] Иван Николаевич — лицо неустановленное.

[26] Схотель (Шётель) Иоганнес Христиан (1787—1838) — голландский живописец-пейзажист, маринист.

[27] В Нежинской гимназии высших наук в 1830 году учились братья Виктор и Викентий Арбольяновы. Возможно, речь идет об одном из этих юношей. (Фил. ГА Черниговской обл. в Нежине, ф. 377, оп. 1, д. 40, л. 53).

[28] Настасья Осиповна — лицо неустановленное.

[29] «Любовь и смерть. Ночное мечтание» («Библиотека для чтения». СПб., 1834, т. III) — автобиографическая повесть О. И. Сенковского, в которой подробно описана трагическая любовь автора к старшей дочери барона Раль.

[30] См. прим. 5. В начале 1834 года скончался отец художника.

[31] Речь идет о портрете С. Г. Вишневской.

[32] С. А. Галаган.

[33] Магеровский Помпей — соученик Мокрицкого по Нежинской гимназии высших наук.

[34] Богданович Василий Александрович — помещик, владелец хутора Александрия в Пирятинском уезде Полтавской губернии, дядя Мокрицкого.

[35] Речь идет о присяге будущего императора Александра II (22 апреля 1834).

[36] Ал. Н. и А. Ф. Мокрицкие.

[37] Село Мойсевка (Мосевка) Пирятинского уезда Полтавской губернии в 30-х годах XIX века принадлежало Татьяне Густавовне Вольховской (урожденная Гампф, 1761— ум. после 1848), тетке графов Я. П. и С. П. де Бальменов.

[38] Возможно, автор вспоминает о Владимире Андреевиче Глинке (1790—1862), родственнике Т. Г. Вольховской, часто бывавшем в Мойсевке в 30-х годах, хорошем знакомом С. А. и П. Г. Галаганов. Позже — сенатор, генерал от артиллерии, главный начальник Уральских горных заводов. Однако жену его звали Ульяной Гавриловной (урожденная Вишневская, сестра С. Г. Вишневской, красотой которой восхищался Мокрицкий). Автор мог ошибиться, спутав в дневнике имена сестер.

[39] Шержинский Семен Данилович — чиновник. Окончив курс в Петербургском педагогическом институте, преподавал в Феодосии, затем служил в Почтовом департаменте в Петеребурге, в 1840-х годах — почтмейстером в Житомире. Н. В. Гоголь отзывался о нем как о «преинтереснейшем и прелюбезнейшем человеке» (Собрание сочинений, т. I. М., 1949, стр. 313). Такого же мнения был о нем и Пушкин. Мокрицкий, познакомившийся с Шержинским в 1833 году в Петербурге, вспоминал: «...изящные искусства были для него потребностью. Он искал знакомства с молодыми и даровитыми художниками и, просиживая у них подолгу, давал им весьма полезные советы. ...Николай Васильевич Гоголь очень любил его. По субботам у Гоголя собирались все нежинцы, а также и другие земляки.

Весело проводили мы эти субботы, но когда являлся Шержинский, то разговор оживлялся, все с нетерпением ожидали какого-либо интересного рассказа. ...Не одну поэтическую красоту заимствовал Гоголь из рассказов Шержинского. ...Шержинского на вечерах у Петра Алексеевича Плетнева, где собирались наши поэты, с жадностью слушал и А. С. Пушкин. Усевшись на диван, он слушал его с сверкающими глазами, впивался в рассказчика и хохотал от души своим наивно-звонким детским смехом». («Художественный журнал», 1882, т. 3, стр. 151).

[40] Крашенинников Александр Петрович — петербургский чиновник, помещик Воронежской губернии. Три брата Крашенинниковых принадлежали к хорошим знакомым семейств Венецианова и Мартоса. С последним дружили еще их родители. А. А. Мартос относилась к ним, как «к родным сыновьям» («Исторический вестник», 1894, № 7, стр. 49). Старший из братьев — Федор Петрович (1806—1887), поверенный в делах семьи скульптора, был близок к художественным кругам, писал статьи по истории музыки. Младший брат — Сергей Петрович (1811—1870) служил офицером во флоте. Мокрицкий дружил со всеми братьями.

[41] С. А. Галаган.

[42] Казадаев Александр Васильевич (1781—1854) — тайный советник, сенатор, статс-секретарь. С 1828 года — в отставке. Работал над биографиями русских литераторов и других замечательных людей, собирал материалы для истории царствования Екатерины II. В 1829 году избран действительным членом Академии наук. Был женат на Надежде Петровне Резвой (1775—1828). Дальний родственник композитора Михаила Ивановича Глинки (1804—1857), посаженный отец на его свадьбе.

[43] Григорович Василий Иванович (1792—1865) — любитель искусств и художественный критик. Издатель «Журнала изящных искусств» (1823—1825). Конференц-секретарь Академии художеств (1829—1859), преподававший в ней также теорию искусств (с 1830). Почетный вольный общник Академии художеств, секретарь Общества поощрения художников, действительный член Академии наук, почетный член Московского художественного общества. Был женат на С. И. Мартос, дочери скульптора, ректора Академии художеств, И. П. Мартоса. Земляк и покровитель Мокрицкого. Поддерживал тесные связи с «малороссийской колонией» в Петербурге: «Он человек с большими сведениями, — писал Е. П. Гребенка, — и служит мне ключом ко всему изящному, что только находится в Академии» (ОР ИЛ АН УССР, ф. 65, д. 16, л. 1). С. И. и

В. И. Григоровичи, как сообщает М. Ф. Каменская, были дружны с семьей вице-президента Академии художеств графа Федора Петровича Толстого (1783—1873). По рекомендации последнего Григорович был назначен конференц-секретарем («Русская старина», 1878, кн. II., стр. 236; «Исторический вестник», 1894, № 5, стр. 345). Варнек Александр Григорьевич (1782—1843) — живописец-портретист, занимался также скульптурой. С 1810 года — академик, преподавал в Академии художеств; с 1815 — вел класс миниатюрной живописи. С 1831 — профессор, с 1834 — заслуженный профессор. Хранитель Эрмитажа (с 1824). В конце 1830-х — начале 1840-х годов интриговал против Венецианова в Академии из зависти к «свежему, оригинальному его дарованию». (Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников, стр. 267.)

[44] Речь идет о картине К. П. Брюллова «Последний день Помпеи» (1830—1833, ныне — в ГРМ), принесшей художнику европейскую известность. Была привезена в Россию в 1834 году и выставлена в Эрмитаже, позже — в Академии художеств.

[45] Автор имеет в виду образа, исполненные Венециановым для собора Смольного монастыря (1832—1835). См. список произведений А. Г. Венецианова в кн.: А. Н. Савинов. А. Г. Венецианов. М., 1955, стр. 209.

[46] Тыранов Алексей Васильевич (1808—1859) — живописец, работал в области интерьера, портрета и жанра. Один из первых и талантливейших учеников Венецианова (до 1832), (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, д. 40—Т, л. 6). По ходатайству последнего был принят вольноприходящим учеником в Академию. В 1832 году получил звание неклассного художника, с 1839 — академик. Тогда же был отправлен за границу. Тухаринов Ефим — живописец, ученик Венецианова. В 1834 — получил 2-ю серебряную медаль за картину «Воздвижение креста». Сведений о его судьбе после 1837 года не сохранилось.

[47] Рисс Франц Николаевич (1804—1886) — художник. Работал как портретист, жанрист и исторический живописец. Художественное образование получил в Париже. С 1833 — академик петербургской Академии художеств. С 1863 — ее почетный вольный общник. Нотбек Александр Васильевич (1802—1866) — исторический живописец и педагог. Ученик Академии с 1813, в 1827 году получил 1-ю золотую медаль, в 1861 — звание академика. Якобс (или Якобсон) Павел Эммануилович (1802—1866) — немецкий исторический живописец, работал в Петербурге с 1830 по 1840 год. С 1832 — «назначенный», с 1833 — академик. Крылов

Гурий Асафович (1805—1841) — живописец-портретист. Вольноприходящий ученик Академии художеств. Возможно, был учеником Венецианова. В 1833 — получил звание свободного художника. С 1839 года — академик. Рабус Карл (Вильгельм) Иванович (1799—1857) — живописец-пейзажист и педагог. Окончил Академию в 1821 году, с 1827 — академик. Преподавал в Училище живописи и ваяния и во Второй школе технического рисования (позднее — Строгановское училище в Москве).

[48] Плахов (Плохов) Лавр Кузьмич (1810—1881) — живописец, жанрист и пейзажист. С 1829 года учился у Венецианова, позже — вольноприходящий ученик Академии. В 1832 — получил 2-ю серебряную медаль, в 1834 — 2-ю золотую, в 1836 — звание художника.

[49] Политковский Александр Гаврилович (1804—1853) — тайный советник, камергер, с 1839 — директор Комитета, ведавшего инвалидным капиталом. Растратил более миллиона рублей казенных денег. Дело Политковского — один из крупнейших скандалов царствования Николая I. Кутайсова Анна Петровна (урожд. Резвая, 176...—1848), графиня. Жена фаворита Павла I, Ивана Павловича Кутайсова (1780—1840). Родная сестра Н. П. Казадаевой, матери С. А. Галаган. Огранович Николай Степанович (1809—1873) — артиллерист, впоследствии — генерал-лейтенант, из дворян Полтавской губернии. Участник польской кампании 1831 года, так же как и Петр Александрович Казадаев (1801—1885), брат С. А. Галаган.

[50] Вероятно, о портрете С. А. Галаган, написанном Мокрицким на Украине.

[51] Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) окончил Нежинскую гимназию высших наук в 1828 году, двумя годами ранее Мокрицкого. По свидетельству слуги писателя, Якима Нимченко, они некоторое время в Петербурге жили в одной квартире, «где-то возле Кокушкина моста» (Гоголь в воспоминаниях современников. [М.], 1952, стр. 81).

[52] «Рука всевышнего Отечество спасла» — пьеса Н. В. Кукольника о подвиге Минина и Пожарского. Впервые была поставлена на петербургской сцене 15 января 1834 года в бенефис Василия Андреевича Каратыгина (1802—1853). Принесла автору «благоволение» Николая I. «...За эту пьесу государь подарил ему перстень и делал ему замечания для поправки монологов», — писал Е. П. Гребенка Н. М. Новицкому в марте 1834 года (ОР ИЛ АН УССР, ф. 65, д. 16, л. 1 об.). Известно, что за рецен-

зию Н. А. Полевого, осудившего реакционный патриотизм пьесы, был закрыт журнал «Московский телеграф».

[53] Васильчиков Алексей Васильевич (1778—1854)—действительный статский советник, и его жена Александра Ивановна Васильчикова (1791—1855). Летом 1831 года в семье Васильчиковых в качестве воспитателя их сына жил Н. В. Гоголь.

[54] Автор упоминает о приходе Венецианова и о чтении романа «Фрегат «Надежда» Александра Александровича Бестужева (1797—1837), декабриста, писавшего под псевдонимом — Марлинский. Роман был впервые напечатан в сборнике «Русские повести и рассказы» в 1832 году, без имени автора, находившегося в ссылке. Произведения Марлинского в 30-е годы XIX века пользовались огромной популярностью.

[55] У А. Г. Венецианова было две дочери: Александра (1816—после 1873) и Фелицата (1818—?). Жена художника скончалась в 1831 году. Автор упоминает о Ф. П. Крашенинникове. См. прим. 40.

[56] Ростовцев Яков Иванович (1803—1860) — начальник штаба вел. кн. по управлению военно-учебными заведениями. Печально известен как предатель, выдавший план выступления декабристов. Мокрицкий был у Ростовцева, вероятно, в связи с определением в Дворянский полк младшего брата Петра. См. прим. 69.

[57] Родители композитора Глинки были близкими друзьями и дальними родственниками Казадаевых. Благодаря своему влиянию и связям А. В. Казадаев, отец С. А. Галаган, способствовал благоприятному для Глинок разрешению тяжбы в сенате: проигрыш дела грозил разорением их семье. Можно предположить, что Евгения Андреевна Глинка (1784—1851), мать композитора, заказала Мокрицкому повторение портрета С. А. Галаган.

[58] Данилевский Александр Семенович (1809—1888) — ближайший друг Гоголя. Окончил Нежинскую гимназию высших наук в 1828; служил на Кавказе, затем — в Петербурге. Поддерживал знакомство со многими из нежинцев, живших в столице. В 1836 году, вместе с Гоголем, уехал за границу. С 1838 снова поселился в России. Халчинский Иван Дмитриевич (1810—1856) — окончил Нежинскую гимназию высших наук в 1829 году. Помещик Полтавской губернии. Чиновник Министерства иностранных дел. Автор биографии приятеля Мокрицкого — А. Н. Бородина.

[59] Лагода Антон Иванович (1816—1876) — чиновник. Отец художницы О. А. Лагоды-Шишкиной. В 1839 году Шевченко испол-

нил его акварельный портрет. Маркевич Александр Андреевич (1811—?) — украинский помещик, знакомый автора.

[60] Вероятно, речь идет о А. П. Крашенинникове и портрете С. А. Галаган.

[61] Вульферт — лицо неустановленное. В России существовало две дворянские семьи, носившие фамилию Вульферт. Одна из них происходила с Украины; возможно, Мокрицкий был знаком с представителем «полтавских» Вульфертов, так как члены другой ветви этой фамилии в 1830-х годах не жили в Петербурге.

[62] Ларед — владелец кафе в Петербурге.

[63] Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — историк литературы, поэт, педагог. Профессор русской словесности (с 1832) и ректор (1840—1861) Петербургского университета. Преподавал русский язык и словесность наследнику и другим членам царской семьи. Друг Жуковского, Пушкина и Гоголя. Принимал деятельное участие в издании сочинений Пушкина и журнала «Современник», редактор-издатель его в 1837—1847 годах. См. прим. 109.

[64] «Фенелла» (или «Немая из Портичи», 1828) — опера французского композитора Д. Ф. Э. Обера. С осени 1833 года с большим успехом шла в Петербурге.

[65] de Colla — лицо неустановленное. Не установлено также, о каком произведении идет речь.

[66] Фиарелло и Эльвира — герои оперы «Фенелла». Супруги Гофман (тенор и сопрано), актеры Немецкой оперы, выступавшие в Петербурге с 1835 года.

[67] Элькан Александр Львович (1819—1869) — фельетонист, театральный критик и переводчик. Современники подозревали его в связях с III отделением. Сплетник, послуживший прототипом Загорецкого для «Горя от ума» А. С. Грибоедова и Шприха в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова.

[68] Дементьев Иван Тимофеевич (?—1884) — чиновник, в доме которого часто собирались художники украинцы — С. А. Рымаренко, Т. Г. Шевченко, бывал А. В. Тыранов.

[69] Речь идет о Петре Николаевиче Мокрицком (1814—?). младшем брате автора. Он учился в Дворянском полку в Петербурге, позже «служил в козаках, на Кавказе» (ЦГИА УССР в Киеве, ф. 1475, оп. 1, д. 477, л. 1). В 1840-х годах вышел в отставку и жил на родине в Пирятине.

[70] Кандыба — старинная украинская дворянская фамилия. Вместе

с Мокрицким в Нежине, в 1820-х годах, учились три брата: Андрей (1817—?), Александр (1819—?) и Петр (1816—?).

[71] Гумилевский — лицо неустановленное.

[72] Плетнева Степанида Александровна (урожденная Раевская, ?—1839) — первая жена П. А. Плетнева.

[73] Мокрицкий ошибся, следовало написать «28 июля», так как он родился 28 июля 1810 года (ГА Полтавской обл., ф. 801, оп. 1, д. 2283, л. 3 об). Кроме того, 3 августа 1835 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщала: «...28, в воскресенье, в Новом Адмиралтействе ...в три часа пополудни спущен на воду 84-пушечный корабль «Лефорт» (№ 175, стр. 703). Покушение Ж. Фиески на французского короля Людовика-Филиппа и других членов королевской семьи было совершено 28 июля 1835 года.

[74] В 1835—1836 годах Мокрицкий учил рисованию детей Е. В. и П. В. Галаганов: Марию Павловну (1822—?) и Григория Павловича (1819—1888) (ЦГИА УССР в Киеве, ф. 1475, оп. 1, д. 1329, лл. 6—9).

[75] См. прим. 49.

[76] Работа Мокрицкого экспонировалась на постоянной выставке Общества поощрения художников. Название картины не установлено.

[77] Константин Иванович — лицо неустановленное, возможно, Константин Иванович Григорович (ок. 1803—1891), брат В. И. Григоровича.

[78] Речь идет о письме С. П. Крашенинникова брату Александру. С. П. Крашенинников, морской офицер по профессии, попал в Данциг в 1835 году, участвуя в знаменитых Калишских маневрах, когда «Россия браталась с Пруссией». Запись в дневнике Мокрицкого устанавливает, что Плахов впервые был за границей летом 1835 года. Подтверждение этому имеется в делах Академии художеств. 4 мая 1835 года чиновник двора вел. кн. Михаила Павловича И. П. Вешняков сообщал А. Н. Оленину, президенту Академии: «...живописец Плахов отъезжает на днях за границу и возвратится сюда не прежде августа месяца» (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, д. 15-а, лл. 10, 12). В журнале Правления Академии 23 мая 1835 года записано: «...дозволить ему (т. е. Плахову. — *Н. П.*) отбыть в Финляндию, выдав ему на проезд до Абова надлежащий вид» (ЦГИА, ф. 789, оп. 16, д. 53, л. 4). В ноябре 1835 года художник уже вернулся в Петербург (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, д. 70, л. 3 об.).

[79] Максимовы Павел (1784—1846) и Стефан Петровичи, знакомые Мокрицкого; первый — военный, позже — генерал-майор.

[80] Шенин Александр Федорович — инспектор классов Павловского кадетского корпуса, переводчик. Участвовал в издании Энциклопедического лексикона Плюшара как редактор.

[81] По свидетельствам современников, Пушкин в последние годы жизни часто бывал у Плетнева в Петербурге и на даче. Слова поэта, обращенные к почти незнакомому юноше, ярко характеризуют его душевное состояние в те дни.

[82] Речь идет о картинах немецкого живописца Франца Крюгера (1797—1857) «Парад королевских прусских гусаров перед королем Фридрихом Вильгельмом III» (1830) и «Портрет графа И. Ф. Паскевича» (1834), хранившихся в Эрмитаже.

[83] Клодт фон Юргенсбург Петр Карлович (1805—1867), барон, — скульптор. Получил военное образование, скульптурой занимался самостоятельно. С 1835 года — член Берлинской Академии художеств, с 1838 — академик и профессор 2-й степени Академии художеств в Петербурге, с 1858 — заслуженный профессор, с 1859 — член-корреспондент Французской Академии. Заведовал Литейным двором при Академии художеств в Петербурге (с 1838). Современники отзывались о Клодте как о скромном, обаятельном человеке, всецело поглощенном своей работой.

[84] Шевич — лицо неустановленное, возможно, племянник А. Х. Бенкендорфа.

[85] Вероятно, с Ал. Н. Мокрицким, старшим братом автора. См. прим. 1.

[86] Гаевский Семен Федорович (1778—1862) — доктор медицины и хирургии. Автор ряда ученых трудов, сотрудник Энциклопедического словаря Плюшара. Уроженец Полтавы, сын священника из дворян. С 1837 года — директор Медицинского департамента. Мокрицкий хлопотал у Гаевского о брате Александре.

[87] Фрегат был спущен на воду 3 августа 1835 года («Санкт-Петербургские ведомости», 1835, № 175, стр. 703).

[88] Не установлено, чей портрет писал Мокрицкий.

[89] Роль Фенеллы обычно исполняет балерина. На петербургской сцене в этой роли многочисленные похвальные отзывы зрителей и печати вызывала балерина Мария Дмитриевна Новицкая (в замужестве — Дюр, 1816—1868). В письме Е. П. Гребенки к Н. М. Новицкому сообщалось об успехе его однофамилицы: «Все наши нежинцы, помня тебя, собираются ордою и решительно ее вызывают первую на сцену» (ОР ИЛ АН УССР, ф. 65, д. 16, л. 2, 7 марта 1834). Это

дает основание предположить, что Мокрицкий мог работать над портретом М. Д. Новицкой.

[90] Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — популярный в 1830-х годах драматург, поэт и писатель-прозаик. Издатель и автор большинства статей «Художественной газеты» (1836—1842). Окончил Нежинскую гимназию высших наук в 1829 году. С 1837 года — почетный вольный общник Академии художеств. Гоголь дал ему ироническое прозвище «Возвышенный». Пушкин не признавал таланта у Кукольника, находя в его произведениях «жар не поэзии, а лихорадки» («Русская старина», 1881, кн. IX, стр. 152). М. И. Глинка создал цикл романсов «Прощание с Петербургом» на слова Кукольника и музыку к драме последнего «Князь Холмский». К. П. Брюллов написал в 1836 году его портрет (ГТГ). Редкин Петр Григорьевич (1808—1891) — ученый — юрист и педагог. Окончил Нежинскую гимназию высших наук (1826), учился в Московском, Дерптском и Берлинском университетах. Член кружка А. И. Герцена в Москве. Ректор Петербургского университета (1873—1876). С 1882 года — член Государственного совета. Базили Константин Михайлович (1809—1884) — дипломат. Албанский грек по рождению. Учился в Нежинской гимназии высших наук (1822—1827), окончил Ришельевский лицей в Одессе (1830). После путешествия на Восток, в 1833—1837 годах служил в Министерстве иностранных дел, был русским генеральным консулом в Палестине и Сирии (до 1853). Писатель, автор ряда сочинений о Востоке.

[91] Курс обучения в Академии художеств состоял из трех отделений. Натурный класс (рисовальный и живописный) относился к высшему, третьему отделению. Ученик обязан был оставаться здесь до окончания Академии. Время пребывания в нем определялось способностями каждого. Для поездки за границу на средства Академии требовалось получить золотую медаль первого достоинства.

[92] Ладюрнер (Ладурнер) Адольф Игнатьевич (1788—1855) — живописец-портретист и баталист. Учился в Париже. В 1830 году переселился в Петербург. С 1837 — академик, в 1840 — получил звание профессора 3-й степени.

[93] Не установлено, о какой картине Мокрицкого идет речь.

[94] Шебуев Василий Козмич (1777—1855) — исторический живописец; профессор Академии художеств с 1831 года, с 1832 — ректор живописи и ваяния. С 1845 — исполнял должность вице-президента, почетный член Московского общества любителей художеств. В 1822—1823 годах в придворной церкви Екатерининского дворца в

Царском Селе им был восстановлен уничтоженный пожаром в 1820 году плафон «Вознесение», исполненный Д. Валериани. За эту работу в 1823 году Шебуев получил звание придворного живописца. Плафон, погибший в годы Великой Отечественной войны, считался одним из значительнейших произведений мастера.

[95] Речь идет о портрете Марии Никифоровны Прокопович (урожденной Трохневой, 1812—1879), жены Н. Я. Прокоповича, См. прим. 108.

[96] 24 декабря 1835 года Мокрицкий получил 2-ю серебряную медаль за портрет Екатерины Ивановны Пузино (урожденной Аничковой), жены врача П. И. Пузино (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2094, л. 1). В том же году Мокрицкий написал и портрет Поликарпа Ивановича Пузино. (Ныне оба — в ГРМ).

[97] Мадам Фишер жила в 1835 году в Петербурге в доме Е. В. Галаган в качестве компаньонки. (ЦГИА УССР в Киеве, ф. 1475, оп. 1, д. 1329, л. 8).

[98] Речь идет, вероятно, о портрете Марии Петровны Глинки (урожденной Ивановой), жены композитора. См. «Дневник» от 5 ноября 1835 года и прим. 125.

[99] Крафт — владелец магазина художественных принадлежностей в Петербурге.

[100] Семья вице-президента Академии графа Ф. П. Толстого жила в здании Академии, неподалеку от квартиры конференц-секретаря В. И. Григоровича. Графиня Толстая Анна Федоровна (урожденная Дудина, 1792—1835), первая жена скульптора, скончалась скоропостижно.

[101] Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — журналист, редактор «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду» (1837—1839), издатель журнала «Отечественные записки» (1839—1868), газеты «Голос» (1863—1885). Речь идет о билете на оперу Д. Мейербера «Роберт-Дьявол» (1830), премьера которой в Петербурге состоялась 14 декабря 1834 года.

[102] Андрей — слуга Мокрицкого.

[103] Имеется в виду Античная галерея в Академии художеств, где автор занимался рисованием.

[104] Летом 1835 года Редкин сдавал в Петербурге экзамены на звание доктора прав. С ноября 1835 года начал преподавать на юридическом факультете Московского университета.

[105] Либич — лицо неустановленное.

[106] Предположительно, Алексеев Сергей Александрович (1812—?) — живописец и рисовальщик. «Посторонний ученик» Академии художеств с 1830 года; возможно, учился у А. Г. Венецианова. Из крепостных. В 1835 году получил 2-ю серебряную медаль за картину «Портретная галерея 1812 года». В 1837 — присвоено звание свободного художника. Уехал в Харьковскую губернию, где преподавал рисование. Позже жил и работал в Переяславле.

[107] Шержинский Николай Данилович, брат С. Д. Шержинского.

[108] В 1835 году в Петербурге жили два брата Данилевских. Иван Семенович Данилевский, окончивший Нежинскую гимназию в 1833 году, переехал в Петербург (вопреки советам Гоголя) в 1834 году, чтобы поступить на государственную службу. Автор упоминает о братьях Николае и Василии Яковлевичах Прокоповичах, Н. Я. Прокопович (1810—1857) — товарищ Мокрицкого по Нежинской гимназии и ближайший друг Гоголя, редактор первого прижизненного издания собрания сочинений писателя. Поэт и педагог. Жил в Петербурге с 1829 года, преподавал русский язык и словесность в Первом кадетском корпусе. И. И. Панаев вспоминал о нем как о «большом чудаке, а главное, добрейшем человеке». В. Я. Прокопович (1812—1840) — младший из братьев, завершив образование в Нежине в 1832 году, преподавал во Втором кадетском корпусе в Петербурге. В 1830 году Нежинскую гимназию окончили два брата Пащенко: Тимофей и Иван Григорьевичи. По-видимому, имеется в виду И. Г. Пащенко (ок. 1819—1848), служивший в Министерстве юстиции в Петербурге, закадычный друг Гоголя и Данилевского, снабжавший писателя сведениями о «казусных» юридических делах. Данченко Николай Федорович (?—1842) — товарищ Мокрицкого по Нежинской гимназии, где учился до 1832 года. Служил в Петербурге, в Министерстве государственных имуществ. Лукашевич Платон Акимович (?—1887) — товарищ Гоголя, соученик Мокрицкого по Нежинской гимназии. Окончил Ришельевский лицей в Одессе. Издал ряд сочинений, наиболее известны: «Малорусские и червонорусские думы и песни» (СПб., 1836), «Корнеслов греческого языка» (Киев, 1869) и другие.

[109] Литературные вечера у Плетнева в 30-е годы XIX века пользовались большой известностью. На них бывали Жуковский, Пушкин, позже — Гоголь и многие другие.

[110] А[нна] Ф[едоровна] и Федотов — лица неустановленные. Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — поэт.

В его статьях «Прогулка по Академии художеств» (1814), «Прогулка по Москве» (1811—1812) поднимались эстетические и историко-культурные вопросы. Речь идет, по-видимому, о единственной, вышедшей при жизни поэта книге: «Опыты в стихах и прозе» (1817).

[111] «Норма» (1831) — опера итальянского композитора В. Беллини. Автор упоминает старинную комедию Ш. С. Фавара, правильное название которой «Солиман II, или Три султанши». Балет «Сильфида» (музыка Ж. Шнейцгоффера, 1832) был поставлен в России балетмейстером А. Титюсом (настоящее имя — Доши Антуан-Титюс), воспроизведшим балет Ф. Тальони, отца прославленной балерины.

[112] Асенкова Варвара Николаевна (1817—1841) — драматическая актриса, дебютировала в комедии Фавара 25 января 1835 года в бенефис И. И. Сосницкого. Исполняла роль Роксоланы, а не Роксаны, как пишет автор дневника. Брянский (настоящая фамилия — Григорьев Яков Григорьевич, 1791—1853) — актер-трагик Петербургской драматической труппы. Дебютировал в 1811 году, с 1817 — ведущий актер Александринского театра. Переводчик. Отец А. Я. Панаевой и А. Я. Краевской. Сосницкий Иван Иванович (1794—1871) — драматический актер, служил на петербургской сцене с 1811 года. Первый исполнитель роли городничего в комедии Гоголя «Ревизор». Прима-балерина петербургской балетной сцены — француженка Лаура-Мари-Жозефина Пейсар (в замужестве — Герино, 1802—?) исполняла в балете «Сильфида» главную роль. Пейсар дебютировала в Петербурге в 1832 году. Считалась «редкою мастерицей по части жгучих характерных танцев». (А. Плетнев. Наш балет. СПб., 1899, стр. 91). Во второй половине 1840-х годов преподавала в театральной школе в Петербурге.

[113] См. прим. 19. Картина Брюллова «Итальянское утро» была преподнесена Обществом поощрения художников императрице Александре Федоровне, жене Николая I. Долгое время хранилась в Зимнем дворце.

[114] Шатобриан Франсуа-Рене (1768—1848) — французский писатель, представитель реакционного романтизма, политический деятель. Автор «Аталы» (1801), «Ренэ» (1802) и других сочинений.

[115] Селецкий Дмитрий Петрович (1794—?) — генерал-майор, артиллерист. Участник Отечественной войны 1812 года. С 1835 — в отставке. Пирятинский уездный предводитель дворянства (1838—1850). Поздней осенью 1835 года Селецкий приезжал в Петербург для определения сына в учебное заведение.

[116] «Мессиада» (1751—1773) — поэма немецкого поэта Фридриха Готлиба Клопштока (1724—1803), близкая по стилю традициям немецкой религиозной поэзии. Мокрицкий читал ее по-немецки, так как русский перевод появился в 1868 году.

[117] См. прим. 23. С. Г. Вишневская вышла замуж за Писарева Николая Эрастовича (1806—1884), управляющего канцелярией киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, известного своими реакционными политическими взглядами.

[118] То есть братом, П. Н. Мокрицким. См. прим. 69.

[119] См. прим. 106.

[120] Пущин Николай Николаевич (1792—1848) — генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 года. Командир Дворянского полка (1834—1847), в котором строгостью и взысканиями добился дисциплины и хороших знаний у учеников.

[121] Орловский (настоящая фамилия — Смирнов) Борис Иванович (1796—1837) — скульптор, из крепостных, учился в Академии художеств с 1822 года, позже — у А. Торвальдсена, в Италии. Академик, исполнял должность профессора 2-й степени (с 1831), профессор 2-й степени — с 1836.

[122] Черлицкий — лицо неустановленное. В 1830-х годах в Петербурге жили два брата-музыканта: Иван и Карл Черлицкие.

[123] Тарновский Григорий Степанович (?—1853) — украинский помещик. Любитель искусств, меценат. Почетный вольный общник Академии художеств. Приятель Григоровича. В имении Тарновского Качановка на Украине в 1838 году гостили художник В. И. Штернберг и М. И. Глинка, в 1840-х годах неоднократно бывал Т. Г. Шевченко. Несмотря на огромное богатство и славу мецената, которой Тарновский очень дорожил, современники не раз отмечали его скупость.

[124] Ф. П. и С. П. Крашенинниковы.

[125] Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — композитор, создатель национальной русской оперы и родоначальник русской музыкальной школы. В апреле 1835 года Глинка женился на Марии Петровне Ивановой. Брак оказался неудачным и принес композитору много огорчений и неприятностей.

[126] См. прим. 53. Мария Ивановна — лицо неустановленное.

[127] Речь идет о книге писателя и журналиста Павлова Николая Филипповича (1803—1864) «Три повести», получившей в в 1834 году благодаря обличительному содержанию большой обще-

ственный отклик. Положительно оценили ее Пушкин и Белинский. Книга вызвала репрессии правительства против автора и цензора. См. прим. 133.

[128] Сошенко Иван Максимович (1806—1876) — живописец-портретист, посещал рисовальные классы Академии художеств с 1833 года (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2370, л. 188). В 1838— получил звание свободного художника. Друг Шевченко, от имени которого ведется рассказ в повести поэта «Художник».

[129] Не один Мокрицкий восхищался дарованием Плахова. Меценат Н. М. Смирнов, давший в 1836 году Плахову денег на поездку за границу, писал в Общество поощрения художников о необходимости «развить блестящие таланты, которыми наградила его природа... Плахов соединяет все достоинства, нужные для оного (т. е. для жанровой живописи. — *Н. П.*): оригинальность, верный съемок характеров, остроту и воображение». (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 162, л. 1).

[130] Мартьянов — лицо неустановленное.

[131] Симановский Иван Павлович — товарищ Мокрицкого, окончивший Нежинскую гимназию высших наук в 1830 году. Нежинцы, поселившиеся в Петербурге, часто собирались у Прокоповича, у Гоголя. Однако впоследствии многие иначе, чем Мокрицкий, отзывались об этих встречах: «Приятели сходились... на чайные вечера, где всякий очередной хозяин старался превзойти другого разнообразием, выбором и изяществом кренделей. ...На этих сходках царствовали веселость, бойкая насмешка над низостью и лицемерием, которой журнальные, литературные и всякие другие анекдоты служили пищей, но особенно любил Гоголь составлять куплеты на общих знакомых». (Гоголь в жизни. М.—Л., 1933, стр. 117). Как вспоминал впоследствии слуга Гоголя Я. Нимченко, «два раза в неделю ў Гоголя собирались гости по вечерам, соберутся, бывало, сидят долго. Бывали часто земляки, из прочих Пушкин бывал, «генерал» Жуковский, «полковник» Плетнев» (Гоголь в воспоминаниях современников, стр. 82).

[132] Трипольский Виктор Андреевич — близкий друг Мокрицкого.

[133] См. прим. 127. Через много лет цензор А. В. Никитенко, представляя отзыв на одну из трех повестей Н. Ф. Павлова — «Ятаган», писал: «Повесть эта в чрезвычайно резких чертах изображает страшный гнет начальнической власти над беззащитным подчиненным — власти, вооруженной всеми атрибутами военной дисциплины, за чем следует трагическая катастрофа, выставляющая кровавую

месть оскорбленного как наибольшую нравственную необходимость» (цит. по кн.: Н. Ф. Павлов. Повести и стихотворения. М., 1957, стр. 15).

134 Анастасевич Василий Григорьевич (1775—1845) — писатель, переводчик, библиограф и издатель. Автор «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова» (1820—1824), переводов Расина. В 1811—1812 годах издавал журнал «Улей». Как цензор уволен в отставку за пропуск в печать поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» (1830). Близкий знакомый Венецианова. Записи Мокрицкого уточняют время их знакомства и характер взаимоотношений.

135 Уткин — лицо неустановленное.

136 Возможно, речь идет об одном из «Lettres d'un voyageur» французской писательницы Жорж Санд (1804—1876). Ее ранние произведения проникнуты духом романтизма, герои их — личности исключительные, разочарованные в жизни, погруженные в свой внутренний мир, что импонировало Мокрицкому.

137 Свечин Валериан — лицо неустановленное.

138 Возможно, имеется в виду И. Г. Вишневский. Учился в Нежинской гимназии высших наук до 1823 года, когда был взят из нее отцом для определения в военную службу (Фил. ГА Черниговской обл. в Нежине, ф. 377, оп. 1, д. 70, л. 11).

139 Панаев Владимир Иванович (1792—1859) — директор канцелярии Министерства императорского двора, в ведении которого находилась и Академия художеств (с 1832). Любитель искусств, почетный вольный общник Академии художеств. Поэт, автор слащавых «Идиллий», за которые Пушкин называл его «идиллический коллежский асессор». Дядя писателя и мемуариста И. И. Панаева. Волконский Петр Михайлович (1776—1852), св. кн., — начальник Главного штаба при Александре I, позже — генерал-фельдмаршал. С 1826 года возглавлял Министерство императорского двора, почетный любитель петербургской Академии художеств с 1827 года.

140 Речь идет о портрете ключника Н. А. Маркевича, Павла Левенца (ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 448, д. 48, лл. 36 об., 68, 73, 87, 95).

141 Потс Эмилия Фоминична — англичанка, жившая в семье Е. В. Галаган в качестве гувернантки (ЦГИА УССР в Киеве, ф. 1475, оп. 1, д. 1329, л. 8—9).

142 Мокрицкий был принят в Академию художеств «пенсионером», до этого, с 1831 года, он числился в ней «посторонним учеником».

[143] Речь идет об акварели «Хижина Петра I в Саардаме», написанной Александром Павловичем Брюлловым (1798—1877) в Голландии. А. П. Брюллов — старший брат К. П. Брюллова — архитектор. Занимался живописью; достиг больших успехов в технике акварели. Профессор Академии художеств, с 1830 года — придворный архитектор. С 1831 — академик. Прославился как мастер интерьеров.

[144] Гудима Егор Васильевич (1812—1870) — соученик Мокрицкого по Нежинской гимназии высших наук. Чиновник канцелярии духовных училищ в Петербурге (1834—1835), с 1835 года — преподаватель географии в Дворянском полку, где в это же время работали Е. П. Гребенка и Н. Я. Прокопович. Чиновник Министерства уделов, с 1858 — директор училищ Черниговской губернии и Нежинского лицея (1866—1869). Гребенка Евгений Павлович (1812—1848) — писатель «гоголевского направления», автор рассказов и «физиологических очерков». Наиболее известны: «Рассказы пирятинца» (1837), «Верное лекарство» (1840), перевод «Полтавы» Пушкина на украинский язык. Белинский, отмечая влияние Гоголя на творчество Гребенки, видел в нем «несомненное дарование». Был близок с В. Г. Бенедиктовым, П. П. Ершовым, дружил с Н. Я. Прокоповичем, семьей вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого, с В. И. Далем. Окончил Нежинскую гимназию (1831). После недолгой службы в армии — чиновник Комиссии духовных училищ в Петербурге, с 1838 — старший учитель русского языка и словесности в Дворянском полку.

[145] Андреева — лицо неустановленное.

[146] В протоколе заседания Комитета Общества поощрения художников от 29 ноября 1835 года значится: «По ходатайству г. члена-секретаря (т. е. Григоровича. — *Н. П.*) Комитет положил выдать занимающемуся живописью г. Мокрицкому пособие в сто пятьдесят рублей» (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 117, л. 29 об).

[147] Воробьев Максим Никифорович (1787—1855) — живописец-пейзажист, преподаватель перспективы в Академии — с 1815 года, профессор перспективы — с 1823; с 1831 — профессор 3-й степени, с 1843 — заслуженный профессор.

[148] Повести Гоголя «Тарас Бульба» и «Старосветские помещики» были впервые напечатаны в сборнике «Миргород», ч. I. СПб., 1835.

[149] Возможно, речь идет об Алексее Михайловиче Трескине, портрет которого был написан Венециановым в 1834 году (ныне — в ГРМ). Неверов Януарий Михайлович (1810—

1893) — писатель-публицист. В молодости — близкий друг и член кружка Н. В. Станкевича, друг Т. Н. Грановского, И. С. Тургенева. Сотрудник «Отечественных записок». Впоследствии — директор Лазаревского института в Москве и попечитель Кавказского учебного округа. Стенькович и Стефанида Ивановна — лица неустановленные. Зеленцов Капитон Алексеевич (1790—1845) — «перспективный живописец». Ученик Венецианова (с 1825). С 1833 — академик.

150 Таннёр (Танер) Филипп (1795—1873) — французский живописец-маринист. С 1835 года поселился в России, получив от Николая I заказ изобразить все важнейшие русские порты. Прожил в России более двадцати лет. Был недолгое время учителем И. К. Айвазовского.

151 Сидор и Рыбин — служители в Эрмитаже. Лабенский Федор (Ксаверий) Иванович (1769—1850) — уроженец Варшавы, приехавший в Россию в качестве помощника архитектора В. Ф. Бренна. Ведал собранием картин Эрмитажа, автор ряда изданий об Эрмитаже. В 1808 году, в Париже, Лабенский приобрел для его коллекции ряд произведений итальянской, французской и фламандской школ. Организовал (с 1817) при Эрмитаже школу реставраторов.. Почетный вольный общник Академии художеств с 1821 года.

152 Речь идет о книге «Об искусствах и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком», переведенной на русский язык в 1826 году и напечатанной в Москве. Автором ее был немецкий писатель-романтик Вильгельм Генрих Вакенродер (1773—1798). Тик Людвиг (1773—1853) — немецкий писатель, драматург, поэт и сказочник, друг Вакенродера, издал его труд в 1797 году. Книга четко и полно излагает принципы эстетики немецкого романтизма. Далее автор упоминает раннее произведение Шатобриана «Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах» (1797), переведенное на русский язык и изданное в Петербурге в 1817 году. Биографии художников, перечисленных Мокрицким, составляют содержание книги, выпущенной Л. Тиком.

153 Желание Мокрицкого не осуществилось, хотя он не раз возвращался к нему. Через много лет, например, он писал в своей автобиографии: «...я сказал, что думаю по возвращении (из Италии. — *Н. П.*) где-нибудь на родине открыть школу живописи» («Художественный журнал», 1882, т. 3, стр. 152—153).

154 См. прим. 43.

[155] Петербургской Академии художеств принадлежало большое собрание произведений живописи и скульптуры, состоявшее из картин иностранных художников, произведений русских мастеров и копий с оригиналов иностранных школ. Основание коллекции было положено в XVIII веке. В начале XIX века она была систематизирована и преобразована в музей Академии. Автор упоминает картину «Испытание Яна Усмаря» (1796) работы исторического живописца Григория Ивановича Угрюмова (1764—1823), за которую художник в 1797 году получил звание академика.

[156] Третные экзамены в Академии художеств происходили ежегодно: весной, в конце лета и зимой.

[157] Скотти Михаил Иванович (1814—1861) — исторический живописец, в 1835 году получил 2-ю золотую медаль и звание художника за программу «Патриотизм нижегородских граждан в 1612 году», эскиз к которой упоминает Мокрицкий. Каширин Иван Дмитриевич — крепостной крестьянин, получивший вольную лишь в 1833 году. Учился в Арзамасской школе А. В. Ступина и у Венецианова. С 1834 года посещал рисовальные классы Академии, с 1835 — «посторонний ученик», награжденный тогда же 1-й и 2-й серебряными медалями. В 1836 — получил звание свободного художника. С 1838 — преподавал рисование в Аракчеевском кадетском корпусе в Новгороде. На третном экзамене в Академии был показан «Портрет В. А. Серебрякова», товарища художника. Пробст Иван (Иоганн Генрих, 1781—1849) — живописец-портретист, ученик А. Е. Егорова. В 1834 году получил 2-ю серебряную медаль, в 1839 — звание свободного художника. Зайцев Иван Кондратьевич (1805—1890) — исторический живописец и портретист. Учился в Арзамасской школе А. В. Ступина, с 1832 — в Академии художеств. В 1837 — получил звание свободного художника. Преподавал в Первом кадетском корпусе в Петербурге, позже — в Полтавском кадетском корпусе. Зарянко Сергей Константинович (1818—1870) — живописец-портретист и педагог. Учился у Венецианова, с 1834 года — в Академии художеств. В 1838 — получил звание свободного художника, продолжал занятия в Академии, совершенствуясь в историческом жанре. В 1841 году получил 1-ю серебряную медаль, в 1843 — звание академика, с 1850 — профессор, преподавал в Училище живописи и ваяния в Москве. Михайлов Григорий Карпович (1814—1867) — живописец-портретист. С 1834 года учился у Венецианова, с 1835 — посторонний ученик Академии художеств. С 1836 — ученик Брюллова и верный его последователь, один из тех, кого Венецианов называл «потерянными людьми».

158 Мокрицкий упоминает Андрея Ивановича Крутова (1794—1860), гвардии капитана, служившего в Академии с 1817 года, инспектора — с 1832 года.

159 В списке «академистам и посторонним ученикам, удостоенным по рисовальному третному экзамену, происходившему 24 декабря 1835 года к получению серебряных медалей» значится, что медаль «второго достоинства» получил «посторонний [ученик] Мокрицкий за женский портрет с г-жи Пузино» (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2094, л. 1).

160 Луиза Леонтьевна — лицо неустановленное.

161 См. прим. 68.

162 То есть — делать визиты по случаю рождества.

163 Коссовская (Кайсовская) Мария Васильевна — бонна-англичанка детей Николая I. Великие князья — здесь, вероятно, младшие сыновья императора: Константин, Николай и Михаил, которым в 1835 году было соответственно восемь, пять и три года. В Гос. Эрмитаже хранится работа Мокрицкого «Галерея Эрмитажа». Количество, возраст и окружение детей, изображенных на картине, позволяют предположить, что перед нами групповой портрет, в котором, кроме придворных и, возможно, М. В. Коссовской, изображены сыновья Николая I.

164 Сапожников Андрей Петрович (1795—1855) — инженер-полковник, наблюдал за преподаванием «начертательных искусств» в военно-учебных заведениях (1844—1853). Живописец-любитель, писатель по вопросам искусства, автор «Начального курса рисования» (СПб., 1834). Казначей Общества поощрения художников. Почетный вольный общник Академии художеств с 1830 года.

165 Кудинов Александр Семенович (1810—?) — архитектор, ученик Академии (1821—1833), был оставлен при ней для усовершенствования. Получив в 1836 году 1-ю золотую медаль, был в 1837 отправлен пенсионером Академии за границу, с 1844 — академик, с 1859 — профессор. Был известен своей музыкальностью.

166 Церковь «Двунадесяти Апостолов» при Почтовом департаменте была основана в 1795 году. В современных Мокрицкому описаниях достопримечательностей Петербурга нет упоминаний о принадлежности хранившихся в ней образов кисти великих художников, но отмечается, что потолок ее покрыт «тонкой живописью». Позже, в 1838—1839 годах Брюлловым был написан картон «служащий плащаницей для Почтамтской церкви» (М. Меликов. Заметки и вос-

поминания художника-живописца. — «Русская старина», 1896, кн. VI, стр. 655).

[167] В. В. Стасов вспоминал: «Дом Григоровича был в те времена (в 30-х и 40-х гг.) чем-то вроде очень значительного и очень влиятельного художественного центра в Петербурге. Там собирались часто все наши художественные знаменитости. Там бывали и Пушкин, и Жуковский, и князь Вяземский, и Гоголь (только что входивший в славу), и Крылов, и Струговщиков, и множество всяких литераторов того времени, между прочим, Кукольник, Сенковский, Греч, Булгарин, но вместе с тем бывала там и вся Академия художеств, все профессора, академики, а также и все ученики, казавшиеся наиболее талантливыми и выходящими из ряду». (В. В. Стасов. Статьи и заметки, не вошедшие в собрание сочинений, т. II, стр. 301.)

[168] Речь идет об акварели «Портрет В. А. Корнилова на борту брига «Фемистокл» (ныне — в ГРМ), исполненной Брюлловым, как свидетельствует надпись на ней, в августе 1835 года во время плавания художника вместе с кн. Г. Г. Гагариным из Афин в Одессу.

[169] См. запись в «Дневнике» от 19 декабря 1835 года. В собрании ГРМ находится «Автопортрет» Мокрицкого, который обычно относят к концу 1840-х годов, что представляется нам ошибочным. В «Автопортрете» ГРМ Мокрицкий — молодой, безбородый человек, не старше 30 лет. Если же датировать «Автопортрет» концом 1840-х годов, то Мокрицкому должно быть к этому времени около сорока. Сохранились изображения Мокрицкого 1840-х годов. Это карикатура его близкого приятеля Штернберга и карикатура неизвестного автора на художников, среди которых находится и Мокрицкий, молящий о помощи (в альбоме «Русские художники в Риме в 1844 году». Отдел графики ГТГ, инв. № 2652, лл. 16, 26). Здесь Мокрицкий — с окладистой черной бородой как и в известной фотографии русских художников в Риме с Н. В. Гоголем. На фотографии Мокрицкий выглядит значительно старше, чем в «Автопортрете». Кроме того, костюм художника близок к мужским модам 1834—1835 годов. Мокрицкий одет в сюртук с большим воротником и лацканами, поверх галстука выглядывают узенькие концы белого воротника рубашки. Судя по внешнему облику художника, его прическе, костюму, бритому лицу — «Автопортрет» мог быть написан после 1834 и до середины 1836 года. Возможно, исследователей смущало сравнительно высокое качество живописи «Автопортрета», но не следует забывать, что в декабре 1835 года Мокрицкий был удостоен от Академии художеств 2-й серебряной медали за «Портрет Е. И. Пузино». Кроме того, известна другая работа Мокрицкого

(подписная и датированная) — «Галерея Эрмитажа» (1833), подтверждающая достаточно высокую профессиональную подготовку художника и его интерес к портрету. Как нам представляется, «Автопортрет» ГРМ можно соотнести с «Автопортретом», о котором сохранились записи в «Дневнике» в конце декабря 1835 года и начале января 1836 года. «Автопортрет» был принесен в дар Русскому музею М. Я. Лошкаревой в 1897 году, а Мокрицкий в «Автобиографии», опубликованной А. Н. Нисчонковым («Художественный журнал», 1882, т. 3), упоминает о дружбе с Г. С. Лошкаревым, возникшей после возвращения художника на Украину из Петербурга. Возможно, перед отъездом в Италию Мокрицкий подарил «Автопортрет» Лошкареву, или он был куплен им, с тем чтобы поддержать художника материально.

170 См. прим. 74.

171 Башилов Александр Александрович (1777—1847) — сенатор, дядя товарищей Мокрицкого по Нежинской гимназии графов Я. П. и С. П. де Бальменов. Мокрицкий давал уроки рисования его детям.

172 Современники оставили много воспоминаний, характеризующих Гоголя-собеседника: «Любимый род его рассказов в то время (ок. 1836 г.) были скабрезные анекдоты, причем рассказы эти отличались не столько эротическою чувствительностью, сколько комизмом во вкусе Рабле. Это было малороссийское сало, посыпанное крупной Аристофановой солью...» (Ал. Иванов. Театральные заметки и наблюдения.— Цит. по кн.: В. Вересаев. Гоголь в жизни. М.— Л., 1933, стр. 156).

173 Александра Андреевна Тон была убита сыном петербургского портного, Александром Андреевичем Кампини.

174 Рымаренко Стефан Алексеевич (1813—1878) — уроженец Черниговской губернии; студент отделения нравственных или политических наук Московского университета (1832—1835), дававшего юридическое образование. В 1836—1848 годах служил в Петербурге, с начала 1850-х — жил в Харькове. В Харьковском художественном музее имеется, как сообщила нам Э. Н. Ацаркина, «Портрет И. Т. Дементьева», исполненный Рымаренко 15 ноября 1836 года.

175 Александровская колонна была сооружена в 1829—1834 годах в память побед над Наполеоном I в Отечественной войне 1812 года, по проекту архитектора О. А. Монферрана. Колонну венчает статуя ангела, голова которого имеет портретное сходство с императором

Александром I (скульптор Б. И. Орловский). Пьедестал колонны украшен барельефами с аллегорическими фигурами и деталями древнерусского вооружения. Рымаренко имеет в виду восьмигранные медальоны в память событий Отечественной войны 1812 года, над которыми скульптор Ф. П. Толстой работал более двадцати лет. Яковлев Василий Абрамович — подрядчик, организовавший добычу и предложивший способ доставки в Петербург гранитного монолита для Александровской колонны; дед К. С. Станиславского.

176 Плетнева Ольга Петровна (в замужестве — Лакнер, 1830—1853) — дочь П. А. и С. А. Плетневых.

177 Манера одеваться Плахова производила на Мокрицкого столь сильное впечатление, что через много лет он вспомнил и подробно описал внешность своего приятеля (Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников, стр. 80—81).

178 Будкин Филипп Осипович (1806—1850) — живописец-портретист, уроженец Черниговской губернии. Учился в Академии художеств. Получил в 1835 году 1-ю серебряную медаль, в 1840 — звание академика.

179 Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — ученый-историк и общественный деятель. Профессор Московского университета. Арсеньев Константин Иванович (1789—1865) — профессор Петербургского университета, с 1841 года — академик. Член основанной в 1815 году в Петербурге масонской ложи «Избранного Михаила», великим мастером которой был гр. Ф. П. Толстой, а членами — Н. И. Греч, В. К. Кюхельбекер, Ф. Н. Глинка и др. Тепляков Виктор Григорьевич (1804—1842) — поэт, путешественник-археолог, высланный в 1826 году из Петербурга в Херсон за отказ принести присягу Николаю I. В 1832 и 1836 годах были опубликованы два тома его «Стихотворений», о которых с похвалой отозвался Пушкин. Наиболее известны его «Фракийские элегии». Служил в 1826—1835 годах в Одессе у гр. М. С. Воронцова.

180 Возможно, К. И. Григорович.

181 Вишневецкий Михаил Прокофьевич (1801—1871) — исторический живописец и портретист, много работал в технике акварели. Педагог. Украинец по национальности. Учился в Академии художеств с 1829 года. В 1830 — получил 2-ю серебряную медаль, в 1832 — звание «назначенного» в академики, с 1861 — академик.

182 Григорович был введен в заблуждение мистификацией Ричарда Адама Локка (1800—1871). Теория Локка изложена в книге

«Новые толки об открытиях на Луне, приписываемых астроному Гершелю» (СПб., 1836). Однако не все были так легковерны, как Григорович и Мокрицкий. Пушкин, например, сразу же воспринял это «научное открытие» как обман.

[183] Балаган Лемана стоял на Адмиралтейской площади. Многие современники Мокрицкого оставили описания этого страшного бедствия.

[184] Никитенко Александр Васильевич (1805—1877)— историк литературы, профессор Петербургского университета, академик. Цензор (1833—1848). Литературный деятель умеренно-либерального направления. Сын крепостного крестьянина, получивший свободу благодаря помощи К. Ф. Рылеева, В. А. Жуковского и других. Автор «Дневника» («Моя повесть о самом себе и чему свидетель в жизни был»). Был женат на Казимире Казимировне Любощинской (?—1893).

[185] У Н. В. Кукольника было три брата. Старший из них — Павел Васильевич Кукольник (1795—1884) — поэт, переводчик, историк, славист, профессор Виленского университета, Виленской римско-католической духовной академии, Медико-хирургической академии, цензор (1829—1841). Другой—Платон Васильевич Кукольник (ок. 1804—1848) — педагог, служил в Нежинской гимназии высших наук, преподавал в Виленском университете, позже — управляющий имениями кн. Н. Н. Новосильцева. В 1838 году вышел в отставку и жил в Петербурге.

[186] Речь идет об Ал. Н. Мокрицком, приезжавшем в Петербург весной 1836 года: «Доктор Мокрицкий приехал сюда из Малороссии... искать места»,— писал Гребенка к Новицкому 10 марта 1836 года (ОР ИЛ АН УССР, ф. 65, д. 9, л. 1 об.).

[187] Имя графини, упоминаемой автором, не установлено.

[188] Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) — президент Академии художеств (1817—1843). Художник, археолог, меценат, писатель по вопросам искусства. Член Академии наук, Государственного совета.

[189] Тарасов Дмитрий Климентьевич (1792—1866)— почетный лейб-хирург, действительный член Медицинского совета, директор Медицинского департамента (с 1836). Визит Ал. Н. Мокрицкого к нему был вызван, вероятно, поисками места. См. прим. 186.

[190] Валмусов — лицо неустановленное.

[191] Булич Иван Иванович — знакомый Мокрицкого, человек, близкий петербургским нежинцам. В 1834 году Гоголь писал

В. В. Тарновскому: «Видел дорогого нашего Булыча» (Н. В. Гоголь. Собрание сочинений, т. 10. [М.], 1940, стр. 340). С. А. Галаган называет его «агентом» украинского помещика-богача Г. С. Тарновского (ЦГИА УССР в Киеве, ф. 1475, оп. 1, д. 559).

192 Мокрицкий давал уроки рисования детям Греча Николая Ивановича (1787—1867) — писателя и журналиста, редактора журнала «Сын отечества» (1812—1839), сотрудника и соиздателя Ф. В. Булгарина по газете «Северная пчела» (1825—1860). Герцен называл эту пару «сиамскими близнецами», представлявшими крайне реакционное крыло русской литературы середины XIX века.

193 Кукольник Амалия Ивановна (?—1872) — жена Н. В. Кукольника с 1830 года.

194 Портрет П. А. Плетнева, исполненный Тырановым, экспонировался на выставке в Академии художеств в сентябре 1836 года (ныне — в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина в Ленинграде). Запись в дневнике Мокрицкого уточняет время работы художника над портретом.

195 Мастерская баталиста Ладюрнера (см. прим. 92) помещалась в Эрмитаже. В декабре 1837 года была переведена в Академию художеств (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2195, л. 2).

196 Тарновская Эмилия Васильевна (в замужестве — Бурцева, ок. 1817—?) — племянница Г. С. Тарновского, сестра Василия Васильевича Тарновского (1809—1865), товарища Мокрицкого по Нежинской гимназии высших наук. Ее мать, Анна Федосиевна Тарновская, скончалась «в селе Богдановки 1835 года декабря 22 числа» (ОР Черниговского исторического музея, $\frac{\text{Ал. } 17-6/3}{504}$.

197 См. прим. 163.

198 За портрет Н. В. Кукольника. См. «Дневник» от 28 февраля 1836 года.

199 Плюшар Евгений Александрович (ок. 1810—1856) — живописец-портретист. Художественное образование получил в Германии. С 1832 года жил в Петербурге. С 1839 — академик. В 1850-х годах содержал фотографическое заведение. «Художественная газета» писала о Плюшаре в декабре 1836 года: «Портреты Плюшара имеют много защитников, потому что имеют много достоинств; особенно в них виден вкус, придающий часто и произведениям не строго художественного достоинства вид приятный, ласкающий зрение» (№ 11—12, стр. 173).

[200] Румянцевский музей в Петербурге — собрание рукописей, книг и минералов, завещанное канцлером гр. Н. П. Румянцевым городу в 1826 году. В собрании имелись и произведения искусства, которые «ценились главным образом по их связи с историей гр. Н. П. Румянцева и самого музея». Одним из них была статуя «Мир» работы итальянского скульптора А. Кановы, «заказанная этим вельможею после заключения мира со Швециею в 1808 году» («Художественная газета», 1838, № 14, стр. 461). В 1861 — музей переведен в Москву, где на его основе учрежден Московский Публичный и Румянцевский музей.

[201] «Джулио Мости» — драматическая фантазия в 4 частях, с интермедией в стихах — Н. В. Кукольника. Впервые напечатана в журнале «Библиотека для чтения» (1836, т. XV). Пользовалась большим успехом, в том же году вышла отдельной книгой.

[202] Муравьев Сергей Николаевич — литератор, переводчик Гомера, владелец библиотеки, состоявшей преимущественно из книг философского и религиозного содержания. Приятель Глинки, Кукольника, карикатуриста Н. А. Степанова. Ершов Петр Павлович (1815—1869) — писатель и поэт. Окончил Петербургский университет, преподавал в Тобольске. Автор сказки «Конек-Горбунок», отрывки из которой были впервые напечатаны в 1834 году. Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт, первый сборник стихотворений которого, имевший шумный успех у читателей, появился в 1835 году.

[203] Симон — лицо неустановленное.

[204] Александр — лицо неустановленное.

[205] Филипсон — живописец-пейзажист, в 1811 году получил звание «назначенного», в 1820-х годах жил в Италии, где встречался с художником С. Ф. Щедриным.

[206] В конце декабря 1835 года К. П. Брюллов, после долгих лет, проведенных вдали от родины, приехал в Москву. Возвращение его было триумфальным. Соотечественники на всем пути, начиная от Одессы, чествовали художника. С нетерпением ожидалось его прибытие в Петербурге, и особенно Академией художеств, чьим воспитанником он был и расхождения с которой были теперь забыты.

[207] Речь идет о книге Иоганна Генриха Даниила Цшокке (1771—1848) «Часы благоговения для споспешествования истинному христианству и домашнему богопочитанию» (ч. I—IV. СПб., 1834—1836). Автора второй книги, упомянутой Мокрицким, установить не удалось.

[208] Мокрицкий познакомился с В. А. Жуковским, вероятно, у Григоровича. См. прим. 167.

[209] Поэт Алексей Васильевич Кольцов (1809—1842) приехал в Петербург в начале 1836 года, где был приветливо принят современниками-литераторами. 17 апреля 1836 года Венецианов сообщал Я. М. Неверову, автору первой биографии поэта: «...вчера у Крашенинниковых видел любезного Кольцова, который обещал у меня непременно 21-го кушать пироги» (Цит. по кн.: А. Н. Савинов. А. Г. Венецианов, стр. 204). Братья Крашенинниковы были воронежскими помещиками и земляками Кольцова.

[210] Григорович жил «в главном академическом здании» («Художественная газета», 1837, № 16, стр. 299). «В его квартире не было ничего необыкновенного, кроме множества гравюр в золотых рамках, которые покрывали все стены зала и его кабинета. Меблировка была самая скромная: соломенные стулья кругом всей залы да старинное фортепьяно, веселили ее только кадки с померанцевыми деревьями около окон»,— вспоминала М. Ф. Каменская («Исторический вестник», 1894, № 5, стр. 347).

[211] Точная дата, сообщенная Мокрицким, представляет интерес для иконографии поэта. Известно, что Мокрицкий участвовал в исполнении картины «Субботнее собрание у Жуковского» (х., м., б/д. Всесоюзный музей А. С. Пушкина). Можно предположить, что в этой коллективной работе учеников Венецианова им был написан портрет А. В. Кольцова.

[212] Возможно, это Григорьев Василий Васильевич (1816—1881) — востоковед, профессор Петербургского университета, хороший знакомый Неверова, Станкевича, Грановского, Краевского.

[213] Как сообщала «Художественная газета», К. П. Брюллов прибыл в Петербург «еще в исходе мая» (1836, № 1, стр. 16). См. прим. 143.

[214] Есипов — лицо неустановленное.

[215] См. прим. 129. Смирнов, субсидировавший поездку Плахова, сообщал Обществу поощрения художников в 1838 году: «Я решился послать его на два года в чужие края на свое иждивение. Он пробыл год в Берлине, где пользовался уроками Академии и остальное время трудился в ателье знаменитого Писториуса, потом я его отправил в Дюссельдорф» (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 162, л. 1).

[216] Киреев Михаил Дмитриевич (1808—?) — штабс-капитан в отставке, начальник отделения в Инженерном департаменте, секретарь президента Академии художеств (1835—1839), член Общества поощрения художников (с 1837). Киреева Елизаве-

та Ивановна (урожденная Шуппе), дочь петербургского купца, жена М. Д. Киреева. Речь идет о Надежде Александровне Киреевой (урожденная Кальбрехт, жена брата М. Д. Киреева — управляющего Конторой императорских театров — А. Д. Киреева), известной красавице, актрисе, окончившей Петербургское театральное училище в 1833 году. Мокрицкий упоминает о Вере Гавриловне Вишневской (в замужестве княгиня Долгорукая), сестре И. Г. Вишневского.

[217] Греч Варвара Даниловна (урожденная Мюссар) — первая жена Н. И. Греча.

[218] У Н. И. и В. Д. Греч было пятеро детей: Алексей (1814—1850) — впоследствии литератор, муж Э. Ф. Брюлловой, Николай (1818—1837) — умерший студентом, и дочери: Александра (?—1870), Софья (в замужестве Безак) и Сусанна (в замужестве — Фольнешич).

[219] В делах Академии художеств сохранился отчет президента Оленина министру императорского двора Волконскому об этом торжестве (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, д. 68, лл. 3—4 об.).

[220] Норев (Норов) Петр Петрович (1815—1858) — архитектор, академик. Учился в Академии художеств с 1824 по 1836 год. См. прим. 165.

[221] Иванов Андрей Иванович (1776—1848) — профессор исторической и портретной живописи (с 1812), ученик Угрюмова. Отец художника А. А. Иванова. В 1831 году был уволен из Академии художеств «по высочайшему повелению». См. прим. 94. Егоров Алексей Егорович (1776—1851) — исторический живописец и портретист, профессор Академии художеств (с 1812). Тост Брюллова был явной демонстрацией независимости взглядов художника, так как именно Иванов, Егоров и Шебуев подверглись в 1835 году унизительному выговору Николая I за не понравившиеся ему образа в Троицкой церкви Измайловского полка.

[222] День торжества в честь Брюллова был ознаменован «добровольною подпискою на составление капитала для поддержания вдов и сирот, оставшихся после неимущих художников, воспитывавшихся в Академии художеств... Карл Брюллов взялся написать картину для розыгрыша в лотерею, в пользу сих вдов и сирот» (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, д. 68, лл. 3—4 об.). По подписке было собрано 2390 рублей и 15 июля 1837 года утверждено положение о капитале Общества в пользу вдов и сирот бедных художников. В дальнейшем каждые три года Совет Академии художеств избирал комитет из трех человек, ведавший распределением этого капитала.

[223] Бруни Федор Антонович (1799—1875) — исторический живописец и портретист. Учился в Академии художеств с 1809 года. Академик (с 1834), профессор 1-й степени (с 1846). Позже — ректор Академии (1855—1871).

[224] Верне Орас (1789—1863) — французский исторический живописец, баталист. Директор Французского института в Риме. Почетный вольный общник Академии художеств в Петербурге (с 1834).

[225] Петров Осип Афанасьевич (1806—1878) — оперный певец, бас. Приехал в Петербург с Украины в 1830 году. Первый исполнитель партии Ивана Сусанина в одноименной опере Глинки. Воробьева Анна Яковлевна (1816—1901) — оперная певица, контральто. Дебютировала в 1833 году. Первая исполнительница партии Вани в опере Глинки «Иван Сусанин», Ратмира — в «Руслане и Людмиле», многих романсов Глинки. В 1841 году Брюлловым был написан ее портрет. Жена О. А. Петрова.

[226] Благодаря «Дневнику» сохранилось описание первого из тех литературно-музыкальных собраний «братии трех великих художников» (Глинки, Брюллова и Кукольника) у Н. В. Кукольника, которые пользовались большой известностью в Петербурге конца 30-х — начала 40-х годов. Современники оставили о них многочисленные, но разноречивые свидетельства. Артистов привлекала на эти вечера атмосфера подлинной любви к искусству, литературе, музыке; приветливость и радушие хозяина. Однако обильные возлияния, имевшие на них место, оказывали пагубное влияние на завсегдатаев вечеров.

[227] «Вильгельм Телль» (1804) — драма Иоганна Фридриха Шиллера, русский перевод которой был впервые издан в 1829 году.

[228] Козловский Михаил Семенович (ок. 1789—?) — штабс-капитан в отставке, губернский секретарь. Помещик, владевший землями в селе Лесняках и местечке Яготин Полтавской губернии. Гребенка Аполлон Павлович (1817—?) — брат писателя Е. П. Гребенки. Военный, в 1860-х годах служил мировым посредником в Пирятинском уезде Полтавской губернии. Гребенка Николай Павлович (1820—1880) — брат Е. П. и А. П. Гребенок. Архитектор, учился в Академии художеств (1835—1843). Получил звание академика в 1852 году.

[229] Маслов Иван Ильич (1817—1891) — уроженец Черниговской губернии, окончивший Нежинскую гимназию высших наук в 1835 году.

[230] Мясников — лицо неустановленное.

231 Речь идет о «Фонтанном доме» гр. Шереметевых, принадлежавшем в эти годы Д. Н. Шереметеву, гофмейстеру двора, сыну гр. Н. П. Шереметева и его жены П. И. Ковалевой, крепостной актрисы. Художник Орест Адамович Кипренский (1782—1836), в последний приезд на родину (1823—1828) имел здесь мастерскую. В ней, по преданию, был написан портрет А. С. Пушкина. После смерти Кипренского в Италии, в октябре 1836 года, Шереметев отослал в Академию художеств два ящика с произведениями художника, указав, что в мае 1836 года он купил у Кипренского за 5940 рублей картины «Читатели газет в Неаполе» и «Итальянская ворожея».

232 Картину Мокрицкого «Разносчик» Общество поощрения художников приобрело для 1-й художественной лотереи, состоявшейся в 1837 году. Сапожников многие годы был казначеем Общества. В «Списке отечественных произведений изящных искусств, назначенных к разыгрыванию» указана цена «Разносчика»—200 рублей (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 129, л. 12).

233 Мурочка — возможно, мисс Муррей; Сашурка и Павел Дмитриевич Эмильянов — лица неустановленные.

234 Завьялов Федор Семенович (1810—1856) — исторический живописец и педагог. Учился в Академии художеств с 1821 года. В 1836 — получил 1-ю золотую медаль. В 1837—отправлен пенсионером Академии за границу. Позже — академик, профессор. Преподавал в Училище живописи и ваяния в Москве и в Академии художеств. Пименов Павел Степанович (1814—1860) — архитектор, сын профессора Академии С. С. Пименова. В 1835 году получил звание свободного художника, с 1857 — академик.

235 Яненко Яков Федосеевич (1800—1852) — живописец-портретист. Учился в Академии художеств с 1809 года, окончил ее одновременно с К. П. Брюлловым, получив звание художника. С 1820 — академик. Башуцкий Александр Павлович (1803—1876) — адъютант петербургского генерал-губернатора, действительный статский советник. Литератор, издатель незаконченной «Панорамы Петербурга» (1834), «Журнала общеполезных сведений» (1835—1839), альманаха «Наши, списанные с натуры русскими» (1841). Печатался в ряде русских периодических изданий конца 30-х годов XIX века. Признанный блестящий острослов.

236 С семьей Бенземан Мокрицкий был знаком еще по Нежину. Братья Иван Адольфович (1815—?) и Николай Адольфович (?—1888) Бенземан учились в Нежинской гимназии высших наук в начале 20-х годов XIX века, одновременно с авто-

ром. В 1824 году семья Бенземан переехала в Петербург, где позже и возобновил с ними знакомство Мокрицкий (Фил. ГА Черниговской обл. в Нежине, ф. 377, оп. 1, д. 57, л. 3; там же, д. 77, л. 17). И. А. Бенземан учился в Академии художеств (1824—1831), в 1833 году получил звание художника, с 1839 — академик. В семье Бенземан было две дочери: Луиза-Каролина (1817—1874) и Мария (ок. 1821—?). Пунт — подруга девушек Бенземан, дочь смотрителя Стеклянного завода в Петербурге.

237 Даль Владимир Иванович (1801—1872) — этнограф, лексикограф, писатель, издававшийся под псевдонимом «Казак Луганский». Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» (1861—1868), сборника «Пословицы русского народа» (1862). Медик по образованию. С 1833 года служил чиновником особых поручений у главного начальника Оренбургского края В. А. Перовского. Был в дружеских отношениях с Григоровичем.

238 Брюллов получил 1-ю золотую медаль в 1821 году за программу «Явление Аврааму трех ангелов у дуба Мамврийского» (ныне — в ГРМ).

239 Каратыгин Петр Андреевич (1805—1879) — комический актер, переводчик, автор пьес, статей о театре, книги мемуаров. Брат трагика В. А. Каратыгина. Руководил драматической частью петербургского театрального училища, не раз ставил спектакли при императорском дворе. Гейденрейх (Heidenreich) Людвиг Андреевич (1809—1892) — врач императорских театров, друг Глинки, член «братии трех великих художников». Автор воспоминаний о Глинке.

240 См. прим. 106.

241 Прево Андрей Михайлович (1801—1867) — комиссионер Общества поощрения художников и владелец магазина художественных принадлежностей в Петербурге, в котором много лет помещалась постоянная выставка Общества.

242 Заболотский (Заболоцкий) Петр Ефимович (1803—1866) — живописец-портретист, работал также в области перспективной живописи. Окончил Академию художеств в 1831 году. С 1857 — академик.

243 Речь идет о переведенной М. Д. Киреевым с французского языка книге А. Л. Миллена «Мифологическая галерея, или собрание памятников, служащих к изучению олицетворенной искусствами древности» (СПб., 1836). Выбор Киреева был одобрен президентом

Академии художеств («Художественная газета», 1836, № 9—10, стр. 161).

244 Савин Александр П. — бухгалтер Общества поощрения художников. 30 октября 1836 года Комитет Общества, «рассмотрев труды живописца Мокрицкого, которого, как подающего надежды, К. П. Брюллов изъявил согласие иметь своим учеником... постановил выдавать ему содержание по 30 рублей в месяц» (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 126, л. 31 об).

245 «Барон Брамбеус» — литературный псевдоним лингвиста, востоковеда, писателя, критика и журналиста Осипа Ивановича Сенковского (1800—1858). Профессор Петербургского университета (1822—1847), Сенковский стал с 1834 года редактором журнала «Библиотека для чтения».

246 В ноябре 1836 года Тыранов направил в Совет просьбу о разрешении поездки за границу, право на которую он получил еще в 1830 году. Николай I, обративший внимание на картину Тыранова «Девушка с тамбурином», экспонировавшуюся на выставке в Академии осенью 1836 года, желал, чтобы художник совершенствовался в батальной живописи у П. Гесса в Мюнхене. Тыранов упорно сопротивлялся самодурству царя, но ему удалось избавиться от условий императора и уехать за границу лишь в 1839 году.

247 Пеликан Венцеслав Венцеславович (1790—1873) — доктор, председатель Медицинского совета, директор Медицинского департамента (с 1846). Ректор Виленского университета (1826—1830), где познакомился с братьями Кукольниками. В годы польского восстания получил печальную известность из-за жестокого обращения с учащимися. Заклеймен в поэме А. Мицкевича «Дзяды».

248 Брюллов Федор Павлович (1795—1869) — старший брат и учитель К. П. Брюллова. Исторический живописец; работал главным образом над религиозными сюжетами. Грибанов — возможно, Константин Матвеевич (1797—?) — исторический живописец, окончил Академию художеств в 1817 году.

249 Не установлено, о каком сочинении Сапожникова идет речь.

250 Речь идет об именинах Марии Федоровны Толстой (в замужестве — Каменской, 1817—1898) и М. П. Галаган. Кусовы — семья петербургских купцов, близко знакомая с семейством гр. Ф. П. Толстого. Два представителя ее были членами масонской ложи, которую возглавлял Толстой. В 1826 году скульптор сделал надгробие В. Г. Кусову. Воробьев Сократ Максимович (1817—1888) — живописец-пейзажист. Учился в Академии с 1833

по 1839 год. В 1836 — получил 1-ю и 2-ю серебряные медали, в 1838 — 1-ю золотую медаль; в 1839 — звание художника. С 1840 — пенсионер Академии за границей. Профессор (1858—1872). Сын пейзажиста М. Н. Воробьева. Рамазанов Николай Александрович (1817—1867) — скульптор. Учился в Академии с 1827 по 1839 год. С 1843 года как пенсионер Академии жил и работал в Италии. С 1849 — академик, с 1858 — профессор. Преподавал в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. Автор статей и воспоминаний о деятелях русского искусства, книги «Материалы для истории художеств в России» (М., 1863).

[251] Маркевич Иван Петрович (1819—1854) — офицер, помещик Прилуцкого уезда на Украине.

[252] Постников Иван Захарович — поэт, знакомый семьи Венециановых.

[253] «Ледяной дом» — исторический роман Ивана Ивановича Лажечникова (1792—1869), изданный в 1835 году.

[254] Мокрицкий вспоминает получившее широкую огласку дело о политическом и религиозном вольнодумстве, открытое в 1827 году в Нежинской гимназии высших наук. Один из главных обвиняемых был профессор юридических наук и инспектор гимназии Николай Григорьевич Белоусов (1795/99—1854), широко образованный человек, окончивший Киевскую духовную семинарию, юридический и этико-филологический факультеты Харьковского университета. В лекциях нежинским гимназистам Белоусов, борясь с педантизмом и схоластической мелочностью консервативной профессуры, опирался на философские положения И. Канта. Это привело к обвинениям его в «вольнодумстве» и даже «революционности». После длительного расследования, высочайшим решением по делу «профессоров гимназии высших наук князя Безбородко, Шапалинского и Белоусова... за вредное на юношество влияние» предписывалось «отрешить от должности, со внесением сих обстоятельств в их паспорта, дабы таковым образом они и впредь не могли быть нигде терпимы в службе по учебному ведомству, а тех из них, кои не русские, выслать за границу, а русских — на места их родины, отдав под присмотр полиции» (Цит. по кн.: Д. Иофанов. Н. В. Гоголь в детские и юношеские годы. Киев, 1951, стр. 321). Белоусов был любимым учителем Гоголя, который защищал его на следствии. Это повредило Гоголю при окончании гимназии. В 1835 году Белоусов получил разрешение находиться на государственной службе, «по гражданскому ведомству», во второй половине 1830-х годов он перевелся в Петербург.

255 Путята Николай Васильевич (1802—1877) — писатель, близкий к Жуковскому, Вяземскому, Баратынскому. Чиновник, член ряда благотворительных обществ. Калержи — возможно, Дмитрий (1803—1867), греческий государственный деятель, живший в 1830-х годах в России, член Общества поощрения художников.

256 Пейкер Иван Иустинович (1784—1844) — директор Межевого корпуса, родственник старинных знакомых Венецианова — Лошкаревых, с которыми и Мокрицкий долгие годы поддерживал близкие отношения.

257 Остроградский Михаил Васильевич (1801—1861) — математик и механик, оказавший значительное влияние на развитие этих наук в России. Педагог. С 1828 года жил в Петербурге. Академик Академии наук, почетный член многих иностранных обществ и академий. Уроженец Полтавской губернии.

258 Запрестольный образ «Распятие» (1837—1838, ныне — в ГРМ) был написан К. П. Брюлловым для лютеранской церкви Петра и Павла, построенной по проекту А. П. Брюллова в Петербурге. Как свидетельствует дневник, Брюллов начал работу над образом в 1836 году. Этюд, о котором упоминает Мокрицкий, отсутствует в списках произведений Брюллова. Местонахождение сепии «Распятие», подаренной К. П. Брюлловым Мокрицкому, неизвестно. В списке произведений Брюллова (Э. Н. Ацаркина. К. П. Брюллов. М., 1963, стр. 463) значится: акварель.

259 «Моцарт и Сальери» (1830) — одна из «Маленьких трагедий» Пушкина, впервые напечатанная в альманахе «Северные цветы на 1832 год». «Сказка о царе Салтане» (1831) была опубликована в книге «Стихотворения Александра Пушкина», ч. III. СПб., 1832.

260 В отчете Комитета Общества поощрения художников за 1836—1837 годы отмечалось: «Мокрицкий делает большие успехи под руководством г. профессора К. П. Брюллова» (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 125, лл. 27 об.—28).

261 27 ноября 1836 года, в день, когда, по преданию, Иван Сусанин совершил свой подвиг, первым представлением оперы Глинки «Иван Сусанин» был открыт заново отремонтированный Большой театр в Петербурге (ныне — здание консерватории). В спектакле участвовали лучшие певцы: О. А. Петров, М. М. Степанова, А. Я. Воробьева. Опера Глинки была воспринята передовыми представителями искусства как начало «нового периода в русской музыке» («Северная пчела», 1836, № 280, стр. 1118), как «великое торжество русско-

го искусства» («Русская старина», 1871, кн. II, стр. 446). Пушкин, Жуковский, Вяземский, Виельгорский, Одоевский приветствовали ее появление «Каноном в честь М. И. Глинки», написанным 13 декабря 1836 года. Позже, по желанию Николая I, опера получила название «Жизнь за царя».

262 Гудима Петр Васильевич (1824—?) — брат Е. В. Гудимы, товарища Мокрицкого по Нежинской гимназии.

263 Буяльский Иван Васильевич (1789—1866) — хирург, профессор Медико-хирургической академии, член Медицинского совета Министерства внутренних дел. Почетный член многих русских и иностранных ученых обществ. Автор труда «Краткая анатомия тела человеческого» (СПб., 1844). С 1831 по 1844 год читал курс анатомии в Академии художеств.

264 Казека — лицо неустановленное.

265 1 декабря 1836 года состоялось четвертое представление «Ивана Сусанина» в Петербурге. Автором декораций к опере был Андрей Адамович Роллер (1805—1891)— живописец и главный машинист имп. театров. Оформление последнего акта, о котором пишет Мокрицкий, производило большое впечатление на современников: «В последней сцене декорация Кремля великолепна,— писала С. Н. Карамзина, — толпа народа, переходящая в лица, написанные на полотне, казалась продолженной в бесконечность» (Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960, стр. 144). Первая исполнительница партии Вани, А. Я. Воробьева, не только обладала голосом поразительной красоты и силы, но выделялась среди певцов исполнительским мастерством, артистизмом: «...нет артиста, который бы не был хотя несколько смешон в опере. Г-жа Петрова (т. е. Воробьева. — *Н. П.)* в этом отношении поражает удивлением. Не только не смешно, напротив, все картинно, сильно, выразительно, грациозно, а главное, правдиво, истинно!» («Художественная газета», 1840, № 11, стр. 11).

266 Запись в дневнике уточняет время начала работы Брюллова над образом «Вознесение богоматери» для Казанского собора в Петербурге (1836—1839, ныне — в ГРМ). В августе 1836 года «Художественная газета» сообщала: «Правительство поручило писать три образа (из коих один запрестольный, а два боковые) около главного алтаря в соборе Казанской божией матери К. П. Брюллову, Ф. А. Бруни и П. В. Басину. Они будут изображать взятие божией матери на небо, покров и введение во храм пресвятой богородицы» (1836, № 2, стр. 32). Возможно, речь идет о рисунке, принадлежав-

шем, как сообщает Э. Н. Ацаркина (указ. соч., стр. 396), гр. Толстому.

[267] 6 декабря — день чудотворца Николая, именины сына В. И. Григоровича — Николая (1821—1886).

[268] Демидов Василий — исторический живописец. Унтер-офицер придворного экипажного заведения. Посещал классы Академии художеств с 1835 года. 19 октября 1836 года был определен в класс исторической живописи к Брюллову. В 1836 году получил звание свободного художника, в 1837 — 2-ю серебряную медаль, в 1839 — признан «назначенным».

[269] Речь идет о помещиках, соседях Венецианова по его имению Трониха-Сафонково Вышневолоцкого уезда Тверской губернии.

[270] «Бумага» от 9 декабря 1836 года, адресованная Брюллову, Бруни и Басину, сохранилась: «Государь император высочайше повелеть соизволил узнать, за какую цену могут быть написаны для Казанского собора три запрестольных образа, представить на высочайшее утверждение эскизы оных. Сообщая вам сию высочайшую волю, прошу немедленно мне дать ответ по сему предмету для донесения его величеству через господина министра императорского двора. Причем прошу меня также известить, какое Вам примерно нужно время будет для написания назначенного Вам образа?» Оленину пришлось писать Брюллову во второй раз, 18 декабря 1836 года. На следующий день Брюллов отвечал: «Ваше превосходительство! Болезнь моя была причиною, что я по сие время не доставил Вам эскиза и ответа насчет срока окончания и цены картины. Теперь же, будучи в состоянии заниматься экскизом, я надеюсь доставить к Вам оный в скором времени. О сроке же окончания картины при моем расстроенном здоровье ничего положительного сказать не могу. Цену за картину полагаю пятнадцать тысяч рублей» (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, д. 63, л. 4, 6, 9). Письмо действительно написано рукой Мокрицкого и лишь подписано Брюлловым.

[271] Брюллов родился 12 декабря 1799 года.

[272] См. прим. 235. Современники отзывались о Яненко как о шуте, угоднике и блюдолизе, оправдывавшем свое прозвище — «Пьяненко».

[273] То есть для эскиза к образу «Вознесение богоматери» для Казанского собора. См. прим. 266. Уже 3 января 1837 года Оленин доносил министру имп. двора кн. Волконскому: «...имею честь представить эскизы трех запрестольных образов в Казанский собор гг. профессоров 2-й степени Брюллова, Бруни и Басина. Если сии проекты удостоятся высочайшего утверждения в общем их распо-

ложении, то при исполнении оных в настоящем размере некоторые их недостатки в отчетности фигур и драпри, как то всегда бывает в бойких эскизах, будут непременно исправлены по этюдам с натуры» (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, д. 63, л. 13). 6 января 1837 года Волконский сообщал: «Государь император повелеть соизволил: «... профессору Брюллову заметить — не лучше ли бы было фигуру архангела Гавриила на его рисунке сделать не столь параллельной с фигурой богоматери и не нужно ли внизу изобразить гробницу, которая обыкновенно представляется на образах Успения» (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, д. 63, л. 14). В списке произведений Брюллова (Э. Н. Ацаркина. Указ. соч.) не упоминается.

[274] Возможно, речь идет о Николае Николаевиче Менцове, (?—1846), чиновнике.

[275] Штернберг Василий Иванович (1818—1845) — живописец, работал в области жанра, портрета, пейзажа, как карикатурист. Учился в Академии художеств; получив в 1838 году 1-ю золотую медаль и в 1839 — звание свободного художника, был командирован в 1840 году за границу, умер в Риме. Близкий друг Шевченко, поэт посвятил ему два стихотворения. Хороший знакомый Глинки, вместе с которым гостил на Украине у Тарновского в 1838 году. Айвазовский (Гайвазовский) Иван Константинович (1817—1900) — живописец-маринист. Учился в Академии художеств с 1833 года. В 1835 году определен для усовершенствования к Ф. Таннёру, у которого занимался недолго. Получил в 1837 году 1-ю золотую медаль, а в 1839 — звание свободного художника. Был послан в 1840 году пенсионером Академии в Италию. Близкий друг Штернберга. Глинка в «Записках» вспоминал о музыкальности Айвазовского.

[276] Речь идет о мемуарах Надежды Александровны Дуровой (1783—1866), отличившейся замечательной храбростью в Отечественной войне 1812 года. Одобренные Пушкиным, они были напечатаны в журнале «Современник» (1836). В том же году вышло отдельное издание под названием «Кавалерист-девица. Происшествие в России».

[277] Брюллов направлялся на именины к Аполлону Феодосиевичу Шедрину (1796—1847), архитектору, профессору Академии (с 1833), академику (с 1837), брату пейзажиста С. Ф. Щедрина и сыну скульптора Ф. Ф. Щедрина.

[278] Поль де Кок (1794—1871) — французский романист, драматург, поэт. Описывал быт и нравы средних слоев населения Парижа.

[279] Михаилу Петровичу Клодту фон Юргенсбургу (1835—1914), сыну скульптора, было около года. Он родился 17 ноября 1835 года. Возможно, что рисунок Брюллова «Художник М. П. Клодт в детстве» (частное собрание) создан в связи с этим эпизодом.

[280] Тон Александр Андреевич (1792—1857)— архитектор рисовальщик и литограф. Брат архитектора К. А. Тона. Окончив Академию художеств в 1810 году, был послан за границу для усовершенствования пенсионером императора. Профессор, академик (с 1830). Несколько лет прожил в Париже, где изучал литографию.

[281] Стеклянный завод, основанный в начале XVIII века Петром I, помещался с конца XVIII века на территории, принадлежавшей Александро-Невскому монастырю (в Озерках).

[282] Менгс Антон Рафаэль (1728—1779) — немецкий живописец, теоретик искусства, положивший основание классическому направлению в живописи Германии. В 1790 и 1794 годах Екатерина II пожертвовала соборной церкви Александро-Невской лавры «значительное собрание картин, большей частью фламандской школы. Многие из них — подлинники известных художников, а другие — копии. Из оригиналов замечательны: в алтаре, на горнем месте, «Благовещение пресвятые богородицы» работы Рафаила Менгса, «Воскресение Христово» Рубенса, «Снятие с креста» его же, «Спаситель благословляющий» Вандика и многие другие». Кроме того, в лавре хранились «иконы, отличающиеся или богатством украшений или изящностью работы» (Иван Пушкарев. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1839, стр. 139—140).

[283] Липин Илья Иванович — исторический живописец. До Академии художеств учился в Московских художественных классах, будучи крепостным гр. Мусина-Пушкина. Брюллов, остановясь в Москве на пути в Петербург из-за границы, обратил на него внимание и, как писал Липин, «назвал меня своим учеником и принял на свое попечение. В трехлетнее у него пребывание я посещал классы Академии художеств... находясь у Брюллова, я до сих пор ни в чем не нуждался, мог заниматься по страсти к искусству, посещать классы, не думая о содержании...» (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 115, л. 46). В 1837 и 1841 годах Липин получил 2-е серебряные медали, в 1839 — звание свободного художника.

[284] В списке произведений Брюллова (Э. Н. Ацаркина. Указ. соч., стр. 409) рисунок назван «Дружба, играющая на семиструнной арфе». В «Воспоминании о К. П. Брюллове» А. Н. Мокрицкого упо-

треблено то же название, что и в рукописи «Дневника». Запись в «Дневнике» уточняет датировку рисунка Брюллова.

[285] «Водовоз, или двухдневное приключение» — опера итальянского композитора Л. Керубини. Впервые была поставлена в России в 1813 году. «Швейцарская хижина» — балет на музыку французского композитора А.-Ш. Адана, впервые осуществленный в России в 1835 году.

[286] Речь идет о натурщике. 31 октября 1836 года ректор Шебуев писал в Совет Академии: «...полагаем оставить при Академии... Тараса Михайлова» (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2091, л. 6). За долгие годы службы в Академии (его застал здесь еще И. Е. Репин) Т. Михайлов собрал замечательную коллекцию этюдов и рисунков, которой гордился и охотно показывал учащейся молодежи. После смерти Т. Михайлова коллекция была распродана наследниками; некоторые работы из нее находятся ныне в советских музеях.

[287] Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776—1787).

[288] Портрет Мокрицкого работы Брюллова неизвестен.

[289] В 30-х годах XIX века популярность А. Г. Варнека как портретиста была чрезвычайно высока. Этим объясняется восклицание Мокрицкого, записанное в дневнике.

[290] В черновом варианте «Воспоминания о Брюллове» Мокрицкий сообщает: «Начал он портрет Платона Кукольника. Несмотря на сильную простуду, он писал так неутомимо и с таким успехом, что можно было поверить словам его, что в Риме он работал тогда только, когда был болен» (ОР ГТГ, ф. 33, ед. хр. 29, л. 9 об.). В опубликованном «Воспоминании» названо имя Н. В. Кукольника (Книга для чтения по истории русского искусства, вып. III. М.—Л., 1949, стр. 141). Правильность черновой редакции подтверждается и записью в дневнике от 25 февраля 1837 года, где среди портретов, написанных Брюлловым «в две недели с небольшим», есть и портрет Пл. В. Кукольника. Таким образом, можно утверждать, что этот портрет был начат Брюлловым 19 января 1837 года.

[291] А. С. Пушкин, тяжело раненный на дуэли 27 января, скончался 29 января 1837 года. Пушкин видел эскиз к неосуществленной Брюлловым картине «Нашествие Гензериха на Рим» (1835, ГТГ) у А. А. Перовского в Москве, в мае 1836 года. В письме к жене он утверждал, что будущая картина «стоит Последн[его] дня Помп[еи]» (А. С. Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, стр. 138). По свидетельству Н. А. Рамазанова Брюллов сам был

глубоко уверен, что «Нашествие Гензериха» будет «выше Помпеи» (Н. Рамазанов. Материалы для истории художеств в Россин, кн. I. М., 1863, стр. 185—186). При встрече с Пушкиным, в 1836 году, Брюллов жаловался поэту, что «боится климата и неволи» в Петербурге (Н. Рамазанов, стр. 141), выражая свои мысли, безусловно, иносказательно. Видимо, не случайно при известии о безвременной гибели Пушкина Брюллову вспомнился их разговор в Москве, так наивно истолкованный Мокрицким.

292 Имеются в виду произведения Брюллова: «Портрет доктора В. И. Орлова» (1836, ныне — в ГРМ), переводчика од Горация и писателя-драматурга; «Портрет Пл. В. Кукольника» (1839, ныне — в ГТГ); «Портрет скульптора И. П. Витали (1837, ныне — в ГТГ) Иван Петрович Витали (1794—1855) был в дружеских отношениях с художником: он не только помогал скульптору советами, но и делал для него эскизы. На портрете Витали изображен во время работы над бюстом Брюллова, исполненным в 1836 году. «Портрет генерал-адъютанта гр. В. А. Перовского» (1837, ныне — в ГТГ). 21 марта [1837] А. И. Тургенев, посетив мастерскую Брюллова, записал в дневнике: «К Брюллову: там портрет Пер[овского] в козац[ком] мундире и римское (слово «синее» — зачеркнуто. — *Н. П.*) небо под Оренбургом!..» (ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 309, д. 316, л. 82). Граф Василий Алексеевич Перовский (1795—1857) — военный и административный деятель николаевского царствования, оренбургский генерал-губернатор (1833—1842), познакомился с Брюлловым еще в Италии; был в дружеских отношениях с Жуковским и Пушкиным. Зиму 1836/37 года Перовский провел в Петербурге. «Портрет кн. Е. П. Салтыковой» (1837—1838, ныне — в ГРМ). «Портрет К. П. Брюллова и бар. Е. Н. Меллер-Закомельской с девочкой в лодке» (ныне — в ГРМ) так и остался неоконченным, хотя владелица еще в 1845 году писала художнику: «...давно желанный портрет надеюсь, что Вы окончите и тем меня много утешите» (СР ГРМ, ф. 31, д. 191, л. 1). На основании записи в «Дневнике» можно отнести начало работы над портретом дочери австрийского посланника в России графини Александры (Елизаветы) Карловны Фикельмон (в замужестве — Кляри, 1825—1863) к 1837 году (местонахождение неизвестно).

293 Иванова — лицо неустановленное.

294 На основании записей, сделанных А. И. Тургеневым в дневнике, начало работы Брюллова над портретом А. К. Демидовой (урожденной Шернваль, во втором браке — Карамзиной, 1813—1902) следует отнести к концу 1836 года. Тургенев писал: «9 дек[абря]

1836 г. ...был у Брюллова, видел портрет Авроры», «28 дек[абря 1836 г.] ...К Брюллову, там портрет Авроры» (ОР ИРЛИ АН СССР ф. 309, д. 316, лл. 63 об., 66).

295 Речь идет о письме В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину, отцу поэта, от 15 февраля 1837 года. Письмо предназначалось не столько для родителей Пушкина, сколько для широкого распространения. Цель его была обелить поэта в глазах правительства, представив Пушкина глубоко верующим человеком, искренно преданным Николаю I, с тем чтобы обеспечить семью покойного. Написанное с большим искусством, письмо с момента появления стало как бы непререкаемым и первостепенным по важности источником сведений. Однако освещение событий и фактов в нем вызывало недоумение у людей, близких Пушкину. Так, Плетнев писал в декабре 1847 года Я. К. Гроту: «Я был свидетелем этих последних минут поэта. Несколько дней они были в порядке и ясности у меня на сердце. Когда я прочитал Жуковского, я поражен был сбивчивостью и неточностью его рассказа; тогда-то я подумал в первый раз: так вот что значит наша история».

296 Теребенев Александр Иванович (1815—1859) — скульптор, учился в Академии художеств с 1824 по 1836 год, в 1845 — получил звание академика. М. Ф. Каменская, дочь гр. Ф. П. Толстого писала: «...не помню хорошенько, кто вылепил первый бюст после смерти Пушкина, но, по-моему, неоцененный его бюст вылеплен юным скульптором Теребеневым» («Исторический вестник», 1894, № 10, стр. 54). Популярность статуи и бюста Пушкина работы Теребенева были так велики, что уже в ноябре 1837 года он вынужден был подать в Правление Академии просьбу пресечь подделки «италианцами... сделанных мною небольшой фигурки и бюста в маленьком размере покойного Александра Сергеевича Пушкина», пользовавшихся большим спросом (ЦГИА, ф. 789, оп. 14, д. 74-Т, л. 12).

297 В 1837 году А. В. Никитенко получил ученую степень доктора философии за диссертацию, точное название которой: «О творческой силе в поэзии, или о поэтическом гении» (СПб., 1836).

298 Речь идет, вероятно, о портретах поэта Кольцова и Ивана Ивановича Дибича-Забалканского (1785—1831), генерал-фельдмаршала, приближенного Александра I и Николая I, любимца Аракчеева, известного доносом на заговор декабристов.

299 Именно в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» (1837, № 5), редактируемых Краевским, был напечатан некролог

Пушкину, автором которого был кн. В. Ф. Одоевский, начинавшийся словами: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща...»

300 «Ундина, старинная повесть, впервые рассказанная бароном Ламот Фуке, на русском в стихах В. Жуковским» (СПб., 1837) — была тепло встречена современниками: «Жуковский издал прелестную «Ундину» с прелестным очерком»,— записал в дневнике А. И. Тургенев (ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 309, д. 316, стр. 78 об.). Высоко оценивал «Ундину» и А. И. Герцен.

301 Возможно, один из набросков к этой композиции упомянут в списке произведений К. П. Брюллова (Э. Н. Ацаркина. Указ. соч., стр. 393) под названием «Гребцы в лодке».

302 О концерте, упоминаемом Мокрицким, сообщала и «Художественная газета», отмечая искусство «виртуоза Леопольда Мейера из Вены» (1837, № 6, стр. 120). «Норма» (1831) — опера итальянского композитора В. Беллини, была впервые поставлена в Петербурге в сезон 1835/36 года.

303 Речь идет о рисунке Мокрицкого с Алексея Абросимова, казенного крестьянина, служившего в Академии натурщиком (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, д. 2091, л. 2).

304 То есть Ф. П. Брюллов.

305 В «Воспоминании о Брюллове» Мокрицкого стихотворение Пушкина названо «Отцы пустынники и девы непорочны», а вся запись отнесена к 31 марта 1837 года. Драма Пушкина «Русалка» была напечатана в журнале «Современник» уже после смерти поэта (1837, т. IV). Трагедия «Каменный гость» при жизни Пушкина не публиковалась. Незаконченная поэма «Галуб — сцена из быта чеченцев» была помещена в журнале «Современник» (1837, т. VII) после гибели Пушкина. В 1930 году установлено правильное название поэмы — «Тазит».

306 Мокрицкий познакомился с великим украинским поэтом, по-видимому, через Сошенко. Тарас Григорьевич Шевченко (1814—1861) был тогда дворовым человеком помещика П. В. Энгельгардта. И хотя история освобождения подробно изложена в автобиографической повести Шевченко «Художник», «Дневник» рассказывает о малоизвестном факте участия Мокрицкого в освобождении своего земляка. Возможно, в «Воспоминании о Брюллове», где описывалась эта история, Мокрицкий затушевал свою роль из-за боязни репрессий: Шевченко находился в ссылке и был освобожден от нее и солдатчины лишь в 1858 году, после смерти Николая I.

307 Лопухин Павел Петрович (1790—1873), князь,— генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 года. С 1835 — в отставке. Брюллов познакомился с ним в 1833 году в Италии и написал его портрет (М. Н. Железнов. Заметки о К. П. Брюллове.— «Живописное обозрение», 1898, № 27—33. Ныне местонахождение портрета неизвестно). Гиден (правильно — Гюден) Жан (1802—1880) — французский живописец-маринист и баталист. Миллер — лицо неустановленное, возможно, неверна транскрипция этого имени в «Дневнике». Каммучини Винченцо (1773—1844) — итальянский портретист и исторический живописец. Почетный вольный общник Академии художеств в Петербурге (с 1828). Профессор Римской и Сен-Лукской академий. Видный представитель академического искусства начала XIX века. Гране Франсуа (1775—1849) — французский живописец, известный мастер перспективной живописи. Робер, вероятно, Луи-Леопольд (1794—1835) — французский живописец и гравер, работавший преимущественно в Италии. Пинел (правильно — Пинелли), Бартоломео (1781 — 1835) —итальянский рисовальщик, гравер, живописец и скульптор. Изображал в основном сцены из жизни итальянского простонародья.

308 Пашков Андрей Иванович (1792/93—1850) — егермейстер, генерал-майор; певец-любитель. Принимал деятельное участие в Санкт-Петербургском обществе любителей музыки. О его пении одобрительно отзывался Глинка в «Записках». Пашков Николай Иванович (1799—1873)— служил при Министерстве иностранных дел. Композитор и певец, получивший у современников прозвище «Московский Рубини».

309 Резвой Модест Дмитриевич (1807—1853) — живописец-любитель, миниатюрист и литограф, портретист. Почетный вольный общник Академии художеств (с 1839). Секретарь Общества поощрения художников (1844—1850). С 1843 — член-корреспондент отделения русского языка и словесности Академии наук. Музыкант-виолончелист. Составил «Музыкальный словарь», перевел книгу И. И. Фукса «Генерал — бас», писал статьи о музыке и изобразительном искусстве. Был связан родственными узами со многими знакомыми Мокрицкого: брат жены А. П. Сапожникова, племянник Н. П. Казадаевой.

310 Шамшин Петр Михайлович (1811—1895) — исторический живописец, учился в Академии с 1821 года. В 1836 — получил 1-ю золотую медаль и был послан пенсионером Академии за границу.

С 1844 — академик, с 1853 — профессор, с 1883 — ректор Академии художеств.

311 Речь идет об освобождении Шевченко от крепостной зависимости. См. прим. 306.

312 Гоголь, как и другие современники поэта, утверждал: «Это лучший из портретов, написанных с Жуковского» («Отечественные записки», 1855, т. 12, стр. 182). Портрет был разыгран в лотерее «между императорской фамилии» в апреле 1838 года. Однако отпускную Шевченко выкупили у помещика ранее получения денег из дворца. Этих денег было мало, недостающую сумму, по-видимому, добавили Виельгорский, Брюллов и Жуковский, для чего была разыграна копия портрета, сделанная Н. Д. Быковым (см.: П. Жур. Шевченковский Петербург. Л., 1964, стр. 113—116, 120, 122—123). Ныне «Портрет В. А. Жуковского» работы Брюллова находится в Киевском гос. музее Т. Г. Шевченко.

313 Моллер Федор Антонович (1812—1874) — живописец-портретист, сын морского министра. Служил в Семеновском полку, с 1832 года начал посещать классы Академии художеств. В 1837 — получил 1-ю золотую медаль и был признан «назначенным» в академики.

314 Сусальное серебро понадобилось Брюллову для опахала из павлиньих перьев в «Портрете кн. Е. П. Салтыковой». См. прим. 292.

315 Судя по этой записи, перспектива в «Портрете кн. Е. П. Салтыковой» начерчена Мокрицким, а не Брюлловым. В книге Э. Н. Ацаркиной (указ. соч., стр. 209) автором перспективы назван Брюллов, так как выдержка из «Дневника» приведена не до конца.

316 Автор имеет в виду гр. Марию Федоровну Толстую, так как ее старшая сестра, гр. Елизавета Федоровна Толстая, скончалась в 1836 году.

317 Граф Федор Федорович — лицо неустановленное, возможно, брат А. Ф. Мокрицкой.

318 В Нежине, одновременно с Мокрицким, училось несколько Гербаневских. Один из них — имя его неизвестно — в 1830-х годах жил и служил в Петербурге (фил. ГА Черниговской обл. в Нежине, ф. 377, оп. 1, д. 40, л. 53; ОР ИЛ АН УССР, ф. 65, д. 16, л. 10 об.).

319 «Библиотека для чтения. Ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод» издавался в Петербурге с 1834 года. Главное место в журнале отводилось точным наукам, популяризации и применению их достижений в промышлен-

ности и сельском хозяйстве. Его фактическим создателем и редактором был О. И. Сенковский. Он привлек к участию в журнале выдающихся представителей науки и литературы. Однако бесцеремонное обращение редактора с чужими трудами вызывало постоянные нарекания современников. Презрительный отзыв Брюллова объясняется, вероятно, близостью художника к Кукольнику, Гречу и Булгарину, бывших лютыми врагами и конкурентами Сенковского на журнальном поприще.

320 Речь идет об изданном в 1793 году («Catalogue raisonné des tableaux, qui composent la collection du comte A. de Stroganoff») описании коллекции гр. Александра Сергеевича Строганова (1733—1811), директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств (с 1800), любителя искусств, собравшего большую библиотеку и художественную галерею.

321 Ф. А. Венецианова играла отрывки из оперы «Отелло» (1816), итальянского композитора Ж. Россини, с которой петербургская публика познакомилась в 1828 году.

322 Речь идет о рисунке с бюста Брюллова работы Витали. См. прим. 292. В 1837 году скульптор получил за него от Академии художеств звание свободного художника.

323 «Квентин Дорвард» — роман английского писателя Вальтера Скотта (1771—1832), переведенный на русский язык в 1827 году. Брюллов познакомился с В. Скоттом в Риме, когда писатель пожелал осмотреть картину «Последний день Помпеи» (ОР ГРМ, ф. 22, ед. хр. 55, л. 11).

324 Художник Сошенко впервые увидел Шевченко в июле 1836 года, в Летнем саду, в Петербурге. Эта встреча и «искренние, братские отношения» их имели огромное влияние на дальнейшую судьбу талантливого юноши (Т. Г. Шевченко. Собрание сочинений, т. 2. Киев, 1949, стр. 80). Сошенко познакомил Шевченко с Е. П. Гребенкой, Мокрицким, позже — с Григоровичем.

325 Вероятно, речь идет об Александре Ивановиче Тургеневе (1784—1845) — друге Жуковского, Карамзина, Вяземского, Пушкина, брате декабриста и писателя Н. И. Тургенева. Занимался историческими исследованиями в зарубежных архивах. Весной 1837 года А. И. Тургенев, судя по записям в его дневнике, часто бывал у Брюллова. Тогда же художником был написан портрет Тургенева, о чем сохранились сведения в его письме к П. А. Осиповой от 3 февраля 1837 года: «Вы желали иметь портрет мой, коего ориги-

нал писан Брюлловым» (ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 309, д. 316, л. 74 об.).

[326] Ухтомский Андрей Григорьевич (1771—1852) — гравер, окончил Академию художеств в 1800 году с аттестатом 1-й степени; с 1808 — академик; работал в ландшафтном гравюрном классе, с 1815 — управлял академической печатной палатой. Болезнь глаз заставила его оставить гравюру. Библиотекарь и хранитель музея Академии (1817—1850).

[327] Бриер де Мартре (правильно — Бригере де Мартере) Карл — окончил в 1798 году Пажеский корпус.

[328] Ставассер Екатерина Андреевна — вероятно, сестра скульптора Ставассера Петра Андреевича (1816—1850), товарища Мокрицкого по Академии художеств. Леночка — лицо неустановленное. Именины А. А. Венециановой были 21 апреля.

[329] Мельниковы — семья архитектора Абрама Ивановича Мельникова (1784—1854), профессора Академии художеств, исполнявшего должность ректора по архитектуре с 1831 года. Орлов Пимен Никитич (1812—1863) — живописец-портретист, посторонний ученик Академии художеств, получил в 1837 году звание свободного художника. С 1841 — жил и работал в Италии, за счет Общества поощрения художников; с 1857 — академик. Украинец по национальности. Захаров (Чеченец) Петр Захарович (1816—1852) — живописец-портретист, учился в Академии художеств с 1833 года. В 1835 — получил звание неклассного художника и 2-ю серебряную медаль «за экспрессию». С 1843 — академик за портрет генерала А. П. Ермолова, в семье двоюродного брата которого, Н. П. Ермолова, воспитывался.

[330] Стромиловы — помещики Тверской губернии. С несколькими представителями этой семьи был хорошо знаком Венецианов. Трудно сказать, о ком именно идет речь.

[331] Имеется в виду религиозно-дидактическая поэма английского писателя Эдуарда Юнга (1683—1765) «Жалоба, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии» (1742—1745), переведенная на русский язык в 1785 году.

[332] Зауервейд Александр Иванович (1783—1844) — живописец, учился за границей, поселился в России с 1814 года. С 1827 — почетный вольный общник Академии художеств. С 1836 — профессор Академии. Учитель рисования Николая I, «особенным расположением» которого он пользовался, и царской семьи («Рус-

ская старина», 1878, кн. IV, стр. 665). В доме Зауервейда Брюллов познакомился со своей будущей женой Эмилией Федоровной Тимм (1821—1877) (ОР ГРМ, ф. 31, ед. хр. 118, л. 1).

333 Воейков Александр Федорович (1779—1839) — поэт, критик, журналист, переводчик. Профессор словесности Дерптского университета. Автор сатирической поэмы «Дом сумасшедших» (1814—1838). Член литературного общества «Арзамас». Редактор журналов «Сын отечества» (1820—1821), «Русский инвалид» (1822—1839), «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду» (1831—1837) и других изданий. Отличался беспринципностью, преследуя лишь коммерческие цели. Владиславлев Владимир Андреевич (1807—1856) — беллетрист, издатель альманаха «Утренняя заря» (1839—1843), автор книги «Повести и рассказы» (СПб., 1835), собиратель рисунков. Жандармский полковник, адъютант Бенкендорфа, агент III отделения. Сухарев Александр Дмитриевич (1771—1853) — сенатор (с 1832).

334 Мокрицкий готовился к путешествию на родину, на Украину.

335 Карраччи — семья итальянских живописцев конца XVI — начала XVII века, основоположников академизма в европейской живописи. В 1585 году три брата Карраччи организовали живописную мастерскую, получившую название «Академия вступивших на верный путь». Наиболее талантливым из них был Карраччи Аннибале (1560—1609). Не установлено, какие картины копировал Кандыба.

336 Брюллов упорно отказывался от чести писать императора. Прохладно относился художник и к написанию «большой фамильной картины», над которой работал летом 1837 года; в ней он должен был изобразить императрицу и вел. княжон Марию, Ольгу и Александру (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, д. 2224, л. 16).

337 Хутор Александрия Пирятинского уезда Полтавской губернии в 30-х годах XIX века принадлежал дяде Мокрицкого, помещику Богдановичу.

338 Варвара Васильевна — вероятно, В. В. Маркевич, жена А. И. Маркевича, помещица. Мальхен — А. Ф. Мокрицкая, Юлия (1836—?) — племянница Мокрицкого, дочь Ал. Н. и А. Ф. Мокрицких.

339 Речь идет, вероятно, о сепии «Распятие», подаренной Брюлловым Мокрицкому. См. прим. 258.

340 Флаксман Джон (1755—1826) — английский скульптор и

график, представитель классицизма. Иллюстрировал «Илиаду», «Одиссею», делал рисунки к сочинениям Эсхила и Данте.

341 Маркевич Василий Иванович (1780—?) — судья Прилукского поветового суда, помещик. Уль[яна] Афан[асьевна] — лицо неустановленное. Григорович Николай Иванович (ок. 1797—?) — брат конференц-секретаря Академии художеств В. И. Григоровича, помещик.

342 Родители В. И. Григоровича, Иван Никитич (ок. 1756—1834) и Прасковья Дмитриевна (ок. 1770—?) Григоровичи жили постоянно в Пирятине Полтавской губернии, как и семья Мокрицкого.

343 27 мая 1837 года В. И. Григорович обратился к президенту Академии художеств с просьбой разрешить ему съездить в Москву, Малороссию и Киев на три месяца, указывая, что не пользовался отпуском 19 лет. Он получил отпуск с 2 июня 1837 года (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 2204, лл. 1, 4).

344 Новицкий Николай Михайлович (1810—?) — помещик Лубенского уезда Полтавской губернии. Окончил Нежинскую гимназию высших наук в 1831 году. Служил по выборам дворянства в Полтавской губернии. Близкий друг писателя Е. П. Гребенки. Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897) — знаток украинского языка, поэт, публицист и историк. Биограф Гоголя. В 1847 году был арестован вместе с Т. Г. Шевченко и Н. И. Костомаровым по делу о Кирилло-Мефодиевском братстве. Полную амнистию получил лишь в 1856 году.

345 Любицкий Федор Иванович (?—ум. ок. 1862) — чиновник, жил в Пирятине, приятель В. В. Тарновского. См. прим. 346.

346 Иван Иванович — лицо неустановленное, возможно, И. И. Лукомский. Хутор Антоновка в Пирятинском уезде Полтавской губернии в 30-х годах XIX века принадлежал наследникам «умершего поручика Тарновского» (ГА Полтавской обл., ф. 801, оп. 1, д. 3749, л. 1 об.). Мокрицкий упоминает о встрече с Василием Васильевичем Тарновским (1809—1865), также кончившим Нежинскую гимназию (в 1829). Юрист по образованию, он недолго находился на государственной службе, смерть родителей заставила его переселиться в деревню и заняться хозяйством. Активный деятель по подготовке и осуществлению крестьянской реформы. Наследник состояния Г. С. Тарновского. Приятельские отношения с В. В. Тарновским сохранились у Мокрицкого на долгие годы.

347 Галеико — лицо неустановленное. Возможно, Мокрицкий писал

портрет одного из братьев Галенко — Аркадия (р. 1817—?) или Георгия (1818—?) Осиповичей, украинских помещиков. В 1830 году они поступили в Нежинскую гимназию высших наук.

348 Скорее всего речь идет о гравюре с картины Рафаэля «Мадонна делла Седиа» («Мадонна в кресле», ок. 1516).

349 Григорович вернулся из отпуска в Петербург в сентябре 1837 года.

350 Свечка — скорее всего Николай Львович (1828—1898), военный, впоследствии — Пирятинский и Лубенский предводитель дворянства.

351 Лебедев Михаил Иванович (1811—1837) — живописец-пейзажист. Получив в 1833 году 1-ю золотую медаль, был отправлен Академией художеств за границу. Смерть Лебедева от холеры летом 1837 года потрясла современников, видевших в нем одного из лучших пейзажистов Европы. В некрологе его произведения сравнивались с творениями Пушкина и Марлинского, что было по тем временам высшей оценкой («Художественная газета», 1837, № 16, стр. 254).

352 «Моисей» — скульптура Микеланджело Буонарроти, исполненная им в 1515—1516 годах для гробницы папы Юлия II (ныне — в церкви Сан Пьетро ин Винколи, в Риме).

353 Речь идет о драматической поэме А. В. Тимофеева «Рим и Карфаген» (СПб., 1837).

354 См. прим 288.

355 Деларю Михаил Данилович (1811—1868) — поэт, испытавший сильное влияние Пушкина и А. А. Дельвига. Печатался в «Современнике» и других периодических изданиях. В 1835 году вышла его книга «Опыты в стихах». Автор переложения «Слова о полку Игореве». Служил в канцелярии военного министра в Петербурге, позже — инспектор классов в Ришельевском лицее в Одессе.

356 Вероятно, Мокрицкий писал эскиз на тему «Испытание Яна Усмаря», часто встречавшуюся в академических заданиях.

357 Лоди (Лодий) Андрей Петрович (1812—1870) — певец (лирический тенор), позже — педагог. В 1837—1838 годах пел в опере под псевдонимом «Нестеров», который взял в честь Н. В. Кукольника. Активный участник собраний «братии трех великих художников». Сохранил дружеские отношения с Брюлловым до последних дней жизни художника. Алединский Александр Павлович (1775—1841) — генерал-адъютант, воспитатель вел. кн. Нико-

лая и Михаила Павловичей (с 1804), сопровождал их в путешествиях по России и за границей. С 1841 года—гофмейстер при дворе вел. кн. Михаила Павловича. Участвовал в заграничных походах русской армии, и в частности в переходе войск Суворова через Альпы. Чернышев Федор Сергеевич (1805—1869) — генерал-лейтенант. С 1838 года — флигель-адъютант царя. Автор остроумных, но часто нецензурных стихов, шуток и эпиграмм. «Солдатская сказка про двух царей, российского и немецкого, и о том, как царь русский, перещеголяв царя немецкого, поступил с ним великодушно» (1835) написана в связи с Калишскими маневрами. См. прим. 78. Сказка распространялась в списках, в 1838 году — литографирована. В декабре 1836 года А. И. Тургенев записал в дневнике: «Оттуда к Анненковой. Обед и чтение стихов Чернышева: «Царь русский и царь немецкий» (ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 309, д. 319, л. 63 об.). Сказка была напечатана лишь в 1872 году в журнале «Русская старина» (кн. VI, стр. 968—980).

358 Вероятно, сестер Бенземан, Луизу и Марию.

359 Речь идет о картине Ф. А. Бруни «Медный змий» (1835—1840, ныне в ГРМ).

360 Стихотворениями В. Г. Бенедиктова восхищались современники: «О них везде говорили, их клали на музыку, учили наизусть» (Е. А. Драшаусова. Жизнь пройти, не поле перейти. — «Русский вестник», 1881, № 9, стр. 142). Но в то же время многие воспринимали творчество поэта иронически, характерен отзыв Н. В. Станкевича: «...что ни стих, то фигура... ходули беспрестанные... набор слов самых звучных, образов самых ярких, сравнений самых странных — души нет!» (Цит. по кн.: П. В. Анненков. Н. В. Станкевич. М., 1857, стр. 155—156).

361 Струговщиков Александр Николаевич (1808—1878) — поэт, о переводах которого из Гёте одобрительно отзывался Белинский. Сотрудничал во многих журналах. С 1841 года — официальный издатель «Художественной газеты» Кукольника, которой он фактически руководил и ранее. Был в приятельских отношениях с Брюлловым, Кукольником, Глинкой, о последнем оставил интересные воспоминания. («Русская старина», 1874, кн. IV—V). В 1840 году Брюллов написал его портрет (ныне — в ГТГ). Был женат на А. А. Качаловой.

362 Летние каникулы 1836—1838 годов Штернберг провел в Малороссии, в имении Качановка, где жил «за счет почтенного любителя всего изящного — Г. С. Тарновского» («Художественная газета», 1837, № 9—10, стр. 166). В «Художественной газете» был напечатан

восторженный отзыв о работах, привезенных Штернбергом из Малороссии (1838, № 1, стр. 12—14).

[363] Готовцев Евграф Тимофеевич (ок. 1790—1846) — полковник, знакомый Мокрицкого.

[364] Бородин Андрей Николаевич (1813—1863 или 1865) — писатель и переводчик; чиновник Департамента путей сообщения, позже Комитета государственного коневодства. Принимал деятельное участие в издании «Военно-энциклопедического лексикона», сотрудничал в периодических изданиях, редактировал «Журнал коневодства и охоты» (с 1850). Товарищ Мокрицкого по Нежинской гимназии высших наук, в которой учился в 1826—1831 годах. Бородина Мария — (?—1837) — жена А. Н. Бородина.

[365] Бенуа Николай Леонтьевич (1813—1898) — архитектор, учился в Академии художеств с 1827 года. В 1836 — получил 1-ю золотую медаль и звание художника. В 1840 — был отправлен пенсионером Академии за границу. С 1847 — академик, с 1857 — профессор, с 1896 — действительный член Академии художеств.

[366] Велизарий — византийский полководец, в конце жизни подвергшийся опале, что дало повод к позднейшей легенде о его ослеплении. Здесь — сюжет, над которым работал автор по заданию Академии.

[367] См. прим. 226.

[368] Кунсткамера — кабинет редкостей, в Петербурге. Основана в 1714 году. В ней хранятся анатомические, зоологические и исторические коллекции, собранные в различных местах России. Ныне — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого.

[369] Картина Ф. А. Бруни «Моление о чаше» была написана художником в годы его первого путешествия в Италию. Она вызывала восторженные отзывы современников. «Художественная газета» писала в 1837 году: «...бесспорно, первое место (на выставке в Академии художеств. — *Н. П.*) занимает «Моление о чаше», оно поглотило все наше внимание и исполнило душу священным трепетом... В чисто живописном отношении нельзя не обратить внимания на письмо сей картины: оно поразит вас правдою переходов, освещение обнаруживает высший расчет, драпировка сохраняет отменную красоту и написана с редким познанием. Словом, мы смело можем поздравить Отечество с новым отличным произведением русской школы». (1837, № 15, стр. 239).

[370] См. прим. 364.

[371] Не установлено, чье это прозвище. В черновой рукописи «Воспо

минания о К. П. Брюллове» Мокрицкий, описывая завтрак у Брюллова, сообщает о приходе «одного весьма важного лица» (ОР ГТГ, ф. 33, ед. хр. 27, л. 3 об.).

[372] «Кин» (1834)— драма А. Дюма. Сюжетом для нее послужили эпизоды из жизни знаменитого английского актера Э. Кина. Многие современники Брюллова вспоминали об артистическом даре художника («Русская старина», 1876, кн. I—III, стр. 624).

[373] См. прим. 351. Брюллов восхищался работами Лебедева, утверждая, что этим художником «Россия могла бы гордиться как лучшим пейзажистом в Европе» (цит. по кн.: Т. В. Юрова. М. И. Лебедев. М., 1971, стр. 128).

[374] Примечательно, что лишь в ноябре 1837 года у Мокрицкого, близко стоявшего к Глинке и его кружку, в «Дневнике» появляется официальное название оперы — «Жизнь за царя». См. прим. 261.

[375] См. прим. 294 и 258.

[376] Вел. кн. Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская (1819—1876) — старшая дочь Николая I, впоследствии — президент Академии художеств (1852—1876).

[377] Мокрицкий познакомился с поэтом Кольцовым в 1836 году. См. прим. 209. Дума «Великое слово» (или «Великая истина») была написана в 1836 году, а не в 1838, как показалось Мокрицкому. Опубликована — в 1838 году с посвящением Жуковскому.

[378] Мокрицкий работал над рисунком с натурщика, позировавшего для образа «Распятие» Брюллова. См. запись в «Дневнике» от 24 [марта] 1838 года.

[379] В образе «Распятие» изображены три Марии: богоматерь, Мария Магдалина и Мария Клеопова. Трудно сказать, для которой позировала натурщица.

[380] Местонахождение копии, сделанной Н. В. Путятой, неизвестно. В списке произведений Брюллова (Э. Н. Ацаркина. Указ. соч.) копия не упоминается.

[381] Бобринская Софья Александровна (урожденная гр. Самойлова, 1799—1866) — жена внука Екатерины II гр. А. А. Бобринского. Красотой, умом и образованностью гр. Бобринской восхищались Жуковский, Вяземский, Тургенев.

[382] См. прим. 379. Голова Марии Магдалины поражала многих. Рассказывая о посещении Жуковским и гр. Виельгорским мастерской Брюллова, Шевченко писал: «Они любовались еще неоконченной картиной «Распятие Христа», писанной для лютеранской церкви

Петра и Павла. Голова плачущей Марии Магдалины уже была окончена, и В. А. Жуковский, глядя на эту дивную красавицу, сам заплакал и, обнимая Карла Великого, целовал его, как бы созданную им красавицу» (Т. Г. Шевченко. Собрание сочинений, т. 2, стр. 414).

383 Вероятно, Мокрицкий упоминает то же лицо, что и Кольцов в письме к Белинскому от 14 марта 1838 года, перечисляя бывших у него на вечере гостей: «...Владиславлев, Краевский, Никитенко, Григорович, Мокрицкий, Венецианов, Туранов (Тыранов. — *Н. П.*), трое Крашенинниковых, Посылин...» (А. В. Кольцов. Сочинения. М., 1966, стр. 278).

384 Липинский Кароль Иосиф (Карл Феликсович, 1790—1861) — польский скрипач-виртуоз и композитор, гастролировавший в Петербурге и других городах России. В феврале 1838 года «Художественная газета» сообщала: «...со дня на день ожидают (в Петербурге. — *Н. П.*) прибытия Липинского» (№ 3, стр. 116).

385 В мастерской Брюллова стоял позолоченный бюст Пушкина. Возможно, работы скульптора С. И. Гальберга («Художественная газета», 1837, № 11—12, стр. 191). Сделал бюст Пушкина и Витали.

386 Имеется в виду «Портрет балерины С. И. Самойловой, первой жены артиста В. В. Самойлова, с гитарой в руках». (Местонахождение неизвестно).

387 Брюллов читал, вероятно, «Историю крестовых походов» французского историка Жозефа Франсуа Мишо (1767—1839). Гонорий III — римский папа, поддерживавший организацию пятого крестового похода в «Святую землю». Крестоносцы, отвергнув мир, предложенный мусульманами, двинулись по инициативе легата Палагия в глубь Египта. Поход окончился неудачей; в 1221 году заключен мир, по которому все завоеванные земли были очищены от крестоносцев.

388 См. прим. 378.

389 Ферзен Павел Карлович (1800—1884), граф, — действительный статский советник, егермейстер. Служил при Министерстве императорского двора. С 1838 года — церемониймейстер высочайшего двора. Член комиссии по возобновлению Зимнего дворца (после пожара в 1837 году). С 1840 — служил при дворе вел. кн. Александры Николаевны. С 1871 — в отставке. В 1834 — Брюллов исполнил его акварельный портрет (ныне — в ГТГ). Муж Ольги Павловны Ферзен (урожденной гр. Строгановой, 1808—1837), чей портрет был написан Брюлловым в 1835 году (акварель, ныне в ГРМ).

[390] Брюллов познакомился с Сергеем Александровичем Соболевским (1803—1870) еще в Италии, где в 1827 году написал его портрет. Соболевский — библиофил и библиограф, автор многих эпиграмм, друг Пушкина, которому поэт подарил свой портрет работы В. А. Тропинина; друг Жуковского, Вяземского, был близок с Глинкой. Долгие годы провел за границей. В 1837—1843 годах жил в России. Известно, что, несмотря на интенсивную творческую работу, Брюллов тяготился гнетущей атмосферой царского Петербурга и постоянно стремился уехать за границу. Слухи, переданные Соболевским, возмутили Мокрицкого, вероятно, еще и потому, что свежо было в памяти издевательское «высочайшее дозволение» Брюллову «отлучиться в Рим на два месяца», данное Николаем I в 1836 году, к которому было добавлено: «...его величество надеется, что он не просрочит» (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, д. 45, л. 1).

[391] Из писем Венецианова к Н. П. Милюкову видно, что семья художника предполагала в начале 1838 года выехать из Петербурга в Тверскую губернию, в имение художника Сафонково, с тем, чтобы «25 марта (день благовещения богородицы.— *Н. П.*) праздновать в Дубровском (имении Милюковых.— *Н. П.*)» (Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников, стр. 181).

[392] Речь идет о портрете гр. О. П. Ферзен (ок. 1837, ныне — в ГТГ). Кн. Е. П. Салтыкова и Аглаида Павловна Голицына (1799—1882) были ее родными сестрами. Запись в дневнике Мокрицкого об их визите в мастерскую Брюллова подтверждает предположение О. А. Лясковской и Э. Н. Ацаркиной о работе Брюллова над портретом после смерти гр. О. П. Ферзен и позволяет уточнить датировку этого произведения.

[393] Верочка — вероятно, В. Вильде, портрет которой писал в это время Мокрицкий.

[394] Сведения об этой работе отсутствуют в трудах, посвященных творчеству Брюллова. Сюжет акварели был, очевидно, навеян впечатлениями, полученными Брюлловым во время исполнения по заказу Общества поощрения художников копии с фрески Рафаэля «Афинская школа» (1823—1827, ныне — в Музее Академии художеств).

[395] См. прим. 323.

[396] См. прим. 392. Гр. Софья Владимировна Строганова (1775—1845) — мать гр. О. П. Ферзен. Вероятно, ошибочно написано — «княжна», следовало написать — «княгиня» Голицына.

[397] Мокрицкий получал пособие от Общества поощрения художников до отъезда на родину, в Малороссию, в 1840 году. Кроме того, 1 марта 1838 года, Комитет Общества постановил: «...выдать в виде одобрения Мокрицкому... (перечислялось несколько учеников Брюллова. — *Н. П.*), об успехах которых свидетельствует г. профессор Брюллов... 200 рублей» (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 140, л. 28).

[398] Об этих вечерах и составе гостей на них Кольцов сообщал Белинскому в письме от 14 марта 1838 года: «По понедельникам вечера у меня, и всех их было два. На первом были Полевой, Кукольник, Краевский, Булгарин, Бенедиктов, Гребенка, Бернет, Прокопович, Пожарский, Шевцов, Сахаров и моих земляков человек восемь» (цит. по кн.: А. В. Кольцов. Сочинения, стр. 278). См. прим. 383.

[399] В 30-х годах XIX века праздник пасхи пришелся на 3 апреля лишь в 1838 году, что позволяет отнести эту страницу «Дневника» к 1838 году. Запись от 8 апреля [1838], также как и упоминание о Плахове, сделанное Мокрицким 28 марта [1838], подтверждают, что в этот период Плахов жил в Петербурге.

[400] Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — полководец и дипломат, генерал, герой Отечественной войны 1812 года. Главнокомандующий на Кавказе. С 1827 года в отставке за связь с декабристами. Ермолов был известен глубиной и живостью ума: «Беседа его была очаровательна. Воспоминания, анекдоты, замечания, остроты лились потоком. И любопытно, и весело, и поучительно» (цит. по кн.: М. Погодин. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1864, стр. 448).

[401] Еппингер (правильно — Эппингер) Федор Иванович (1816—1873) — архитектор. Учился в Академии художеств с 1832 года. В 1837 году получил 2-ю серебряную медаль, в 1838 — 1-ю серебряную медаль. В 1839 — 1-ю серебряную, 1-ю золотую медали и звание свободного художника. С 1841 — пенсионер Академии за границей, с 1849 — академик, с 1858 — профессор. За портрет Еппингера, «писанный с натуры», Мокрицкий получил на третном экзамене, состоявшемся 30 апреля 1838 года, одобрение Совета Академии, а 2 октября того же года за этот портрет и картину «Святой Себастьян» — 1-ю серебряную медаль (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2377, л. 3; д. 2383, л. 83).

[402] По-видимому, Мокрицкий делал копию с картины Брюллова «Бахчисарайский фонтан» (1838—1849, Всесоюзный музей А. С. Пушкина). Сведений о копии Мокрицкого в литературе о творчестве Брюллова нет.

403 См. прим. 384.

404 Вел. кн. Елена Павловна (1806—1873) — жена вел. кн. Михаила Павловича была просвещенным человеком, интересовалась искусством и литературой. Брюллов не раз писал ее портреты.

405 В рукописи «Воспоминание о К. П. Брюллове» Мокрицкий сообщал, что он позировал Брюллову и для головы богоматери в том же образе «Распятие» (ОР ГТГ, ф. 33, д. 29, лл. 3—3 об.).

406 В 1830-х годах в Петербурге жили два брата Беггровы. Иван (Иоганн Фридрих) Петрович Беггров (1793—1877) — литограф, основавший в 1817 году литографию и открывший магазин художественных принадлежностей на Невском проспекте, и Карл (Карл Иоахим) Петрович Беггров (1799—1875) — живописец, занимавшийся также литографией; окончивший Академию художеств и получивший звание академика в 1832 году. Трудно установить, о каком из братьев идет речь.

407 Готовцева Александра Валериановна (ок. 1817—?) — дочь Валериана Тимофеевича (1794—?) и Александры Матвеевны (ок. 1796—?) Готовцевых, помещиков местечка Яготин на Украине; племянница Е. Т. Готовцева, хорошего знакомого Мокрицкого.

408 Мокрицкий давно мечтал об основании в Малороссии художественной школы. См. прим. 153 и «Дневник» от 16 декабря 1835 года. Григорович в ноябре 1837 года, вернувшись в Петербург после поездки на родину, обращался к министру народного просвещения с предложением основать художественную школу в Киеве при университете св. Владимира (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2204, л. 14).

409 Ссылка Э. Н. Ацаркиной (Указ. соч., стр. 366) на запись в дневнике Мокрицкого от 24 апреля 1838 года о работе Брюллова над картиной «Бахчисарайский фонтан» — не точна. Над копией с «Бахчисарайского фонтана» работал Мокрицкий; Брюллов, как явствует из записи, читал Мокрицкому в это время роман В. Скотта «Пертская красавица» (1828).

410 А. П. Брюллову, назначенному главным архитектором, было поручено вместе с архитекторами В. П. Стасовым и А. Е. Штаубертом, восстановление личных комнат Николая I и его семьи после пожара в Зимнем дворце в декабре 1837 года, а также сооружение нового зала в память Александра I.

411 Витгенштейн Лев Петрович (1799—1866), граф.

В 1832 году Брюлловым был написан портрет его детей с няней — итальянкой. (Местонахождение неизвестно).

412 Петровский Петр Степанович (1814—1842) — живописец. Учился в Академии художеств с 1831 года, пользовался покровительством Общества поощрения художников. В 1838 — получил 1-ю серебряную медаль, в 1839 — 1-ю золотую медаль. В 1841 — был отправлен на счет Общества в Италию, где и скончался.

413 24 сентября 1839 года Мокрицкий получил 2-ю золотую медаль за программу «Римлянка, кормящая грудью отца». В 1840 году «Художественная газета» писала о программе Мокрицкого, что она «примечательна также по сочинению, хорошему эффекту, письму, рисунку и, особенно, по выражению» (№ 16, стр. 8).

414 Шевченко в повести «Художник», где рассказ ведется от лица Сошенко, вспоминал: «Вошел в мастерскую Карл Великий в сопровождении графа Виельгорского и В. А. Жуковского... Жуковский вынул из кармана форменно сложенную бумагу и, подавая мне, сказал: «Передайте это ученику вашему». Я развернул бумагу. Это была его отпускная, засвидетельствованная графом Виельгорским, Жуковским и К. Брюлловым» (Т. Г. Шевченко. Собрание сочинений, т. 2, стр. 430—431). Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856), граф,— гофмейстер двора, композитор-дилетант и знаток музыки, автор ряда популярных романсов. Был близок к литературным и музыкальным кругам Петербурга, дружил с Пушкиным, Глинкой, Жуковским.

415 Возможно, речь идет о «подмалевке» картины «Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 году» (1839—1843, ныне — в ГТГ), размеры которой позволяют назвать ее «большой картиной». Осталась незаконченной художником. Эскиз к ней был написан в 1836 году.

416 Речь идет, вероятно, о живописных этюдах и эскизе Брюллова к неосуществленному «Портрету Александры Федоровны, жены Николая I с дочерью Александрой Николаевной, верхом на прогулке в Петергофе» (ок. 1837, ныне — в ГРМ), а также о портретах вел. княжон Ольги и Марии Николаевне (в ГТГ, в ГРМ, Пермской художественной галерее. Местонахождение нескольких этюдов к портретам неизвестно).

417 См. прим. 413.

418 В «Дневнике» сохранился рисунок, изображающий руки Жуковского в портрете Брюллова. Позже Брюллов уничтожил перчатки, о которых пишет Мокрицкий. «К. П. Брюллов на сих днях

совершенно окончил... портрет В. А. Жуковского. В аксессуарах последнего... сделаны значительные изменения, отчего он много выиграл»,— писала «Художественная газета» (1841, № 4, стр. 7). Набросок Мокрицкого остался единственным свидетельством творческих поисков художника.

419 Эту неровность в отношениях учителя и ученика замечали окружающие. Венецианов, близко знавший Мокрицкого, писал: «Был у него Мокрицкий, но своей поэзией и философией надоел, почему Брюллов его отдалил» (цит. по кн.: А. Н. Савинов. А. Г. Венецианов, стр. 205).

420 Не установлено, о какой книге упоминает Мокрицкий.

421 Речь идет о работе Мокрицкого над программой. См. прим. 413.

422 «Гитана, испанская цыганка» — балет композиторов Д. Ф. Э. Обера и И. Ф. С. Шмидта. Был поставлен Ф. Тальони. В Петербурге шел с 1838 года.

423 Речь идет об опере «Жан Парижский» (1812) французского композитора Ф. А. Буальде, жившего в России с 1804 по 1811 год, шла на петербургской сцене с 1819 года.

424 Прихунова Анна Ивановна (в замужестве—кн. Гагарина, 1830—1887) — русская балерина.

425 Тальони Мария (1804—1884) — итальянская балерина. Впервые танцевала в Петербурге 6 сентября 1837 года в балете «Сильфида». Ее искусство воспето Пушкиным, Грибоедовым, Вяземским. П. А. Каратыгин написал пьесу-шутку «Ложа первого яруса на последний дебют Тальони». Была особенно хороша в ролях романтических, поражала легкостью, грацией и выразительностью исполнения.

426 Орлай Александр Иванович (ок. 1806—?) — средний сын И. С. Орлая, директора Нежинской гимназии высших наук. Мокрицкий ошибся: у И. С. Орлая гусарским офицером был сын Михаил (ок. 1804—?), он окончил Царскосельский пансион, впоследствии был генерал-лейтенантом.

427 Жигмонт — лицо неустановленное.

428 В 1836 году почетный член Академии художеств и меценат, камер-юнкер Анатолий Николаевич Демидов, кн. Сан Донато (1812—1870) предложил Академии устроить для русских художников конкурс, темой которого должна была стать государственная деятельность Петра I. На конкурс к 1 декабря 1838 года были представлены 11 произведений, среди них — картины Венецианова и А. И. Иванова. Заседание Совета Академии и жюри кон-

курса происходило 10 декабря 1838 года. Никто из соревновавшихся не получил 1-й премии (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, д. 2216, лл. 7 об., 134, 148).

429 В феврале 1838 года Н. М. Смирнов, не имея более средств субсидировать пребывание Плахова за границей, обратился в Общество поощрения художников с просьбой поддержать художника. В апреле 1838 года Общество постановило разрешить Плахову прожить за границей еще год и выделило для этой цели 200 червонцев. В июне 1838 года Плахов вновь обратился в Общество поощрения художников за субсидией, мотивируя это желанием съездить в Голландию и Бельгию (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 162, лл. 1, 3, 8, 9, 11).

430 См. прим. 407. В конце октября 1838 года Николай I, недовольный головой евангелиста Иоанна Богослова в образе, написанном Бруни для Большой церкви Зимнего дворца, поручил переписать ее Брюллову «в том самом характере, который ей дан знаменитым Доменикином в столь известной его картине Иоанна Богослова» (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, д. 33, лл. 2—2 об. и оп. 1, ч. II, д. 2335, л. 1). Картина итальянца Доменикино Цампьери (1581—1641) принадлежала Николаю I. Возможно, копия Брюллова возникла как подготовка к исполнению неприятного художнику распоряжения царя (Бруни в это время был в Италии). Копия Брюллова экспонировалась на выставке русских художественных произведений в Петербурге в 1839 году и вызвала бурные восторги современников, называвших ее «совершеннейшим идеалом копий» (ныне — в Краснодарском краевом художественном музее имени А. В. Луначарского).

431 В 1838 году академик Яненко копировал «Последний день Помпеи» (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2383, л. 28).

432 В 1839 году, по приглашению В. И. Даля, Штернберг совершил путешествие в Оренбург. Поездку Штернберга организовал Григорович. Предполагалось, что Штернберг примет участие в готовившейся Хивинской экспедиции как рисовальщик. Однако художник заболел и вернулся в Петербург 16 декабря 1839 года.

433 Трейбер — лицо неустановленное.

434 Белозерский Николай Данилович (?—1879) — украинский помещик, борзненский уездный судья (1824—1841). Увлекался малороссийской литературой и стариной, был знаком с Гоголем еще в годы учения последнего в Нежине. Помогал материально П. А. Кулишу в его изданиях. Шевченко, также хорошо знав-

ший Белозерского, называл его «филантропом, оголившим своих крестьян» (Т. Г. Шевченко. Собрание сочинений, т. 3., стр. 230).

[435] Бастиан — лицо неустановленное. Соколовский Владимир Игнатьевич (1808—1839) — поэт, знакомый Кольцова. Был близок к Герцену и Огареву. Сохранились свидетельства, что Глинка намеревался писать оперу на либретто Соколовского.

[436] Как вспоминают современники: «...самым гостеприимным из литераторов того времени был Е. П. Гребенка, постоянно созывавший к себе своих литературных приятелей при получении из Малороссии сала, варенья или наливок. Гребенка в это время еще не был женат. Он жил на Петербургской стороне, в казенной квартире 2-го кадетского корпуса, где был учителем» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. 103).

[437] В сентябре 1838 года Общество поощрения художников поручило нескольким пенсионерам, в том числе и Мокрицкому, написать образа для церкви в имении майора Новикова в Симферопольском уезде Таврической губернии. Работа была распределена до 20 января 1839 года, окончить ее предлагалось к 1 мая 1839 года. Мокрицкий написал образ «Распятие», указав, что это — «оригинал». Размеры его были довольно велики: «2 арш[ина] 13 верш[ков] × × 1 арш[ин] 14 верш[ков]» (ЦГИАЛО, ф. 448, оп. 1, д. 160, л.л. 1 — 6). Судя по дальнейшим записям, речь идет об этом образе.

[438] Не установлено, какое произведение читал Брюллову Шевченко.

[439] Имеется в виду портрет баронессы Ульяны (Иулиании) Ивановны Клодт фон Юргенсбург (урожденной Спиридоновой, ?—1859), жены скульптора П. К. Клодта фон Юргенсбурга, племянницы И. П. Мартоса (по жене).

[440] Гейде — владелец ресторана.

[441] Мокрицкий вспоминает неудачный брак Брюллова. 27 января 1839 года Брюллов обвенчался с Эмилией Федоровной Тимм (во втором браке — Греч, 1821—1877), «дочерью бургомистра, президента консистории г. Риги и кавалера...», сестрой художника Василия Федоровича Тимма (1820—1895) (ЦГИА, ф. 789, оп. 16, д. 218, л. 1). Как сообщал Брюллов в письме к А. Х. Бенкендорфу, жена бежала от него тайком «марта 8-го» (ОР ГРМ, ф. 31, д. 117, л. 1). Брак Брюллова был расторгнут 21 декабря 1839 года (ОР ГРМ, ф. 31, д. 112, л. 12).

[442] Брюллов совершил четырехмесячное путешествие по Греции и Турции летом 1835 года, сопровождая, вместе с архитектором

Н. Е. Ефимовым и археологом И. Крамером, экспедицию гр. В. П. Давыдова.

[443] Упомянутое автором произведение Н. Пуссена находилось в собрании Эрмитажа. Творчество художника высоко оценивалось современной Мокрицкому критикой: Пуссен «соединял все прекрасное природы в одну рамку. Он не употреблял ни резких тонов, ни сильного освещения, ни эффектов... Пуссен главнейшею целию искусства полагал идею, ум — и владел ими в высшей степени, владел как философ» («Художественная газета», 1840, № 6, стр. 24—25).

[444] Обед, о котором упоминает Мокрицкий, был организован до возвращения Брюллова в Петербург, в 1834 году.

[445] «Портрет кн. А. Н. Голицына» (1840, ныне — в ГТГ). Запись в «Дневнике» позволяет уточнить время начала работы художника над портретом, что подтверждается и свидетельством А. И. Тургенева от 22 авг[уста] 1839 года: «...у Брюллова: Пресвятая Богородица, портрет к[нязя] Гол[ицына], Жук[овского]...» (ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 309, д. 319, л. 1 об.). Об окончании портрета сообщала «Художественная газета», перечисляя произведения, вышедшие из мастерской художника в 1840 году (№ 17, стр. 32).

[446] Вероятно, речь идет о копии с портрета баснописца И. А. Крылова, написанного Брюлловым в 1839 году (ныне — в ГТГ).

[447] Поездка Брюллова к всесильному гр. Бенкендорфу была вызвана необходимостью уладить скандал, возникший после разрыва художника с женой. Сохранились черновики письма Брюллова к Бенкендорфу, в которых Брюллов, излагая обстоятельства дела, просит защитить его от клеветы: «...сделавшись нечаянно средь моих мирных занятий жертвою удара судьбы и гнусной интриги, я прибегаю к Вам, Ваше сиятельство... Защитите, спасите меня, граф, от наглости подъяческих происков: не то я обесчещен и погиб жертвою самого безнравственного обмана...» (ОР ГРМ, ф. 31, д. 117, лл. 1—2). Этими унижениями и хлопотами, столь тяжкими для гордого и независимого характера художника, и объясняется, возможно, его дурное настроение, о котором пишет Мокрицкий.

[448] См. прим. 437.

[449] Речь идет о баронессе Наталии Карловне Клодт фон Юргенсбург (1820—1845), сестре скульптора (в замужестве Ященко) и У. И. Клодт фон Юргенсбург.

[450] Прянишников Федор Иванович (1793—1867) — член Государственного совета, директор Почтового департамента. Коллекционировал произведения русского искусства. После его смерти

собрание вошло в состав Публичного и Румянцевского музея в Москве. Портрет кн. А. Н. Голицына был написан по заказу Прянишникова.

451 Имеется в виду пасхальная неделя. В 1839 году праздник пасхи приходился на 26 марта.

452 Наврозовы — лица неустановленные.

453 1 декабря 1839 года Мокрицкий подал президенту Академии художеств прошение, в котором сообщал о своем отъезде в Малороссию, к родным (ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 2450, л. 1). Н. Д. Белозерский владел хутором Николаев под Борзною.

454 Виктор — лицо неустановленное.

455 Среди сочинений поэта, прозаика и драматурга Федора Николаевича Глинки (1786—1880) не обнаружено произведения с таким названием.

456 Речь идет об архитекторах Павле Гессе (1818—?), учившемся в Академии художеств с 1827 года и получившем в 1839 году звание художника, и об Ипполите Антоновиче Монигетти (1819—1878), принятом в Академию в 1834 году. В 1839— получил 2-ю золотую медаль и звание художника. В 1840 году Брюллов написал его портрет (ныне— в ГТГ). Боль, которая чувствуется в воспоминаниях Мокрицкого о Брюллове, и характеристика, которую он дает его окружению в последние месяцы, перекликаются со словами М. И. Железнова, писавшего об этом периоде в жизни художника: «Наконец, несчастная женитьба навсегда разрушила душевное спокойствие... До женитьбы Брюллов, борясь со своими дурными наклонностями, если не имел силы воли, чтобы восторжествовать над ними, то, по крайней мере, старался скрывать их, а после женитьбы, считая свою репутацию как человека навсегда потерянной, как говорится, на все рукой махнул...» (ОР ГРМ, ф. 22, д. 27, л. 9 об.).

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. Н. МОКРИЦКОГО

О А. Н. Мокрицком сложилось представление как о мастере, мало работавшем творчески и не оставившем большого художественного наследия. В какой-то мере это суждение подкрепляется малочисленностью сохранившихся до наших дней произведений художника.

Первое обстоятельное перечисление работ А. Н. Мокрицкого содержится в «Автобиографии» художника, опубликованной его бывшим учеником А. Н. Нисчонковым в «Художественном журнале» (1882, т. 3, стр. 147—158). В книге Т. В. Алексеевой «Художники школы Венецианова» (М., 1958, стр. 194—195) в списке произведений А. Н. Мокрицкого, являющемся до настоящего времени наиболее полным, значится 50 названий, из которых лишь тринадцать портретов, пейзажей и жанров отмечены как находящиеся в государственных музеях СССР и в частных коллекциях. Некоторые произведения А. Н. Мокрицкого, преимущественно копии с картин К. П. Брюллова, упомянуты в книге Э. Н. Ацаркиной «К. П. Брюллов. Жизнь и творчество» (М., 1963, стр. 319, 348). Однако изучение архивных документов, каталогов выставок, современных художнику и позднейших, картин А. Н. Мокрицкого, сохранившихся в частных и музейных собраниях, показало, что художник был автором довольно значительного количества работ. Эти сведения при подготовке настоящей публикации «Дневника» позволили существенно расширить список произведений Мокрицкого и внести в него ряд уточнений, касающихся названий и датировок.

В предлагаемом списке работы Мокрицкого распределены по разделам: живопись, рисунок, акварель и литография и внутри этих разделов расположены в хронологическом порядке. В списке приведены ссылки на архивы и литературу, откуда почерпнуты сведения о произведениях, указаны их местонахождение и выставки, на которых они экспонировались.

1829 год

Картина. Название, техника, местонахождение неизвестны.
Упоминается: письмо Е. П. и А. П. Гребенок к родителям от 14 сентября 1829 года. Государственный музей украинского изобразительного искусства УССР.

1833 год

Галерея Эрмитажа. (Вид внутренности коридора Зимнего дворца. Перспективный вид галереи Эрмитажа вдоль висячего сада. Западная галерея.) Х., м. 91×70,5. Подпись: *п. Апол. Мокрицкiй 1833.* На обороте холста старая надпись: *Перспект. Галереи Эрмитажа. Писана с натуры 16-го мая 1832 года. Пр. Ея Имп. Вел. 18-го Июля 1833 г.*
Собрания: Большой дворец в Петергофе; Екатерининский дворец-музей в г. Пушкине; Центральное хранилище пригородных дворцов-музеев, Гос. Эрмитаж.
Выставки: Историко-художественная выставка русских портретов, устраиваемая в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших в бою воинов в 1905 году.
Упоминается: в каталоге Таврической выставки под названием: «Комната Царскосельского дворца с портретом светл. кн. Шарлотты Карловны Ливен (род. 1742 г., сконч. 29 февр. 1828 г.), рожденной гр. Гаугребен. Статс-дама. Воспитательница Великих Княжон, дочерей императора Павла I»; в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) приводятся оба названия («Галерея Эрмитажа» и «Комната Царскосельского дворца...») как относящиеся к двум разным произведениям.
Портрет Е. П. Гребенки. Х., м. 70×60.
Собрания: Киевский государственный музей Т. Г. Шевченко. Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина имеются: гравюра на металле и литография (печ. В. Дарленг, рис. на камне П. Борель).
Портрет Н. А. Маркевича. [Х., м.].
Упоминается: ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 448, д. 48, л. 87 об.
Портрет Н. А. Маркевича. [Х., м.].
Упоминается: ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 448, л. 48, л. 87 об.
Портрет П. Левенца. [Х., м.].
Упоминается: ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 448, д. 48, л. 95.
Портрет Н. А. Маркевича. [Х., м.].

Упоминается: ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 448, д. 48, л. 87 об.

Портрет Н. А. Маркевича. [Х., м.].

Упоминается: ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 448, д. 48, л. 87 об.

Портрет Школиковой. [Х., м.].

Упоминается: ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 448, д. 48, л. 87 об.

1834 год

Портрет В. А. Маркевич (в замужестве Ушаковой). [Х., м.].

Упоминается: ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 448, д. 48, л. 95.

Портрет А. Ф. Мокрицкой, невестки художника. [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

Автопортрет. [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

Портрет Н. А. Маркевича. [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

Автопортрет. [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

Портрет гр. С. П. де Бальмена. [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

Портрет Петра Г. Галагана (в шляпе). [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

Полуперспектива гостиной в господском доме Галаганов в Дегтярях. [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

Портрет С. Г. Вишневской. [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

Портрет У. Н. Селивановичевой. [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет В. Н. Селивановичевой (в замужестве Казадаевой). [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3.

Портрет С. А. Галаган. [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

1835 год

Портрет Павла Г. Галагана. Копия. [Х., м].

Упоминается: ЦГИА УССР в Киеве, ф. 1475, оп. 1, д. 1329, л. 5 об.

Картина. [Х., м.]. Название и местонахождение неизвестны.

Выставки: Постоянная выставка Общества поощрения художников. 1835 год.

Упоминается в «Дневнике».

Портрет члена семьи Казадаевых. [Х., м.].

Упоминается в «Дневнике».

Портрет Фенеллы (возможно, балерины М. Д. Новицкой). [Х., м.]
Упоминается в «Дневнике».
Портрет М. Н. Прокопович. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет Е. И. Пузино. Х., м. 82,5×62. Подпись: *A. Mokritski fecit anno, 1835.*
За этот портрет 24 декабря 1835 года А. Н. Мокрицкому была присуждена Советом Академии художеств 2-я серебряная медаль.
Собрания: семьи Пузино, ГРМ.
Упоминается: «Дневник»; Т. В. Алексеева. Указ. соч.
Портрет П. И. Пузино. Х., м. 81,5×65. Подпись: *Мокрицкій.*
Собрания: семьи Пузино, ГРМ.
Упоминается: Т. В. Алексеева. Указ. соч.
Портрет Анны Федоровны. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет еврея. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет Прохора. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет Андреевой. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет неизвестного [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет Л. К. Плахова. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет Федорова. [Х. м.].
Упоминается в «Дневнике».
«Картинка» (написана для С. А. Галаган). [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Автопортрет. Х., м. 32,7×26,5. Декабрь 1835 — январь 1836.
Собрания: А. Н. Мокрицкого, Г. С. Лошкарева, семьи Лошкаревых, ГРМ.
Упоминается: «Дневник»; в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) не датирован.
Портрет Э. Ф. Потс. Х., м. Окончен в январе 1836 года.
Упоминается в «Дневнике».

1836 год

Ярмарка. Эскиз. Х., м.
Упоминается в «Дневнике».
Портрет Н. В. Кукольника. Х., м.
Упоминается в «Дневнике».

Петр Великий в Саардаме. Эскиз. Х., м.
Упоминается в «Дневнике».
Петр Великий в Саардаме. Х., м.
Собрания: А. Л. Волынского, М. А. Зеликиной. Ныне — неизвестно.
Упоминается: «Дневник»; Т. В. Алексеева. Указ. соч.
Разносчик плодов. [Х., м.].
Упоминается: «Дневник»; Т. В. Алексеева. Указ. соч.
Портрет мисс Муррей. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет детей Н. И. Греча. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».

1837 год

Семейный портрет. Х., м. 41,5×32. Подпись: *А. М. 18 III 37.*
Собрания: А. Я. Голебской, ГРМ.
Упоминается: Т. В. Алексеева. Указ. соч.
Закат солнца. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет П. Д. Григорович, матери В. И. Григоровича. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Портрет А. Ф. Мокрицкой, невестки художника. Х., м.
Упоминается в «Дневнике».
Голова Велизария. Х., м.
Упоминается в «Дневнике».
Ян Усмович. Эскиз. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Старики. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».

1838 год

Портрет художника К. П. Брюллова. Х., м.
Упоминается: «Дневник»; Э. Н. Ацаркина. Указ. соч.
Портрет В. Вильде. [Х., м.].
Упоминается в «Дневнике».
Бахчисарайский фонтан. Х., м. Копия с картины К. П. Брюллова (1838—1849. Всесоюзный музей А. С. Пушкина).
Упоминается в «Дневнике».
Портрет скульптора Ф. И. Эппингера. Х., м.

За этот портрет А. Н. Мокрицкий 2 октября 1838 года получил 1-ю серебряную медаль.
Упоминается: «Дневник»; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Святой Себастьян. Этюд. Х., м.
За этот классный этюд А. Н. Мокрицкий 2 октября 1838 года получил 1-ю серебряную медаль.
Упоминается: «Дневник»; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет В. А. Жуковского. Х., м. Копия с портрета работы К. П. Брюллова (1837—1838. Киевский государственный музей Т. Г. Шевченко).
Упоминается: «Дневник»; Э. Н. Ацаркина. Указ. соч.

1839 год

Распятие. Образ для церкви в имении майора Новикова в Симферопольском уезде Таврической губернии. Х., м.
Упоминается в «Дневнике».

Портрет баснописца И. А. Крылова. [Х., м.]. Копия с портрета работы К. П. Брюллова (1839, ГТГ).
Упоминается в «Дневнике».

Дочерняя любовь римлянки. (Римлянка, кормящая грудью отца в темнице). Х., м.
За эту картину А. Н. Мокрицкий получил 24 сентября 1938 года 2-ю золотую медаль.
Собрания: Г. С. Лошкарева, Н. Г. Лошкарева, ныне — неизвестно.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 2450; л. 1; «Художественная газета», 1840, № 16; в «Художественном журнале», 1882, т. 3 и в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ соч.) под названием: Любовь римлянки.

1840—1841 годы

Портрет графини Ильинской. [Х., м.].
Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет графа Я. Ильинского. [Х., м.].
Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет Г. С. Лошкарева. [Х., м.].
Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет Раковской (урожденной Бейзим). [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет коменданта г. Житомира полковника Гурьева и его супруги. [X., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет председателя гражданской палаты в г. Житомире Ротзамунда. X., м.

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет губернского почтмейстера г. Житомира С. Д. Шержинского. [X., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет архиепископа Никанора. [X., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3.

1841 год.

Женский портрет. (Портрет дамы перед зеркалом). X., м. 108×84.

Подпись: *А. Мокрицкій 1841.*

Собрания: Калужский областной художественный музей.

Упоминается: в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Портрет неизвестной перед зеркалом.

1841—1842 годы.

Голова старика. Этюд. X., м.

Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Голова старика. Этюд. X., м.

Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2

Иоанн Креститель (погрудное изображение). Этюд. X., м.,

Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Голова натурщика Паскоаля. Этюд. X., м.

Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2

Натурщик с черной бородой и мечом в руках. Этюд. X., м.

Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2

Натурщик Цезарь (в рост). Этюд. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Портрет девочки в красном платье. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Мариэтта. Этюд черноволосой натурщицы в хитоне и плаще. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Натурщик Джузеппе. Этюд. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Портрет художника В. И. Штернберга. Этюд. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2

Профиль натурщицы Клариче. Этюд. Х. м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Натурщица Клариче со спины. Этюд. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Портрет скульптора П. А. Ставассера. Х, м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2; «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Мариучча в костюме чочары. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2

Голова мальчика. Этюд. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Голова мальчика. Этюд. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Голова натурщика с лысиной, черной бородой и усами. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Италь[янка]. Этюд. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Портрет франта (погрудное изображение). Х., м.

Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Портрет архитектора К. А. Бейне. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

Портрет архитектора И. А. Бенземана и натурщицы Клариче у фонтана. Х., м.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; д. 3600, л. 2.

1842 год

Пейзажи во Фраскати. Этюды. Х., м.
Упоминаются: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—1 об.; ОР ГПБ, ф. 124, Ваксель, д. 57, л. 4; «Художественный журнал», 1882, т. 3.

Портрет директора русских художников в Риме П. И. Кривцова. Х., м.
Упоминается: в «Художественном журнале», 1882, т. 3 и в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) — портрет Кравцова.

Портрет Е. Н. Кривцовой, жены П. И. Кривцова. Х., м.
Упоминается: в «Художественном журнале», 1882, т. 3 и в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) — Портрет Е. Н. Кравцовой.

1843 год

Портрет епископа восточной церкви (поколенный). (Портрет армянского епископа). Возможно—портрет Г. К. Гайвазовского (Айвазовского), жившего в Италии с 1826 по 1848 год, брата И. К. Айвазовского.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3600, л. 2; Архив ГЭ, оп. II, 1843, д. 34—63, лл. 45, 47; «Художественный журнал», 1882, т. 3; в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) — под названием: Портрет армянского епископа Педро Эдуарда.

Портрет епископа восточной церкви (погрудное изображение). (Портрет армянского епископа). Возможно — портрет Г. К. Гайвазовского.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д 3600, л. 2.

Портрет турчанки. Х., м. 99×74. Подпись: *А. Мокрицкій. Римъ 1843.*
Собрания: В. А. Перцева, Ярославский художественный музей.
Упоминается: в списке произведений А. Н. Мокрицкого

(Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Голова турчанки.

Сибилла персика. Копия с Гверчино. Х., м.

Была исполнена по заказу вел. кн. Марии Николаевны.

Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 2752, лл. 7, 8; Архив ГЭ, оп. II, 1843, д. 34—63, лл. 45, 47; ЦГАЛИ, ф. 680, д. 111, л. 81; в «Художественном журнале», 1882, т. 3 и в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Сабилла, не датирована.

Портрет женщины с ребенком. (Женщина с грудным младенцем). Х., м.

Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 2752, лл. 7, 8; Архив ГЭ, оп. II, 1843, д. 34—63, лл. 45, 47; в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Женщина с ребенком.

Итальянка с цветами на балконе дома на Корсо в Риме, во время карнавала. (Римский карнавал; Карнавал; Итальянка в костюме чочары, бросающая цветы с балкона во время карнавала; Сцена из римского карнавала). Х., м. 135×99. Окончена в 1845 году. Холст дублирован. На обороте холста до дублировки была надпись: *Maria Joli d'Atvi Begnosi Napoli Macrizki. Roma. 1840.*

Собрания: вел. кн. Марии Николаевны, Палласовой, ныне — Таганрогская картинная галерея.

Выставки: Выставка художественных произведений имп. Академии художеств в Петербурге в 1846 году.

Упоминается; ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3027, л. 1; д. 3360; л. 1; ЦГАЛИ, д. 680, оп. 3, д. 14, л. 38 об.; ОР ГПБ, ф. 9; Айвазовский, д. 11, л. 3 об.; «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

1843—1846 годы

Портрет архитектора А. И. Резанова. [Х., м.].

Упоминается: в «Художественном журнале», 1882, т. 3 и в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Портрет Рязанова.

Портрет г-на Риччи. [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет г-на Давициелли. [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет римлянина Мазелли. [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет живописца Мозанчида. [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет Бонафеде (возможно, Ю. (Ж.) П. Бонафеде, химика-мозаичиста). [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет доктора Розетти. [Х., м.]

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет детей адвоката Якучи. [Х., м.]

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет живописца из Милана Кеса. [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Портрет наместника армянского епископа Педро Эдуарда. [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3; в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Портрет армянского епископа Педро Эдуарда.

Этюды женских головок. [Х., м.].

Упоминаются: «Художественный журнал», 1882, т. 3.

Портрет римлянки с вуалью на голове (поясной). [Х., м.].

Упоминается: «Художественный журнал», 1882, т. 3.

1845 год

Пейзажи окрестностей Дженциано. Этюды. [Х., м.].

Упоминается: ОР ГПБ, ф. 124, Ваксель, д. 4917, л. 2; «Художественный журнал», 1882, т. 3.

1846 год

Жанровая итальянская сцена. [Х., м.]. Подпись: *Римъ. 1846 г. Мокрицкій.*

Собрания: Ю. В. Невзорова, Тюменская областная картинная галерея.

Упоминается: Т. В. Алексеева. Указ. соч.

Пейзажи окрестностей Вероны. Этюды. [Х., м.].

Упоминаются: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, л. 2.

Скорбящая богоматерь. Образ для церкви в имении У. Н. Селивановичевой. [Х., м.].
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, лл. 1—2; «Художественный журнал», 1882, т. 3.

Спаситель в терновом венце. Образ для церкви в имении У. Н. Селивановичевой. [Х., м.].
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, л. 1—2; «Художественный журнал», 1882, т. 3.

Три женские полуфигуры. (Три женских поясных этюда с натуры). [Х., м.].
Выставки: Выставка художественных произведений в Академии художеств в 1847 году.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3331, лл. 12—12 об.; д. 3360, л. 1.

Пейзажи. Этюды. (Три этюда по части пейзажной). [Х., м.].
Выставки: Выставка художественных произведений в Академии художеств в 1847 году.
Упоминаются: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3331, лл. 12—12 об.: д. 3360, л. 1.

Возможно, два из них:

Лес. Пейзаж. [Х., м.]
Упоминается: в «Художественном журнале», 1882, т. 3 и в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Пейзаж. 1847.

Пейзаж (Итальянский пейзаж с античными руинами). Х., м. 68×88.
Подпись: *Апол. Мокрицкій Римъ 1847.*
Собрания: М. А. Тиховой, ГРМ.

Портрет скульптора Н. А. Рамазанова (погрудное изображение). [Х., м.].
Выставки: Выставка художественных произведений в Академии художеств в 1847 году.
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3331, л. 12—12 об.; д. 3360, л. 1; «Художественный журнал», 1882, т. 3; в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) датирован 1848 годом.

1848 год

Пейзаж в Коллепардо. [Х., м.].
Упоминается: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 3360, л. 14 об., 23: «Художественный журнал», 1882, т. 3.

Пейзаж. [Х., м.].
Упоминается: ЦГИА, ф. 789 оп 1, ч. 2, д. 3360 л 14 об 23;

1849 год

Портрет преосвященного Никанора, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского. Х., м.

За этот портрет А. Н. Мокрицкий получил в сентябре 1849 года звание академика.

Собрание: Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры в Петербурге, ныне — неизвестно.

Упоминается: в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Портрет петербургского митрополита Никанора Новгородского.

Сватовство майора. Копия с картины П. А. Федотова. Х., м.

Собрание: Днепропетровский художественный музей, ныне — неизвестно.

1851 год

Портрет А. Г. Собоцинского. Х., м.

Выставки: Выставка в Училище живописи и ваяния в Москве в 1852 году.

Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 14, л. 28 об.

Портрет В. Г Дрипевича. Х., м.

Выставки: Выставка в Училище живописи и ваяния в Москве в 1852 году.

Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 14, л. 28 об.

Пейзаж. Утро. [Х., м.].

Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 14, л. 28 об.

Пейзаж. Полдень. (Полдень. Местность в окрестностях Рима). [Х., м.].

Выставки: Выставка в Училище живописи и ваяния в Москве в 1852 году.

Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 14, л. 28 об.

Пейзаж. Вечер. (Вечер. Местность в окрестностях Рима). [Х., м.].

Выставки: Выставка в Училище живописи и ваяния в Москве в 1852 году.

Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 14, л. 28 об.

Пейзаж. Ночь. (Ночь. Местность в окрестностях Рима). [Х., м.].

Выставки: Выставка в Училище живописи и ваяния в Москве в 1852 году.

Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 14, л. 28 об.

1852 год

«Утро в Апеннинах. Х., м. 77,5×104,5. Подпись: *А. Мокрицкий 1852.*

Собрания: Ю. В. Невзорова.

Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 15, л. 38 об.
Пейзаж. Мотив из природы италианской. Х., м.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 15, л. 28 об.
Воскресение. Образ. [Х., м.].
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680. оп. 3, д. 15, л. 38.
Сцена из римского карнавала. [Х., м.]
Выставки: Выставка в Училище живописи и ваяния в Москве в 1852 году.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 15, л. 38 об.

1853 год

Портрет М. А. Мокрицкой, жены художника. Х., м. 77×61
Подпись: *Аполлонъ Мокрицкiй 1853 г. июля 23.*
Собрания: семьи Мокрицких; Д. И. Вострякова; Государственный музей украинского изобразительного искусства УССР.
Выставки: Историко-художественная выставка русских портретов, устраиваемая в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших в бою воинов в 1905 году
Упоминается: ОР ГТГ, ф. 33, д. 26, л. 1 об.; в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Портрет жены.
Портрет г-жи Стукен. Х., м.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 16, л. 20; ОР ГТГ, ф. 33, д. 26, л. 1 об.
Портрет г-жи Дюпюи. Х., м.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 16, л. 20; ОР ГТГ, ф. 33, д. 26, л. 1 об.
Портрет Карташева. Х., м.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 16, л. 20; ОР ГТГ, ф. 33, д. 26, л. 1 об.
Портрет десятилетнего сына г-на Иордана. [Х., м.].
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 16, л. 20; ОР ГТГ, ф. 33, д. 26, л. 1 об.
Портрет доктора Самсона с его семейством. [Х., м.].
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 16, л. 20; ОР ГТГ, ф. 33, д. 26, л. 1 об.
Голова юноши. Этюд. Х., м.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 16, л. 20; ОР ГТГ, ф. 33, д. 26, л. 1 об.
Пейзаж Местность в окрестностях Рима. Копия с картины Гурлита. [Х., м.].
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 16, л. 20.

Портрет трех детей полковника Зеленого, директора Лаз[аревского] п[едагогического] и[нститута]. Х., м.
Упоминается: ОР ГТГ, ф. 33, д. 26, л. 1 об.

1856 год

Вид Москвы. Х., м.
Приобретен для лотереи в Училище живописи и ваяния в Москве в 1860 году.
Выставки: Художественные выставки в Училище живописи и ваяния в Москве в 1858 и 1860 годах.
Упоминается: ОР ГПБ, ф. 850, Шевырев, д. 376, л. 5 об.; ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 169, л. 10; д. 154, л. 90; д. 231; л. 121; ф. 680, оп. 3, д. 19, л. 18 об.; «Московские ведомости», 1856, 30 августа, № 104; в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) — Вид Москвы (вид с балкона дома Кокорева), не датирован.

1858 год

Портрет детей профессора Н. А. Вышнеградского. [Х., м.].
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 18, л. 48 об.
Добродетельная римлянка. Х., м.
Выставки: Художественная выставка в Училище живописи и ваяния в Москве в 1858 году.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 169, л. 10; ОПИ ГИМ, ф. 457, д. 8, л. 36.
Спящая красавица. Копия с картины Скиавони. Х., м.
Выставки: Художественная выставка в Училище живописи и ваяния в Москве в 1858 году.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 169, л. 10.

1859 год

Портрет А. В. Киреевой (Портрет Олениной). Х., м. 82×66. Подпись: *А. Мокрицкій. 1859.*
Собрания: Курская картинная галерея имени А. А. Дейнеки.
Выставки: Выставка в Училище живописи и ваяния в Москве в 1860 году.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 15, л. 25 об.; д. 231, л. 48 об.; ф. 680, оп. 3, д. 18, л. 48 об; в списке произведений А. Н. Мокрицкого (Т. В. Алексеева. Указ. соч.) под названием: Портрет Олениной, не датирован.
Портрет В. А. и Ал. А. Мокрицких, сыновей художника, в детстве. Х., м. 52,5×63,5

Собрания: К. А. Пирозерской, ГРМ.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 231, л. 25 об. под названием: Детский портрет.

1862—1864 годы

Взятие богоматери на небо. Запрестольный образ в иконостасе церкви при школе межевых топографов в Москве. X., м.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 231, л. 173 об.

Пейзаж. [X., м.].
Приобретен для лотереи в Училище живописи и ваяния в Москве в 1864 году.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 154, л. 146; д. 169, лл. 259—260.

Пейзаж. [X., м.].
Приобретен для лотереи в Училище живописи и ваяния в Москве в 1864 году.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 154, л. 146; д. 169, лл. 259—260.

Пейзаж. [X., м.].
Приобретен для лотереи в Училище живописи и ваяния в Москве в 1864 году.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 154, л. 146; д. 169, лл. 259—260.

1867 год

Пейзаж. [X., м.].
Выставки: Выставка художественных произведений при Училище живописи и ваяния в Москве в 1867 году. Был приобретен для лотереи.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 169, лл. 259—260.

Пейзаж. [X., м.].
Выставки: Выставка художественных произведений при Училище живописи и ваяния в Москве в 1867 году. Был приобретен для лотереи.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 169, лл. 259—260.

Внутренний вид итальянской виллы. [X., м.].
Выставки: Выставка художественных произведений при Училище живописи и ваяния в 1867 году. Был приобретен для лотереи.
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 169, лл. 259—260.

Недатированные произведения

Портрет неизвестного. Х., м. 80,5×67,3
Собрания: А. Г. Гордона, Государственный музей украинского изобразительного искусства УССР.

РИСУНОК*

1832 год

Рисунок с картины А. Г. Венецианова «Захарка».
Упоминается: Т. В. Алексеева. Указ. соч.

1833 год

Портрет Н. А. Маркевича.

1834 год

Портрет С. А. Галаган

1835 год

Кошка, глядящаяся в лакированный сапог.
Фонарик.
Портрет чумака.
Портрет Л. К. Плахова.
Германик.
Боргезский боец.
Анатомия головы.
Автопортрет.
Портрет Свечина.
Петр Великий в Саардаме.
Пет.
Анатомия.
Копия с неизвестного произведения Рафаэля.
Античная фигура.

1836 год

Германик.
Рынок. (Ярмарка).

---

* Все перечисленные рисунки, кроме рисунка с картины А. Г. Венецианова «Захарка», «Портрета П. П. Ершова», «А. С. Пушкина в гробу» и «Портрета В. И. Штернберга», упоминаются в «Дневнике».

Портрет С. А. Плетневой.
Портрет О. П. Плетневой.
Портрет гувернантки Плетневых, Марии Яковлевны.
Боргезский боец.
Аполлино.
Германик.
Портрет М. А. Бенземан (в профиль).
Портрет Делисы (в профиль).
Портрет Казекова.
Портрет К. П. Брюллова (в профиль).
Проволочная головка.
Череп.
Дама и кавалер в четвертой фигуре кадрили.
Боргезский боец.
Анатомия.
Кисть руки.
Две головки скелета.
Кисть руки.
Портрет П. П. Ершова.
Упоминается: ОР ИРЛИ АН СССР, ф. 65, д. 22, л. 1.

1837 год

А. С. Пушкин в гробу. Б., граф. кар.
Собрания: Мемориальный музей-квартира А. С. Пушкина.
Упоминается: Т. В. Алексеева. Указ. соч.
Слепок Германика.
Лаокоон.
Анатомия.
Портрет Н. Менцова.
Лаокоон.
Торс Геркулеса Бельведерского.
Муза.
Спина торса Геркулеса Бельведерского.
Портрет И. Т. Дементьева.
Бюст К. П. Брюллова.
Портрет А. Ф. и Ю. А. Мокрицких, невестки и племянницы художника.
Портрет В. А. Богдановича, дяди художника.
Ездовой.
Гуси.
Крестьянские дети (7 рисунков с натуры).
Портрет А. Ф. Мокрицкой, невестки художника (в профиль).

Портрет Ю. А. Мокрицкой, племянницы художника, танцующей с «мамкою».
Копия с иллюстрации Д. Флаксмана к «Илиаде» Гомера.
Закат солнца.
Дом Мокрицких в Пирятине.
Портрет Га710енко.
Портрет В. А. Богдановича, дяди художника.
Портрет молодой девушки.
Кавалер и старичок.
Портрет [Н. А.] Бенземана.
Копия с неизвестной работы Карраччи.
Портрет Е. Т. Готовцева с племянником.
Ян Усмович.

1838 год

Спаситель.
Натурщик.
Венера.
Боргезский боец.
Руки В. А. Жуковского (копия с портрета В. А. Жуковского работы К. П. Брюллова).
Эскиз для программы «Добродетельная римлянка».
Портрет Жигмонта.

1839 год

Портрет В. И. Штернберга (в профиль).
Собрания: Был сделан в альбоме Е. П. Гребенки. Принадлежал Н. Д. Быкову (см.: Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. IV. СПб., 1889, стр. 286). Ныне — неизвестно.
Портрет У. И. Клодт фон Юргенсбург, жены скульптора.
Автопортрет.

АКВАРЕЛЬ*

1834 год

Портрет С. А. Галаган.

---

* Все перечисленные акварели 1834—1837 годов упоминаются в «Дневнике».

1835 год

Портрет Вульферта.
Портрет Шевича.
Портрет Шевича.
Портрет Э. Ф. Потс.
Портрет Р. И. Лукомского (исполнен совместно с И. М. Сошенко).

1836 год

Портрет Валмусова.
Портрет Ал. Н. Мокрицкого, брата художника.
Портрет Свечина.
Портрет [М. П.] Глинки.

1837 год

Портрет Ивановой.
Ездовой, пасущий гусей.
Портрет М. Бородиной.

1841—1842 годы

Костюмы (итальянские, народные).
Упоминаются: ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 360, л. 2.

1853 год

Соррентинка у калитки сада дарит плодами пустынника. Копия с акварели В. И. Штернберга.
Упоминается: ОР ГТГ, ф. 77, д. 774, л. 9 ЦГАЛИ, ф. 680, об. 3, д. 16, л. 20.

1858 год

Пейзаж с натуры (для г-на Бабкина).
Упоминается: ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 18, л. 48 об.

ЛИТОГРАФИЯ

1836 год

Портрет А. В. Кольцова.
Упоминается. «Дневник»; Т. В. Алексеева. Указ. соч.

1837 год

А. С. Пушкин в гробу.
Собрания: Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

19. К. П. Брюллов. Портрет Н. В. Кукольника. Х., м. 1836. ГТГ
20. М. И. Скотти. Портрет А. С. Кудинова. Б., накл. на б., кар. 1836. ГТГ
21. М. И Скотти. Портрет П. П. Норева. Б., накл. на б., кар. 1836. ГТГ
22. К. П. Брюллов. Распятие. Б., сепия, акв., граф. кар. 1835. ГТГ
23. К П Брюллов. Последний день Помпеи. Х., м. 1830—1833. ГРМ
24 А. Н Мокрицкий. Пейзаж. Х., м. 1847. ГРМ
25. К. П. Брюллов. Портрет художника Я. Ф. Яненко в латах. Х., м 1841. ГТГ
26. С. К. Зарянко Портрет гр. Ф. П. Толстого. Х., м. 1850. ГРМ
27. К. А Ухтомский. В мастерской художника. Б., накл. на б., акв. 1836. ГТГ
28. М. И. Скотти. Портрет А. И. Теребенева. Б., накл. на б., кар. 1836. ГТГ
29. М. И. Скотти. Портрет натурщиков Тараса, Ефрема, Мартиана и Никиты. Б., накл. на б., кар. 1836. ГТГ
30. К. П. Брюллов. Портрет Пл. В. Кукольника. Х., м. Около 1837. ГТГ
31. К П. Брюллов. Портрет кн. Е. П. Салтыковой. Х., м. Около 1838 ГРМ
32. А. Н. Мокрицкий. А. С. Пушкин в гробу. Б., кар. 1837. Мемориальный музей-квартира А. С. Пушкина
33. Ф. М Славянский. Кабинет А. Г. Венецианова. (Копия с картины А. В. Тыранова.) Х., м. Середина 1830-х — начало 1840-х годов. ГТГ
34. А. Н. Мокрицкий. Утро в Апеннинах. Х., м. 1852. Собрание Ю. В. Невзорова. Москва
35. В. И. Штернберг. Переправа под Киевом. Х., м. 1837. Киевский государственный музей Т Г Шевченко
36. А. Н. Мокрицкий. Семейный портрет. Х., м. 1837. ГРМ
37. С. К. Зарянко. Портрет певца О. А. Петрова. Х., м. 1849. ГРМ
38. А. Н. Мокрицкий. Портрет турчанки. Х., м. 1843. Ярославский художественный музей
39. К. П. Брюллов. Портрет гр. О. П. Ферзен. Х., м. Около 1837. ГТГ
40. Т. Г. Шевченко. Автопортрет. Б., м.. 1840—1841. Киевский государственный музей Т. Г. Шевченко
41. К. П. Брюллов. Портрет писателя А. Н. Струговщикова. Х., м. 1840. ГТГ
42. Лист из «Дневника художника А. Н. Мокрицкого» (30 апреля 1838 года). ОР ГТГ

43. В. И. Штернберг. Портрет А. Н. Мокрицкого. Карикатура. Б., акв. 1844. ГТГ
44. В. И Штернберг Автопортрет. Х., м. 1838—1840. Киевский государственный музей Т. Г. Шевченко
45 К. П Брюллов. Портрет кн. А Н Голицына Х , м. 1840. ГТГ
46. К. П. Брюллов. Портрет баснописца И. А. Крылова. Х., м. 1839. ГТГ
47. К. П. Брюллов. Портрет архитектора И. А. Монигетти. Х., м. 1840. ГТГ
48. А. Н. Мокрицкий. Портрет М. А. Мокрицкой, жены художника. Х., м. 1853. Государственный музей украинского изобразительного искусства УССР

СОДЕРЖАНИЕ

Дневник художника А. Н. Мокрицкого.
М., «Изобразительное искусство», 1975. Составитель Н. Л. Приймак
1—272 стр., илл. 1—48 стр.

М 74

Автор «Дневника» — художник А. Н. Мокрицкий, ученик А. Г. Венецианова и К. П. Брюллова, позднее преподаватель Московского училища живописи и ваяния. Публикуемый документ, хронологические рамки которого ограничены 1834—1840 годами, отличается разнообразием и обилием фактических сведений, особенно ценных, так как эпоха эта небогата мемуарным и эпистолярным наследием деятелей изобразительного искусства. «Дневник» представляет значительный интерес для истории русской художественной культуры, для исследователей живописи, музыки, театра и литературы первой половины XIX века.

7С1

ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА А. Н. МОКРИЦКОГО

Составитель *Н. Л. Приймак*

Редактор *В. М. Моргулис*

Художественный редактор *И. М. Русина*

Технический редактор *Т. П. Бакланова*

Корректоры *Л. М. Жарковская, Л. И. Гордеева*

Художник *А. Д. Крюков*

Сдано в набор 30/IX-1974 г. А06934. Подп. к печ. 3/IX-1975 г. Изд. № 2-82. Формат 70×108 1/32. Бум. типогр. 70 гр., мел. 120 гр. Печ. л. 8,5+1,5 вклейки. Уч.-изд. л. 16,058. Усл. печ. л. 14. Тираж 20 000. Зак. 6063. Цена 1 р. 27 к.

«Изобразительное искусство». М., 1975. Стр. 1—272
Москва 129272, Сущевский вал, 64

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21

